

Юлия Васильева

Милые чудовища

Фэнтези • Интриги • Юмор

Annotation

Джентльмен может выйти на улицу без денег, но без зонта — никогда! Почему? Понаблюдайте за сэром Бенедиктом Брутом и узнаете...

Обаятельный, самоуверенный, циничный иностранец покажет все прелести работы криптозоолога, привьет любовь к магическим животным, научит, как обращаться с мошенниками всех мастей и не слишком нервировать полицию.

А помогут ему в этом милые чудовища!

- [Юлия Васильева](#)
    - [Тест первый. Кроленьи бега](#)
    - [Боттом первого теста](#)
    - [Тест второй. Сокровище фуцанлуна](#)
    - [Боттом второго теста](#)
    - [Криз](#)
    - [Тест третий. Ховала и духи](#)
    - [Боттом третьего теста](#)
    - [Тест четвертый. Игра со сфингой](#)
    - [Боттом четвертого теста](#)
  - [Примечания](#)
    - [\[1\]](#)
    - [\[2\]](#)
    - [\[3\]](#)
    - [\[4\]](#)
    - [\[5\]](#)
-

Юлия Васильева
Милые чудовища

Тест первый. Кроленьи бега

Иннинг первого теста

«По весне самки кроленей обрастают пушистым персиковым мехом и начинают источать особый аромат, напоминающий запах лесных ягод. За право обладать сердцем такой красавицы самцы борются друг с другом, не жалея рогов своих, оттого и треск стоит в английских лесах».

Из книги «Лесная дичь» Вилфа Лонграфла

Тест первый. Кроленьи бега

I

Для Анфисы Ксаверьевны Любчик эта история началась с предложения руки и сердца. И хотя многочисленные дамские романы приучают нас, что хорошие сюжеты должны таковой сценой скорее заканчиваться, хозяйка дома в Пекарском переулке прожила достаточно насыщенную жизнь, чтобы верить в них лишь до тех пор, пока не перевернута последняя страница.

Поэтому именно предложение руки и сердца побудило ее совершить поступок, который в другое, более спокойное время показался бы сущим безумством. Ведь, как известно, женщина, доведенная до отчаяния, может пойти на крайние меры. И в тот знаменательный день Анфису Ксаверьевну до отчаяния доводило мучительное признание Калины Ипатьевича Маслова в вечной и пламенной любви. Вид купца второй гильдии не наводил на мысли о чем-то вечном и уж тем более о чем-то пламенном, скорее уж о

бренности всего живого и о том, насколько холодной выдалась нынешняя весна.

— Я, милая моя Анфиса Ксаверьевна, честно, токмо визитами к вам и спасаюсь... — низко-низко, словно притомившийся в полдень шмель, гудел норовивший встать на колено жених.

К несчастью, колено было больное, потому он тут же подскакивал, а через пять минут повторял сие упражнение, напрочь позабыв о предыдущих неудачах. Калина Ипатьевич был еще не дряхл, но все ж годков на десять постарше своей избранницы. Волосы, стриженные в кружок, отливали серебром, да и посреди самого кружка уже образовалось порядочное озеро — того и гляди выйдет из берегов. Рубаху купец надел алую, праздничную, и сапоги хромовые, вот только не понять, что поскрипывает, хром этот или коленные суставы хозяина. В общем, шик, да не тот шик, которого Анфисе Ксаверьевне хотелось бы.

Сама она, несмотря на свой элегантный возраст, привлекательности отнюдь не утратила. Куда там, иной раз и студенты засматривались на эдакую импозантную барыню... Была наша героиня ладная и мягкая, округлая, где надо, и тонкая, где следует, со светлыми волосами, которые безо всяких женских ухищрений завивались колечками, и маленькой кокетливой родинкой под уголком правого глаза, придававшей почтенной вдове военного офицера несколько легкомысленный и игривый вид.

«Какая жалость, что Калина Ипатьевич дозрел до изъяснения своих чувств раньше, чем я придумала деликатный способ его отвадить, — с досадой размышляла она, прикидывая способ отказать таким образом, чтобы не прослыть слишком уж разборчивой невестой. — Было бы из чего выбирать, чтобы направо и налево разбрасываться такими вот Калинами Ипатьевичами».

Иногда, в особо трудные жизненные минуты, Анфиса Ксаверьевна мечтала переложить свои вдовьи тяготы на крепкие мужские плечи, но то ли плечи нынче пошли не те, то ли ей все никак не везло, решиться, на чьи же именно, не представлялось никакой возможности.

Посему, пока гость неутомимо базил, словно большой колокол на соседнем соборе, хозяйка дома как бы смущенно прикрыла глаза,

загадочно трепеща ресницами, а сама тем временем поглядывала на улицу, пытаясь подобрать слова для подходящего случая ответа.

Купцу, старому знакомцу еще ее покойных родителей, следовало отказать, несмотря на денежные проблемы и сына лицеиста, из-за беспокойства о судьбе которого эти проблемы, собственно, и возникли.

Неожиданно даже для самой себя Анфиса Ксаверьевна наткнулась на границу, до которой простиралась ее, казалось бы, безграничная материнская любовь. Впервые за несколько лет ей в голову пришла крамольная мысль, что дворянский лицей не так уж и нужен Матюше...

Хозяйка дома вздохнула и вновь посмотрела в окно...

Дворник Сильвестр подметал улицу, то и дело останавливаясь и прикладываясь к чему-то скрытно вытаскиваемому из кармана фартука, потом вдруг заметил отдернутую шторку во флигеле, и метла заходила туда-сюда в два раза быстрее. Видно, внимательный взгляд вдовы обладал гораздо большей энергией, нежели то, что находилось в кармане фартука.

Когда Калина Ипатьевич подобрался к середине своего признания и от расписания бедствий, претерпеваемых им от семерых детей, и одинокой жизни состоятельного вдовца перешел к описанию достоинств своей избранницы, перед окнами остановилась новенькая лакированная коляска — судя по всему, возница решил уточнить дорогу у дворника. Только вот Сильвестр повел себя странно: вместо того чтобы дать подробные разъяснения (и медяк ведь не лишний!), вдруг сначала мелко закрестился сам, а затем закрестил и коляску, поминутно сплевывая через левое плечо.

Несколько уличных зевак замерли и с видимым интересом разглядывали содержимое экипажа. Анфиса Ксаверьевна тоже подвинулась ближе к окну, подозревая, что до сути своего выступления купец доберется еще нескоро. А из коляски тем временем выпрыгнула высокая, закутанная в черное фигура. Мелькнул атласный подклад, резной край плаща — словно летучая мышь крылом махнула.

Нет, зря она дурно думала о шике в исполнении Калины Ипатьевича, бывает и похуже...

Куда хуже... Хозяин коляски повернулся, и стал виден слегка старомодный цилиндр, черный костюм, черная рубашка, бриллиантовыми искрами сверкнула застежка на плаще. В руках

незнакомец держал черный же зонт, хоть небо и стояло чистое, словно стеклышко, и этим-то зонтом бесцеремонно указывал в сторону дома, принадлежавшего Анфисе Ксаверьевне.

Дворник крестился.

Вдова и сама бы перекрестилась, но, с одной стороны, что подумает Калина Ипатьевич... а с другой, не уподобляться же пьянице Сильвестру.

Странный господин понял, что ничего, кроме церковных обрядов, от дворника не добьется (мужик, кажется, уже искал под рубахой нательный крест), самолично отворил калитку и решительным шагом длинных ног направился в сторону флигеля.

Анфиса Ксаверьевна замерла на минуту, прислушиваясь.

Тяжелые уверенные шаги горничной Глаши.

Вон выставит или все же хозяйку позовет?

Девка была хоть и молодая, но глаз имела наметанный, с такой прислугой никакого охранника не надо.

— Анфиса Ксаверьевна, вас тут спрашивают, — понесся зычный Глашин голос, и хозяйка дома не без удовольствия подскочила с козетки, выдирая свою ручку из влажных купеческих лап.

— Ах, кто бы это мог быть? — беззаботно воскликнула она. — Подождите секундочку, я скоро вернусь.

— Знамо кто. Пустозвон этот проклятый, выжига скалозубый, — пробурчал вслед васильковому подолу, в силу своей длины покинувшему гостиную последним, купец, не скупившийся на эпитеты для своего соперника. Да-да, соперника, ибо, как уже говорилось ранее, Анфиса Ксаверьевна была дамой хоть и небогатой, но не обделенной некоторыми неоспоримыми достоинствами.

Тем временем хозяйка дома с любопытством рассматривала своего невольного спасителя.

Костюм визитера был настолько примечателен, что, спроси через пять минут кто-нибудь Анфису Ксаверьевну или того же дворника Сильвестра, как выглядел мужчина, в него облаченный, оба затруднились бы с ответом. Вспомнили бы очки с цветными стеклами, но какого цвета были за ними глаза?

Плащ молодого мужчины держала причудливая фибула, изображавшая, судя по всему, василиска, причем ювелир, ее произведший, вряд ли испытал удовольствие личного общения с этим

чудовищем и сильно вдохновлялся образом куриных лап, кои и приделал своему творению.

— Говорю тебе, это упырь... Как есть упырь! — Пронзительный голос Сильвестра, обращавшегося к уличному мальчишке, зачем-то отиравшемуся около коляски, с поразительной четкостью достиг крыльца, но, казалось, разбился о спину визитера, окутанного невозмутимостью не хуже, чем странным плащом.

— Очень приветливый район, — с легким акцентом заметил незнакомец, приподнимая шляпу. — Добрый день, мадам. Я по объявлению о сдаче дома. Разрешите представиться: Бенедикт Брут, сэра Бенедикт Брут.

Анфиса Ксаверьевна, рассмотревшая посетителя еще из окна, нисколько не утратила достоинства, полагавшегося серьезной домовладелице, и, сделав вид, что люди в костюмах летучей мыши заходят к ней буквально через день, а английские рыцари — через два, благожелательно откликнулась.

— Здравствуйте! Анфиса Ксаверьевна Любчик. Ну что же вы, проходите. Милости просим, — поспешила она заманить мужчину в дом, понимая, что в чужом присутствии Калина Ипатьевич не решится продолжить свой брачный ритуал. — Подождите секунду, я только возьму шаль и ключи от главного дома.

Оставив незнакомца под неусыпным оком Глафиры, Анфиса Ксаверьевна вернулась в комнату.

— Прошу меня простить, явился арендатор по объявлению, нужно показать ему дом, — чуть более радостно, чем следовало, воскликнула она, но тут же почувствовала за спиной постороннее присутствие.

— Не утруждайтесь, мадам, я и без того вижу, что он мне подходит. — Человек-летучая мышь впорхнул в комнату вслед за хозяйкой, будто и не слышал просьбы подождать.

За ним в проем сунулась смущенная Глаша.

— Анфиса Ксаверьевна, я им говорю — не велено. А они лезут и не по-нашему лопочут.

Сэр Бенедикт проигнорировал жалобы горничной так, будто и не было у нее замечательного грудного голоса, единственного во всем переулке способного противостоят зычным высказываниям дворника Сильвестра.

— А что у вас здесь? Кабинет? Вэл, *вэри вэри вэл*. А там? Должно быть, гостевая спальня. — Иностранец с такой дерзостью рыскал по гостиной, что Анфиса Ксаверьевна и ее поклонник минуты две смотрели на него в немом удивлении, прежде чем хозяйка решилась наконец-то прояснить ситуацию.

— Боюсь, вы неправильно поняли... сэ. Сдается не этот дом, а большой, за зеленой изгородью.

Визитер не только не понял, но, кажется, еще и не желал ничего слушать.

— *Ноу-ноу-ноу*, мне все решительно нравится. Я возьму эти кабинет и спальню, гостиная и столовая пусть будут в общем пользовании. А верхние комнаты можете оставить себе, — с непоколебимой уверенностью делил он чужую недвижимость. — И пожалуй, полный пансион — это как раз то, что мне нужно.

— Позвольте, сударь... — не выдержал наконец Калина Ипатьевич, ибо еще пять минут назад сам рассчитывал на полный пансион в исполнении Анфисы Ксаверьевны.

— Я не против соседей, если они чистоплотны, аккуратны и не держат мелких животных, — милостиво «позволил» сударь. — Личные вещи из этих комнат вам придется убрать, телеги с моей обстановкой уже в пути.

«Да он же сумасшедший!» — догадалась вдруг Анфиса Ксаверьевна. Теперь стал понятен и странный черный наряд — видно, смерть кого-то из близких родственников сильно ударила по психике незадачливого англичанина.

— Сочувствую вашей утрате, — скромно сказала женщина, рукой останавливая Калину Ипатьевича, готового ринуться на защиту своей будущей невесты.

— Моей утрате? — несказанно удивился иностранец.

— Такой глубокий траур, — хозяйка дома указала на одежду визитера, — носят только по близкому родственнику. Будет очень нетактично поинтересоваться, кого вы потеряли?

— Веру во все разумное человечество я потерял. И да, оно до какой-то степени со мной в родстве. — Губы англичанина изогнулись в коварной полуусмешке. — Представляете, мой бывший домовладелец, сам, по собственной воле, отказался от ренты в двести рублей в месяц, а теперь и вы не хотите сдать мне комнаты! Просто уму непостижимо!

Анфиса Ксаверьевна пару раз хлопнула прелестно изогнутыми ресницами и за два этих мгновения успела произвести в своей ладной головке некоторые нехитрые вычисления. По всему выходило, что комнаты нижнего этажа во флигеле были ей не так уж и нужны, примерно так же, как и ухаживания Калины Ипатьевича. Бедняга все еще мял в руках картуз, надеясь, что недоразумение вот-вот разрешится, но судьба его была уже predetermined. Хозяйка дома назначила «недоразумением» его, Калину Ипатьевича, а не этого невесть откуда взявшегося иностранишку.

— А знаете... — ласково протянула вдова.

— Сэр Бенедикт, — подсказал человек в черном. — Но для вас, мадам, просто Бенедикт, коль скоро я собираюсь остановиться под вашей крышей.

— Анфиса Ксаверьевна. — Женщина с готовностью протянула новому жильцу ручку, которая так и не досталась купцу. — Знаете, Бенедикт, мне нравится ваше чувство юмора. Думаю, мы подружимся. Прикажите своим слугам перевозить вещи.

Похоже, такого комплимента новому жильцу не перепало давно, потому что он запнулся, закашлялся, будто в горле у него слегка запершило, и немного сдержанно, но чего еще ждать от иностранца, сказал:

— Спасибо, Анфиса Ксаверьевна. Тогда я сейчас же пошлю мал'чика. — Полы плаща снова взметнулись, и Брут полетел из дома вон, унося в клюве победу над несчастным Калиной Ипатьевичем.

— Я тоже, пожалуй, пойду, — сказал раздавленный купец второй гильдии, — не буду мешать вашим хлопотам.

— Вы так чутки, мой друг, — взмахнула ресницами Анфиса Ксаверьевна, пытаясь сгладить неловкость и не выдать своей радости.

— Но я еще зайду! — с отчаянием воскликнул неудачливый ухажер. — Мне непременно надо договорить с вами наедине!

Домовладелица томно вздохнула, втайне проклиная себя за излишнюю мягкость.

— Убрать. Убрать, — только и командовал жилец, более пристально осматривая свое новое место обитания. Его одобрения не заслужили ни вышитые подушечки, ни даже прелестные шторы с фестончиками.

Хозяйка дома вместе с горничной безропотно снимала и прятала то, что можно было спрятать немедленно.

— Ох, Анфиса Ксаверьевна, матушка, — гулким басом зашептала Глафира, собирая с комода любовно вышитые розочками салфетки. — А вдруг тать какой али душегубец?

— Тать, Глаша, так принарядиться не додумался бы. Да и что с меня взять?

— Знамо что... им одно от нашего женского роду надобно.

— Не бойся, у меня револьвер еще от Феликса Рафаиловича остался, — успокоила ее храбрая домовладелица. — Уж как-нибудь отобьемся.

Первая телега с пожитками гонителя салфеточек, к удивлению обеих женщин, прибыла уже через десять минут, видно, оставлена была недалеко, да и собрана заранее.

— Где же вы собирались ночевать, если бы не нашли у меня комнат? — удивилась Анфиса Ксаверьевна.

— У ваших ворот, мадам, жалобно подвывая в ночи, — без запинки ответил сэр Бенедикт, но, увидев открывшийся от удивления ротик своей новой квартирной хозяйки, тут же попытался исправиться, что не вполне ему удалось: — В городе полно людей, которые любят деньги, часть из них даже держит гостиницы.

Анфиса Ксаверьевна нахмурилась, но готовящуюся отповедь предотвратила чумакая детская мордочка, заглянувшая в окно. Впрочем, иностранец обрадовался ей как родной, выбежал в прихожую и, отворив входную дверь, радостно скомандовал:

— Мал'чики, заносите!

— Ваши вещи переносят уличные мальчишки? Но, Бенедикт, это же небезопасно! — Домовладелица, конечно же, в первую очередь имела в виду свою собственную безопасность, но была не в пример деликатнее своего неожиданного жильца.

— Все в порядке, у меня не украдут. Один *бой* уже попытался, и ему не понравилось. — Зонтом, с которым так и не пожелал расстаться, англичанин указал на плутоватого мальчишку с

перевязанной пониже локтя рукой. Постреленок гордо нес маленький скелетик невиданного существа, любовно закрепленный на лакированной подставке. — Эй ты, если попытаешься стащить у компсогната хоть одну косточку, я заменю ее твоей!

Пацан тут же прекратил свои манипуляции с диковиной и торжественно вручил хрупкую ношу хозяину.

— Вы ударили ребенка?! — ужаснулась трепетная мать, только что подозревавшая этих детей если не во всех, то в одном смертном грехе точно.

— *Мэйби ай шуд ду соу...* Но после того, как он самостоятельно сунул руку в саквояж с хомяком-троглодитом, в этом не было никакого воспитательного смысла — хомячок справился сам.

Анфиса Ксаверьевна не поверила, поэтому, улучив момент, когда иностранец отвлекся, схватила мальчика за плечо и спросила:

— Скажи, тебя обижал этот господин?

— Нет, — повертел вихрастой головой постреленок.

— Ты уверен? — Вопрос для вдовы был животрепещущ: пусть сын ее, Матвей, и проводил почти все время в лицее, материнский инстинкт требовал исключить любую опасность.

— Сломайте мне уши, ежели вру, — с вызовом сказал мальчишка, уши которого по странному совпадению уже были слегка завернуты в трубочки, как у настоящего борца.

Анфиса Ксаверьевна ломать, конечно же, ничего не стала, но следила за этими ушами с неусыпной бдительностью — как бы руки, приделанные чуть пониже их, не прихватили лишнего из гостиной.

Руки на удивление вели себя примерно: вещи в дом вносили, но ничего не выносили. Такое взаимопонимание, установившееся между сэром Бенедиктом и его помощниками, не могло не радовать. По всему видать, человек приличный, хоть и с придурью...

Придури той, кстати, оказалось не так уж мало, и она нескончаемым вещественным потоком хлынула в дом предприимчивой вдовы. Чего тут только не было: чьи-то бивни, чучела, биты для игры в крикет, загадочно звенящие ящики и даже микроскоп, — на все это домовладелица взирала со спокойствием.

И только вид когтистой лампы несколько поколебал стойкое намерение Анфисы Ксаверьевны не вмешиваться, поэтому она осмелилась высказать первое возражение:

— Но, Бенедикт, в гостиной уже есть прекрасная лампа, может, вы разместите этот... экземпляр в спальне?

— Вы же не ожидаете, что я буду заставлять своих посетителей ждать под абажуром с рюшами? Меня могут не так понять.

— А когтистая лампа, конечно же, расскажет о вас всю правду, — усмехнулась вдова.

— По крайней мере то, что я беру дорого и что со мной лучше не спорить, до клиента донесет.

— Погодите! Клиенты? Что за клиенты?

Но сэр Бенедикт уже не слышал.

— Так, чемоданы в спальню. Надеюсь, там не осталось ваших розовых чепцов, мадам?

Анфиса Ксаверьевна, не обращая внимания на выбор выражений нового жильца, многозначительно продемонстрировала пустые шкафы гостевой комнаты.

— Маловато, — резюмировал иностранец.

— Ваши сундуки вполне влезут.

— Это всего лишь предметы первой необходимости. Сейчас привезут воз с моим основным гардеробом.

— Вы ограбили костюмерную Лондонской оперы? — пошутила вдова, еще не зная, насколько точно попала в цель.

Сэр Бенедикт хитро прищурился и погрозил домовладелице пальцем.

— Уже чувствую, что мне будет у вас уютно. *Хоум, свит хоум!* Это, *май дир*, новейшая наука, маркетинг. До Князьгорода она пока не дошла.

— Вы правы, Бенедикт, в Великороссии пока еще не придумали ничего, что могло бы объяснить ваш наряд, — серебристо засмеялась женщина. Пусть новый жилец хоть в клоуна рядится, лишь бы с оплатой не запаздывал.

— *Ноу-ноу-ноу*, Анфиса Ксаверьевна, *итс э мэттер оф тайм*. Все очень просто. Чем больше я поражаю воображение людей, тем больше вызываю любопытства. Уверен, что скоро соседи спросят вас, кто я такой и чем занимаюсь. И вы им ответите...

— Мне и самой интересно, чем вы занимаетесь. Должно быть, этой новой наукой психологией, я читала в одном журнале...

— ...и вы им ответите с гордостью, что у вас поселился один из лучших криптозоологов в мире!

— Но если вы зоолог, почему тогда сказали, что вашим соседям нельзя держать мелких животных? — спросила Анфиса Ксаверьевна, еще не до конца понимая страшный смысл только что услышанного.

— Потому что крупные имеют дурную склонность их есть. Вот это поставьте сюда, — отвечал иностранец, не отрываясь от руководства переездом. — И я не зоолог, я криптозоолог.

— А это большая разница?

— Гигантская. Вы скоро убедитесь, когда она, попрыгивая огнем и блестя чешуей, случайно заползет к вам в спальню. Книжки в кабинет вон к тому шкафу, — продолжал командовать мальчишками сэр Бенедикт, проявляя при этом недюжинный педагогический талант. — И если ты еще раз засунешь в рот чучелу мантикоры палец, то хоть зубы ей почисти, что ли, а то ж как сдохла от отравления, никто так и не удосужился.

— Зачем вы меня пугаете, хотите, чтобы и тут вам отказали от квартиры? — возмутилась домовладелица, которой одновременно не хотелось лишаться и покоя, и выгодного жильца, но женщина пока не решила, что ей все-таки дороже.

— Хочу подготовить вас к рискам, связанным с моей профессией.

Анфиса Ксаверьевна обожгла его грозным взглядом, которого никак не ожидаешь от нежной блондинки, уперлась руками в бока и с мудростью, доступной немногим, решила проблему.

— Что ж, тогда и вы должны быть готовы к рискам, связанным с вашей профессией. За каждое животное, оказавшееся на втором этаже, на вас будет налагаться штраф в размере четверти от суммы ежемесячной аренды.

— Мы так не договаривались! — отпрянул от нее Брут.

— Тогда самое время подписать договор.

Еще девчонкой Анфиса Ксаверьевна (тогда-то просто Анфиска Сарафанова) была бойкой на язык и могла так заговорить праздно зашедшего в тятенькину лавку покупателя, что несчастный выходил из ее дверей с ненужной ему штукой шерстяной материи и рулоном кружев.

Именно там оборотистая девица и познакомилась с будущим мужем, офицером Феликсом Рафаиловичем Любчиком, и уболтала

справного красавца настолько, что тот вместо материи на шинель унес и из лавки, и из купеческого сословия саму Анфису. Правда, когда стала она офицерской женой, тут уж пришлось молчать — не дай бог, чего-нибудь неуместного скажешь.

Сейчас чутье подсказывало домовладелице, что с сэром Бенедиктом, несмотря на его рыцарское звание, слишком церемониться — себе во вред, ибо из рыцарского в нем пока была замечена только приставка перед именем, ну и, пожалуй, странная тяга к драконам, которые теперь глядели со множества фотографий, наводнивших дом. Иностранец то ли понимал по-русски хуже, чем говорил, то ли, что гораздо вероятнее, мнил себя большим оригиналом.

Когда с составлением договора было покончено — а в этом деле Анфиса Ксаверьевна тоже разбиралась неплохо, не забыв и про возможную порчу имущества, и про другие виды урона, а также предусмотрительно прописав свое право на тишину после девяти вечера, — не обговоренным остался всего лишь один небольшой нюанс.

— Сколько с вами будет слуг? В доме одно помещение для прислуги при кухне и одно на чердаке, но, если понадобится, я могу забрать Глафиру на свой этаж.

— Вы думаете, я доверил свое имущество уличным мальчишкам потому, что забочусь о том, как бы не перетрутился мой камердинер? — почти натурально удивился Брут.

— Так что же... у вас совсем нет слуги? — не поверила Анфиса Ксаверьевна.

— Что значит «совсем»? Если его нет, то, конечно же, его нет целиком... хотя последний идиот ушел от меня не вполне целым, — задумчиво протянул иностранец. — Сегодня утром сбежал, бродяга. Переезд, знаете ли, дело не для слабонервных.

— А сколько он у вас прослужил?

Сэр Бенедикт возвел глаза к потолку, что-то напряженно высчитывая.

— Четыре дня и двенадцать часов.

— Вы серьезно? — Анфиса Ксаверьевна всплеснула руками.

— Согласен, этот малый шел на князьгородский рекорд, большинство и того не продержались, но упаковка хомячка-троглодита и потеря части мизинца его доконали. Можно подумать, мизинец у

него один! Не беспокойтесь, я уже послал в агентство домашней прислуги новый запрос. Уже к вечеру мне пришлют кого-нибудь более ловкого... ну или чуть менее трепетно относящегося к собственным пальцам.

III

И действительно, буквально через час на пороге флигеля в Пекарском переулке появился долговязый молодец с франтовато повязанным на шее платком и, видно, оттого с крайне развязными манерами.

Анфиса Ксаверьевна немедленно провела его в комнату, уже вставшую на путь преобразования в кабинет криптозоолога, и застыла у входа, пытаясь понять, чем так запугивает своих камердинеров иностранец.

Со стороны казалось, сэр Бенедикт вел себя вполне сносно: обращался ко всей прислуге на «вы», считая, что тем самым воспитывает в ней чувство собственного достоинства. Правда, те же соображения нисколько не мешали ему ежесекундно оскорблять это свежевозникшее чувство. Но мало ли богатых самодуров в Князьгороде? И никто из них, между прочим, не страдал от отсутствия лакеев или горничных.

Присланный парень был странным: обладал каким-то неуловимо убегающим вдаль взглядом, через слово называл Брута «вашим благородием» и при каждом ответе кланялся, чем почти мгновенно столкнул криптозоолога в пучину сарказма.

— Бог забыл выдать вам позвоночник? — спросил иностранец. — Отчего вы так вихляете?

— От усердия-с, — заявил молодой человек и вновь поклонился.

— Лучше проявите его, распаковывая мой гардероб, — махнул рукой на слугу иностранец, отпуская.

— Жуковат для такого дела, — поставил свой диагноз доктор, когда за новым камердинером хлопнула дверь. — Хотите поспорить, скольких рубашек я потом недосчитаюсь?

— Мне кажется, вы слишком придирчивы, — укоризненно сказала Анфиса Ксаверьевна, думая про себя, что вряд ли даже самый жуковатый слуга на свете польстится на безумный гардероб ее постояльца.

— Зато вы чересчур неразборчивы, *май дир*, не забывайте, утром я видел вашего кавалера, — не остался в долгу сэр Бенедикт.

— А я что-то не видела у вас жены или невесты, — парировала домовладелица и по тому, как скривился англичанин, поняла, что мяч был отбит удачно и теперь перевес по очкам на ее стороне.

Первым, что сделал жуковатый малый, выйдя из кабинета своего нового хозяина, был шлепок по внушительному тылу Глаши, подметавшей в коридоре сор, оставшийся после стремительного водворения криптозоолога. Посему, самый краткий срок службы камердинера у сэра Бенедикта не составил и пяти минут — ровно столько понадобилось горничной, чтобы отметить наглеца веником так, что о выполнении им каких-либо обязанностей не могло быть и речи.

Вышедший на шум Брут посмотрел на разруганную от стараний девушку с уважением, а на поверженного кандидата в камердинеры со злорадством.

— *Айм соу сорри, дир Глаша...* кхм... Мне так жаль, что я принес в этот чистый дом столько грязи. Если не трудно, уберите в коридоре. — И сэр Бенедикт недвусмысленным взглядом указал на валяющегося на полу нахала.

— Та мне несложно, барин, — по-простому сказала Глафира, взяла поверженного за шиворот, тот только что на цыпочки не привстал (горничная была девка рослая, не всякому мужику дотянуться), да так и выкинула за порог.

Разбирать гардероб жильца, занимавший бесконечные сундуки и кофры, пришлось Анфисе Ксаверьевне и Глаше. Сам владелец сих несметных и по большей части черных богатств под предлогом сочинения запроса на нового кандидата в камердинеры участия в развлечении не принимал, лишь наблюдая за происходящим через открытую дверь в кабинет.

— Анфиса Ксаверьевна, даже если вы будете гипнотизировать этот жилет еще целый час, сам себя он в шкаф не уберет, — внезапно

заметил иностранец, взглянув на застывшую домовладелицу поверх оранжевых очков.

Вдова смущенно повесила черный, с вышитыми серебряной нитью дракончиками, предмет гардероба, но уже следующий сюртук, словно костюм экзотической танцовщицы, обшитый по краю подрагивавшими от малейшего движения воздуха перьями, привел ее в новое замешательство.

— Кстати, мне нужно будет присмотреть себе в Князьгороде портного, — сообщил ей через проем Брут.

— Непременно, — медленно проговорила вдова, найдя в себе силы отвести взгляд от сюртука. — И я обязательно пойду с вами.

— Бойтесь, что он меня обманет и навяжет немодный костюм? — спросил иностранец, откладывая записку в сторону. Определить, шутит он или нет, по тону голоса было абсолютно невозможно.

— Скорее наоборот, что ему это не удастся. — Анфиса Ксаверьевна тем временем наткнулась на коллекцию очков, все они были одинаково круглыми, но со стеклами разного цвета: голубыми, зелеными, розовыми и фиолетовыми. Как ни странно, ни одних черных среди них не нашлось.

Бенедикт Брут тем временем достал обычный докторский саквояж и, открыв его, с противоестественно милой улыбкой заглянул внутрь, проговорил что-то ласково, надел перчатки из толстой кожи и извлек на свет небольшого грызуна с богатой красно-коричневой шерсткой.

Домовладелица с горничной переглянулись.

— Это тот самый хомячок, который откусил вашему слуге палец? — осторожно спросила Анфиса Ксаверьевна.

— Ну уж не откусил... так, лишь попробовал, — кивнул Брут, пересаживая зверька в заранее приготовленный ящик, оснащенный лишь парой крохотных отверстий для внутренней вентиляции.

— А от чего вы его лечите? — Горничная подошла ближе и с любопытством заглянула в одну из дырок.

— От депрессии, Глафира, от депрессии.

— Неужели? — недоверчиво протянула Анфиса Ксаверьевна, много слышавшая о такой болезни, но подозревавшая, что все это выдумки не приставленной к делу публики. Не страдали неведомым недугом ни томные поэтические юноши и влюбленные в них гимназистки, ни тем более какой-то хомячок.

— Вы знаете, троглодиты обычно живут большими колониями в тесных норах в скальных породах...

— Так что же, это у него от одиночества?

— Ах ты, бедненький, — тут же засюсюкала Глаша. — А давайте принесем ему хомячиху! Я в зоомагазине на углу видала, рыженькая такая, колесо крутит.

— Это можно, — одобрил Брут. — Та хомячиха как раз ему по размеру будет. Но вы не дослушали... Троглодиты селятся кучно, чтобы справляться с большой добычей. А тут ему хозяин от щедрот русской души целую куриную ногу, да еще с бедром, сунул. Ну грыз он ее, грыз, день, два, а потом та испортилась... Вот и результат. А хомячиху можно, она маленькая, как раз ему будет.

Напряженную атмосферу, повисшую в комнате после этого заявления, разрядил высокий мальчик (еще не юноша, но уже и не ребенок), появившийся на пороге комнаты. При виде сэра Бенедикта острое личико его вытянулось еще больше, взгляд голубых, как у матери, глаз стал оценивающе цепким, вовсе не подходящим для воспитанника дворянского лица.

Сэр Бенедикт тоже замер и рассматривал сына домовладелицы, сдвинув круглые очки на нос.

— Здравсьте, — сказала чадо, которое при ближайшем рассмотрении оказалось взъерошенным, с подозрительно припухшими глазами и розовым носом.

— Познакомьтесь, Бенедикт, это мой сын, Матвей, — с преувеличенной гордостью, будто ей выпала честь представить светило мировой науки, произнесла Анфиса Ксаверьевна. — Матюша стал одним из лучших по предварительным экзаменам, поэтому ему позволили несколько дней провести дома. Матюша, это сэр Бенедикт, я сдала ему комнаты.

— А где Маслов? — недружелюбно спросил подросток, поставив под сомнение результат своего экзамена по этикету.

— Ушел, Матюша, давно ушел.

— И коробочку с собой прихватил, — неожиданно поддакнул криптозоолог.

— Какую коробочку? — в два голоса спросили мать и сын, и тут же оба покрылись румянцем.

— Такую... — Брут с невинным видом двумя пальцами обозначил размеры обсуждаемого предмета, — в которую колечко положить можно. Я заметил, когда ваш купец штанину оправлял — задралась, видно, от долгого пребывания на одном колене...

Мальчик с обидой посмотрел на мать, вихрем взлетел по лестнице на второй этаж и чем-то там сердито хлопнул.

— Некоторые наблюдения лучше держать при себе, — строго заметила Анфиса Ксаверьевна.

— А некоторые нет, — беззаботно пожал плечами сэр Бенедикт.

Следующее утро Анфисы Ксаверьевны началось рано, да к тому же с непонятого стука, будто кто-то пытался выдолбить нишу в стене флигеля. Домохозяйка подскочила на постели и, как была, в чепце с розовыми бантиками, выглянула в окно.

Внизу, облаченный в полосатое трико, прыгал новый постоялец и с методичностью расшалившегося мальчишки посылал в стену резиновый мячик. Снаряд звонко отпрыгивал, и доктор его ловил.

— *Гуд мorning*, Анфиса Ксаверьевна! Надеюсь, мои утренние экзерсисы не слишком вас беспокоят. — Криптозоолог поднял голову и сверкнул канареечно-желтыми стеклами очков. — При моей профессии хорошая форма и реакция — залог долгих лет жизни, причем не только в теории.

С одной стороны, указанные «экзерсисы» вдову, конечно, беспокоили, но с другой — своевременное получение платы за комнаты находилось в прямой зависимости от жизнеспособности арендатора, поэтому Анфиса Ксаверьевна ласково улыбнулась:

— Доброе утро! О, не переживайте, никакого беспокойства! От сильного стука, конечно, может обсыпаться штукатурка, но разве что в вашем кабинете. А его ремонт — это уже не за мой счет. Жду вас через полчаса завтракать!

Домовладелица закрыла окно, и стук тут же прекратился. Сэр Бенедикт принялся размахивать тренировочной шпагой.

— Можно подумать, какой-нибудь из драконов вызовет его на дуэль! — фыркнула себе под нос женщина и в приподнятом настроении принялась за утренний туалет.

— *Ноу-ноу-ноу*, Глаша, что же это такое? — воскликнул постоялец, едва увидев аппетитный стол, накрытый к завтраку.

— Знамо что. Плюшки, — не спасовала Глафира, — блинчики, клубничное варенье. В прошлом году ой как удалось. Маслице, сметанку я у проверенной хозяйки беру, раз в неделю привозит.

Матвей, уже сидевший за столом, показательно взял одну завитушку, самую воздушную и румяную, с сахарной корочкой.

— *О, май гад!* Это не завтрак для спортсмена, следящего за фигурой! — неожиданно заявил Брут и повернулся к столовой боком, демонстрируя тонкость стана, которой, судя по всему, несказанно гордился.

— Ну не знаю, барин, — усмехнулась Глаша, положив руки на свои пышные бедра, — моей фигуре только на пользу. Уж я троих таких, как вы, ледащих спортсменов в прошлую ярмарку на канате перетянула.

Спорить с противником, имеющим столь явное физическое превосходство, доктор не стал, а, усевшись за стол, шикарным движением, будто в модном ресторане Лондона, заказал:

— Я буду жареные яйца, бекон или колбасу, что у вас там есть... Подробнее мою диету мы обсудим позже в присутствии милейшей Анфисы Ксаверьевны.

Горничная пожала плечами и ушла на кухню, а сэр Бенедикт расправил перед собой принесенную газету и принялся за пустой кофе, бросая завистливые взгляды на мальчика, сидевшего напротив с половинкой плюшки в руке. Судя по всему, диета давалась спортивному человеку не так уж легко, во всяком случае не без сожалений.

— Послушайте, зря я вам не нравлюсь. Я забавный, меня зверушки любят, — вдруг совсем просто сказал доктор, но тут же по своему обычаю все испортил. — А поскольку дети не сильно отличаются от зверушек... В любом случае демонстративное поедание плюшек вряд ли заставит меня ретироваться. Пока ваша матушка отошла, вы вполне можете попробовать метнуть в меня вилку, но и это, уверяю вас, не поможет.

Матвей с наслаждением размотал хрустящую корочку, посыпанную сахаром, и, отправив самое вкусное в рот, стал намазывать оставшееся в руке толстым слоем солнечно-золотого масла.

Следующую фразу криптозоолог начал, борясь за каждое слово с массивным приливом слюны:

— Хотите, подскажу еще пару способов? Потому что вы явно жаждете крови, молодой человек, но... несмотря на то что ваша мать готова выскочить замуж за первого встречного, лишь бы вас и дальше учили владеть шпагой, определенно не знаете, как эту кровь из меня добыть.

Нож с маслом замер в руке мальчишки. Доктор разглядывал своего маленького оппонента, победительно улыбаясь.

— Бенедикт, там какой-то человек на входе спрашивает, здесь ли принимает криптозоолог! — Звонкий голос Анфисы Ксаверьевны нарушил напряженное молчание за столом.

— Неудивительно! — так же громко откликнулся Брут. — С вашим сочувствием к рюшам, особенно ярко отразившимся на оконных занавесках, я бы тоже засомневался!

В дверях столовой появилась домовладелица, стойко проигнорировавшая последнее замечание.

— Но как он узнал, что вы здесь? Вы же переехали только вчера!

— Печатное слово, Анфиса Ксаверьевна, величайшее изобретение человечества. — Сэр Бенедикт указал на газету, развернутую перед ним. — Вы же не думаете, что я послал за «Князьгородским вестником», чтобы узнать, где изволил вчера отобедать наш генерал-губернатор? Свои вложения надо проверять... Пригласите посетителя в мой кабинет.

IV

Тут, наверное, самое время сделать некоторое отступление от истории и рассказать о необычной профессии нашего героя. Ведь самоуверенное поведение человека, называющего себя Бенедиктом Брутом, не могло оставить у вас сомнений, кто именно станет главным персонажем этой книги, поэтому неплохо бы узнать подробнее о роде его занятий.

Начнем с того, что находящийся на излете век настолько не изобиловал потрясениями для Великороссии, что заскучившее

дворянство решило изобрести их самолично. Томным салонным дамам и их кавалерам в белых перчатках надоело держать не только поджарых борзых и тонущих в шерсти персидских котов, но и ярких попугаев, шептунных мартышек, крикливых павлинов и даже надменных верблюдов — все, все решительным образом не годилось, не горячило и не будоражило кровь. То ли дело гарпия, мантикора или, на худой конец, заваливающая саламандра... И в этом Бенедикт Брут был с ними согласен, как никто другой. Своей глупой тягой к экзотике великоросская аристократия сильно пополняла и без того не худой кошелек специалиста по редким животным.

Вот и сейчас в новом кабинете доктора расположился необычный господин, по всему видно, что не дворянин, но достаточно состоятельный, чтобы приобрести странного вида птицу с кожистыми крыльями и зубастым клювом, сидевшую у него на плече. Оба, и посетитель, и питомец, были черны как ночь, первый из-за своего строгого костюма, второй из-за редкого окраса, и невнимательному глазу могли показаться одним фантазмагорическим существом.

Увидев клиента, Брут странным образом вскинул брови и заметно помрачнел. Дело в том, что худой и долговязый господин в траурном костюме был почти что копией самого доктора, только состаренной на двадцать лет.

— Доброе утро, — сухо сказал криптозоолог, садясь за стол. — Я вас слушаю.

— Кричит, проклятущая, — без долгих предисловий развел руками человек в черном, и, словно в подтверждение его слов, птица разразилась гневными криками.

— Это баньши, — как слабоумному объяснил сэра Бенедикт. — Они должны кричать.

— Ну так она клиентов пугает. У меня похоронное бюро на Песчаной, — сообщил посетитель то, о чем Брут и так уже догадался.

— Ваших клиентов уже не напугать. Это что, какой-то особый ритуальный юмор — завести себе баньши? — скептически уточнил иностранец, собственный юмор которого был ненамного лучше.

— Да так тоскливо иногда становится среди этих... которые лежат. Ну вот шел я как-то мимо зоомагазина, дай, думаю, найду животину себе куплю — какая-никакая, а все ж компания. Продавец, когда узнал, чем я занимаюсь, сразу эту вот птичку и присоветовал. И

под лавку мою подходит — попугая же не посадишь, — и стоила недорого.

— Однако, — протянул доктор, восхищенный то ли иронией, то ли находчивостью продавца. — Самки этих птиц совершенно не переносят скучных серых и черных тонов, инстинкт самосохранения запрещает им селиться слишком кучно. Увидев черного сородича, они начинают предупреждающе кричать, тем самым обозначая, что эта территория уже занята... Конечно, она понимает, что мы не ее вида, но инстинкт на то и инстинкт, чтобы срабатывать непроизвольно.

— Но как же... Я ж в похоронной конторе... Так-то она ничего, цветочки любит, ленточки перебирает, недавно нечто эдакое замысловатое и круглое из них сплела, я прям так на похороны казначея товарищества «Золотая курочка» и послал в качестве венка, уж больно красиво было.

— Гнездо, — мрачно сказал сэр Бенедикт.

— Что?

— Вы послали от имени своего клиента гнездо баньши.

— А-а-а... Странно... получатель не жаловался. Так как быть-то?

Криптозоолог призадумался, а баньши вновь скрипуче заорала, словно предвещая появление грозного силуэта Анфисы Ксаверьевны в дверях. Руки домовладелицы были уперты в бока — верный знак того, что она только и ждет своей очереди, чтобы подхватить эстафету.

Сэр Бенедикт щелкнул пальцами и, быстрым движением сняв с себя очки с ярко-желтыми стеклами, водрузил их на широкий клюв баньши.

Птица заткнулась, а потом вдруг совершенно противоестественно крякнула и, несколько не смутившись этого деревенского звука, стала рассматривать доктора и хозяина очень внимательным и будто бы поумневшим взглядом.

— С вас десять рублей за очки и два за прием. Либо сами идите в магазин оптики. Рекомендую приделать на дужки резинку.

Следующий посетитель криптозоолога оказался не менее колоритен. Хоть никакого чудовища при нем не было, сам он мог дать фору любой экзотической криптиде. Глаша даже слегка оробела, пропуская в переднюю высокого статного старика в богатой, расшитой золотыми шнурами ливрее.

Выправка у Авессалома Сидоровича (так звали вошедшего) была, вне всякого сомнения, военная, а усы с подусниками настолько шикарны, что их владельца можно было производить в генералы не глядя.

Оказалось, что сей статный господин претендовал на место камердинера при криптозоологе, чем удивил всех обитателей дома без исключения. Тем не менее не моргнув глазом он невозмутимо выслушивал ядовитые речи доктора, без запинки называл того «сэр» и раздражающе не терял самообладания в любой ситуации, так что в конце концов Брут сдался.

— Отделяйте животных без ошейника от животных с ошейником. Не сажайте рядом криптид одного вида, — коротко приказал он. — Все понятно?

— Да, сэр, — с достоинством поклонился Авессалом Сидорович так, чтобы всем присутствующим стало ясно, какое это огромное одолжение с его стороны, и генеральским шагом вышел из кабинета.

— Анфиса Ксаверьевна, он мне не нравится, — пожаловался присутствовавшей при разговоре домовладелице Брут.

— Это еще почему?

— Его абсолютно невозможно вывести из себя. Я таким людям не доверяю.

— А каким людям вы доверяете? — резонно спросила хозяйка, справедливо полагая, что на этот вопрос у криптозоолога ответа нет. — Этот хотя бы ложек из столовой не унесет.

И действительно, все было в порядке, пока от нового дворецкого (называть Авессалома Сидоровича камердинером язык не поворачивался даже у сэра Бенедикта) требовалось встречать посетителей, размещать их в гостиной и по очереди провожать в кабинет доктора. Некоторые, увидев в дверном проеме внушающую трепет фигуру, тут же разворачивались восвояси, предполагая, что услуги специалиста, живущего с таким размахом, им не по карману.

Но вот на пороге флигеля в Пекарском переулке появился не менее внушительный господин с не менее внушительными рыжими усищами, кончики которых, впрочем, были слегка опалены и отчетливо пахивали горелым. И понятно отчего. Посетитель, облаченный в мундир серого сукна, с одной стороны сжимал под мышкой медную каску, не оставлявшую сомнений по поводу рода его

занятий, а с другой — толстопузую зеленую ящерку с ту самую каску величиной.

— Кто к нам пришел! — как обезумевший завопил сэр Бенедикт, едва увидел на пороге своего кабинета эту необычную парочку.

Рыжеусый гигант даже присел от неожиданности, ибо хорошо помнил, что ранее с криптозоологом не встречался. Если бы имелась возможность спросить его питомца, то и тот открестился бы от подобного знакомства.

Но Бруту было плевать на условности, перед ним предстал один из самых редких великоросских драконов — горыныч. Скрывать свои эмоции по этому поводу иностранец оказался не в силах.

— *Файн, файн синг...* — бормотал доктор, обходя ящерку то с одной стороны, то с другой и до розового румянца смущая ее владельца. — Какой откормленный, какой пузатенький!

Горынчик и впрямь был славный: маленький, плотненький, он еще не успел обзавестись не то что третьей головой, но и второй, а оттого напоминал небольшой крылатый шарик.

— Позвольте? — Сэр Бенедикт протянул руки к дракону, и впервые в его тоне прорезались искательные нотки.

— Ежели не боитесь, — предупредил клиент и отдал питомца.

Сэр Бенедикт боялся кого угодно, только не своих обожаемых криптид. Он повертел ящерку в руках, почесал ей пузико, измерил длину хвоста, проверил размах крыльев и, кажется, остался вполне удовлетворен. Когда первичный осмотр был практически закончен, горыныч как-то странно закричал, напоминая человеческих младенцев, и вдруг выдал небольшую, но дальнобойную струйку пламени.

Столь любимые Анфисой Ксаверьевной и до сих пор не замененные шторы с рюшечками и витыми шнурами занялись моментально.

— Авессалом Сидорович! — заревел Брут, но его клиент, недаром носивший медную каску пожарного, среагировал быстрее: сорвал полыхнувшую занавесь с карниза и, не испытывая никакого уважения к хозяйскому интерьеру, бросив на пол, тут же затоптал.

В дверь просунулась кудрявая голова домовладелицы, особым чутьем уловившей неполадок в доме.

— Если вы сейчас же не выйдете в сад, я буду кричать! — впрочем, без всякой истерики сообщила Анфиса Ксаверьевна, увидев содеянный беспорядок, и тут же уточнила: — Не хуже, чем давешняя баньши!

— Авессалом Сидорович! — во второй раз призвал нового дворецкого Брут, и по всему было видно, что глаза доктора начинает застилать красной пеленой гнева.

Слуга появился через минуту, вошел размеренным шагом, словно спешка по такому ничтожному поводу, как призыв хозяина, была ниже его достоинства, и вытянулся по струнке у входа, снисходительно ожидая приказаний.

Брут шумно втянул ноздрями воздух и сунул горынчика в руки дворецкому:

— Держите. Несите в сад.

— Может, лучше я? — робко предложил посетитель.

— Не беспокойтесь, это особые обязанности Авессалома Сидоровича. — Сэр Бенедикт моментально перешел от гнева к благодушному тону и даже успокаивающе положил руку бравому пожарному на плечо. — Моя практика обставлена по высшему разряду.

Тот, кто хорошо знал криптозоолога, непременно заподозрил бы, что назревает нечто, могущее поколебать невозмутимость едва нанятого дворецкого.

И точно. Не успел новый слуга со своей чешуйчатой ношей на руках даже миновать гостиную, как горыныч неуверенно кашлянул, затем еще раз... и дыхнул огнем, по несчастливой случайности (случайности ли?) подпалив замечательные усы Авессалома Сидоровича. Уже не такой невозмутимый дворецкий молниеносно плеснул себе в лицо водой из кувшина, по счастью оказавшегося на ближайшем комодe, но лицевая растительность, главная его гордость и достояние, успела серьезно пострадать, а в мокром виде и вовсе превратилась в печальное зрелище.

Сэр Бенедикт, по пятам следовавший за слугой, резким движением схватил дракона за пасть, не давая тому извергнуть очередную струю огня, и с выжидательным любопытством посмотрел на дворецкого поверх зеленых стекол очков. Тот достал из одного кармана платок, вытер им пострадавшее лицо, при этом не меняя его

выражения, из второго кармана извлек узкий конверт, вручил Бруту и с величием морского ледокола проложил себе путь к выходу.

Англичанин хмыкнул, отпустил пасть коварной ящерицы и с удовольствием сжег на вновь заструившемся пламени конверт. Послание можно было не распечатывать: внутри находилось предусмотрительно составленное заранее прошение об увольнении.

— Ну что, рассказывайте, — с полным удовлетворением в голосе сказал Брут, оказавшись в саду с горынычем на руках.

— Вы за занавески, если что, простите, я возьму... — начал было сочувливый клиент, смущенно пощипывая кончик рыжего уса.

— Ничего, они мне все равно не нравились, — щедро отмахнулся сэр Бенедикт, но голос все же понизил, дабы сие признание не достигло розовых ушек Анфисы Ксаверьевны.

— Это талисман нашей пожарной части, — кивнул на горыныча посетитель, начиная подбираться к причине визита издалека. — Мы с ним учения проводим...

— Генерал-губернатор презентовал?

— Да, на праздник огнеборцев. А как догадались?

— Ему лет десять назад на юбилей горыныча дарил император. Размножаются они раз в десять лет. Ну так на что жалуетесь? Змееныш у вас вроде как здоровый...

— Дюже здоровый, особенно огонь пускать. Ну, вы видели... И мы это... как бы... того... уже натренировались, мочи нет. Вот вся пожарная часть сбросилась и отрядила меня сюда...

— Понятно. — Сэр Бенедикт достал из кармана жилета бланк, присел на садовую скамейку и, зажав дракона под мышкой, с самым что ни на есть серьезным видом принялся писать рецепт. — Сейчас пойдете на рынок и купите там сахарной свеклы — давать по клубню три раза в день, голову сахара — раз в неделю. Сладких фруктов, изюму, кураги — без ограничений. А что это вы бледнеете? Содержать горыныча накладно, не зря его вам генерал-губернатор подарил.

Уже забрав рецепт и оплатив визит, пожарный вдруг несмело поинтересовался:

— Скажите, доктор, почему он не дает лапу?

— По той же причине, по которой вы не дышите огнем. Природа его для этого не предназначала.

Едва криптозоолог вновь водворился в своем кабинете, вошла горничная.

— Эх, люблю пожарных, — вздохнула Глаша, мечтательно прижав руки к заметно взволнованной груди, — а этот особенно хорош.

— Ну, кто там следующий? — нетерпеливо спросил Брут, который, в отличие от девушки, не был падок на пышные усы и форму.

— Барышня сидят с каким-то лямуrom, но идти не хотят. Говорят, вы девицам в кабинет входить не позволяете.

— Не позволяю, — подтвердил криптозоолог задумчиво и, как бы обращаясь к самому себе, пробормотал: — Надо бы повесить табличку.

— Барин, а я-то как же? Разве я не девица? — встала в обиженную позу Глаша.

— А вы, Глафира, здесь ценный работник, вам все можно, — пояснил доктор. — Несите своего «лямура».

К слову, «лямур» являлся лемуrom и никакого отношения к криптидам не имел, но его хозяйке, видимо, сильно хотелось обратного. Поэтому, невзирая на астрономические счета, носила она своего питомца именно к криптозоологу, а не к обычному ветеринару. Сэр Бенедикт не имел ничего против, ибо Висепсион (так звали зверушку) был существом на редкость здоровым, да к тому же незлобивым.

Когда расторопная и польщенная оказанным доверием Глаша унесла «лямура» обратно к хозяйке, в кабинет не вошел, а просочился даже мужчина с легким налетом бездомности на физиономии и артистически намотанным под эту бездомность шарфом. Аксессуар явно вязался на протяжении многих лет из пряжи, что была под рукой в каждый конкретный период, и потому имел историю даже более занимательную, чем его владелец.

В руках посетитель держал плоский прямоугольный сверток, в котором, конечно же, не могла скрываться ни одна из известных сэру Бенедикту криптид. Но опыт общения со странными визитерами у доктора накопился богатый, поэтому он не стал задавать лишних вопросов, ожидая, когда человек сам раскроет тайну своего явления.

— Скажите, доктор, вы выдаете справки? — спросил посетитель после краткого приветствия.

— Смотря кому... — осторожно ответил Брут, бывали у него и такие клиенты, которым их чудовищный питомец только мерещился, для оных случаев требовался другой специалист.

Посетитель картинным жестом снял тряпку со своей ноши и явил взору настороженного криптозоолога холст, на котором была изображена тощая дама, надменно поглаживавшая коротконового упитанного пони с рогом посредине лба. Складывалось впечатление, что непарнокопытное периодически объедало свою хозяйку.

— Мне заказали портрет с единорогом, — торжественно провозгласил визитер.

На слове «единорог» сэр Бенедикт нервно дернул глазом, и по лицу его стала расплываться нехорошая улыбка.

— Заказчица отказывается платить! — возмущенно продолжал художник. — Говорит, что это не единорог! А я специально в библиотеку ходил и по книгам сверял!

— И что? — Криптозоолог даже знал, по какому конкретно манускрипту было нарисовано животное, а посему вцепился обеими руками в подлокотники кресла, стараясь сдержаться.

— Так вы дайте мне справку, что это единорог!

— Если только справку о том, что это единорог с карликовой болезнью и третьей степенью ожирения... — Сэр Бенедикт задумчиво потер подбородок, а затем вдруг выдвинул ящик стола и извлек оттуда продолговатый листок, сложенный в три раза, на котором были изображены гарцующие скакуны невиданных статей. — Справка два рубля, брошюра с выставки арабских жеребцов десять копеек.

Посетителю хватило двух секунд на раздумья, после чего он спешно порывлся в карманах, извлек два пятака и, хлопнув их на стол, выхватил у криптозоолога предложенную брошюру.

— Глафира, подайте чаю, будьте так добры! — крикнул сэр Бенедикт, как только художник скрылся за дверью. — Кажется, на сегодня все настоящие животные закончились.

К концу дня внимательная Анфиса Ксаверьевна, не без опасения следившая со второго этажа флигеля за потоком клыкастых пациентов, вывела для себя следующую занимательную закономерность: мужчины в Князьгороде заводили драконов, неважно, больших ли, маленьких, лишь бы с чешуей, женщины приводили нечто волосатое и пернатое, причем обязательно украшенное затейливым ошейником. Дворник Сильвестр с неисчерпаемым энтузиазмом (и запасом слюны) одинаково зло плевал вслед и первым, и вторым, никому не выказывая предпочтения.

Но вот закончились посетители сэра Бенедикта, и начались посетители Анфисы Ксаверьевны. Когда криптозоолог вышел в гостиную, где Глаша сервировала чай с пышными пирогами, на которые доктор взглянул крайне осуждающе, там в одном из кресел нога на ногу уже сидел невысокий, не особо примечательной внешности человек в сером в полоску костюме, скроенном по последней моде.

— Хлыщев Модест Дионисович, — протянул он руку сэру Бенедикту, вставая, и растянул губы в такой ослепительной улыбке, что иностранец поспешил взять обратно свою мысль о непримечательности. — Не надо, не надо, Анфиса Ксаверьевна мне уже о вас рассказала.

Брут пожал протянутую руку и сел в кресло, предварительно собственноручно налив себе чаю, так как домовладелица отлучилась на кухню проверить приготовления к ужину.

Модест Дионисович тоже сел, демонстративно покачал желтым ботинком, зверски зевнул, и его узкая холеная ручка не смогла прикрыть пасть, которой позавидовал бы не только светский лев. Заметив невольное восхищение в глазах иностранца, он истолковал его по-своему и вновь жемчужно улыбнулся.

— Извините, сегодня до шести утра не ложился, — сообщил он. — Пойдемте покурим?

— Я не курю, — равнодушно бросил криптозоолог.

— Так и я не курю, — многозначительно, с оттенком легкой угрозы ответил странный гость и вновь расцвел в великолепной улыбке.

Это сообщение, казалось, заинтересовало иностранца, и он с готовностью поднялся из-за стола, чтобы выйти в сад.

Как только двое мужчин скрылись из поля зрения окон гостиной первого этажа за кустами сирени, улыбка исчезла с лица Модеста Дионисовича бесследно.

— Это моя вдова, — тут же прошипел он, беря непрошеного жильца за нижнюю пуговицу атласного жилета. — Не смейте мешаться у меня под ногами.

Брут посмотрел на него сверху вниз, и теперь уже на его лицо напознала весьма ядовитая усмешка.

— Боюсь, что с моим ростом это физически невозможно.

— Да брось ваньку валять! Говорю тебе, это моя вдова, я ее уже второй месяц пасу!

— Зачем мне валять какого-то Ивана? И какое отношение это имеет к выпасу Анфисы Ксаверьевны, разве она овечка? *Энд ай бег ё пардон*, но на ней не написано, что она ваша.

— Это пока! Пока не написано!

— Ну так идите и напишите. — Сэр Бенедикт указал на дом. Для человека, не понимавшего или делавшего вид, что не понимает русских идиом, предложение было излишне образным.

— Слушай, друг, — белоснежная, словно императорский фарфор, улыбка вернулась на лицо франтика, — одолжишь пятьсот рублей? А уж честь по чести и предложение руки, и свадебку... А ты тогда занимай этот флигель хоть целиком.

Бенедикт Брут в очередной раз призадумался.

— *Ноу-ноу-ноу, итс импосибл*, — наконец решил он, а затем неожиданно оттолкнул руку Хлыщева от своей пуговицы и, что еще более удивительно, приобнял ошеломленного Модеста Дионисовича за плечи. — Но вы, мой юркий друг, можете их заработать...

— Как? — тут же наклонился к нему бойкий воздыхатель Анфисы Ксаверьевны. Скорость, с которой он отреагировал на столь неожиданное предложение, заставляла подозревать, что получать деньги за сомнительные поручения ему не впервой.

— Мне нужен... — Доктор пощелкал пальцами, пытаясь подобрать нужное слово, но скоро сдался. — *Гайд*.

— Гад?! — вспыхнул оскорбленный до глубины души Модест Дионисович.

Брут еще пощелкал пальцами для улучшения памяти и словарного запаса — на этот раз упражнение помогло.

— Чичероне, — перешел он вдруг на итальянский, а затем в порыве внезапного озарения воскликнул: — Проводник!

— По Князьгороду, — понимающе кивнул белозубый франтик и перешел на какой-то особый, сиропный тон: — По злочным местам-с? Это можно. Знаем-знаем...

Сэр Бенедикт осмотрел знаконца Анфисы Ксаверьевны с осуждением.

— По местам, где собираются состоятельные граждане города, способные позволить себе мои услуги.

Модест Дионисович первым вернулся в дом к остывшему чаю. «Во избежание подозрений», — как сказал он пониженным тоном криптозоологу. Сэр Бенедикт же пару минут полюбовался почти распустившимися кустами сирени и только собрался уходить, как из-за этих самых кустов высунулась остроносая мордочка Матвея. Судя по здоровому румянцу на щеках, сын Анфисы Ксаверьевны пробыл в саду уже немало времени. А острый недетский взгляд говорил о том, что мальчик слышал большую часть нелепого разговора, состоявшегося между мужчинами.

— Я же говорил, что я забавный, — без тени смущения повторил ему сэр Бенедикт, ковыряя концом неотделимого от его персоны зонта только-только зазеленевшую клумбу.

— Я позволю вам остаться, если вы избавитесь от этих двоих, — очень серьезно объявил мальчик.

Криптозоолог не стал уточнять, каких двоих ребенок имеет в виду. Сэр Бенедикт задумался только на секунду, а затем протянул мальчику руку, унизанную перстнями.

— *Дил.*

— По рукам? — переспросил Матвей, налегавший в своем лице все больше на немецкий, а втайне от маменьки изучавший идиш, армянский и еще пару северокавказских языков.

— По рукам, — подтвердил доктор, которого явно забавляла обстановка в доме, где ему довелось поселиться.

В недолгом вчерашнем разговоре Анфиса Ксаверьевна успела посвятить постояльца в суть своих материнских чаяний. Вдова пророчила сыну министерский пост. И сэр Бенедикт со свойственной ему проницательностью начинал подозревать, что зря.

Таланты мальчика лежали в той же сфере, в которой и таланты его прадеда, ловкого купца, все состояние которого так непрозорливо растранили дети. И если бы криптозоолог обладал еще и провидческим даром, то непременно сообщил бы своей домовладелице, что в грядущей через пару десятков лет войне Матюше предстояло стать главным фуражиром великоросской армии, а под старость лет и вовсе первым поставщиком императорского двора. Но пока он был всего лишь излишне смысленным и настороженным подростком, волею маменьки помещенным в дворянский лицей, и «торговля», которой занимался ребенок, имела более скромные масштабы.

— Позволю вам остаться, — передразнил сэр Бенедикт и иронически возвел глаза к небу, когда и Матвей скрылся в доме.

В гостиную англичанин вернулся как раз вовремя, чтобы предотвратить начало военных действий.

Купец второй гильдии, так бесславно ретировавшийся при водворении криптозоолога в дом, исполнил свое обещание и вновь явился пред светлы очи предмета своих воздыханий.

И теперь оба поклонника Анфисы Ксаверьевны сидели по разным углам дивана, как мальчишки-забияки, рассаженные гувернанткой. Хозяйка дома вновь отсутствовала, словно избегая обоих.

— Ну что вы любуетесь на меня, будто я барышня какая? — с ленивой претензией в голосе сказал Модест Дионисович.

Калина Ипатьевич не то чтобы любовался, скорее, пожирал своего соперника глазами.

— Стыда у тебя нет, бесеныш. Диверсию учинил и сидит нога на ногу.

— Что-что я учинил?

— Диверсию!

В этот момент и вошел сэр Бенедикт. Видя, что оба недружелюбных взгляда обратились на него, едва кивнул в знак приветствия и с неприкрытой насмешкой сказал:

— Не прерывайте свою дружескую беседу, господа. Я здесь исключительно ради чая, на общий разговор не претендую.

— Фи, Калина Ипатьевич, что-то от вас старческим маразмом повеяло. — Щеголь демонстративно помахал рукой перед носом.

Но купец уже смотрел на вошедшего, уютно разместившегося в кресле напротив таким образом, чтобы иметь наилучший обзор на предстоящую схватку.

— Вы криптозоолог?

— Нет, я просто испытываю извращенное удовольствие, приглашая в свой дом идиотов с опасными чудовищами, — ответил Брут, изящно наливая себе чай.

— Но Анфиса Ксаверьевна сказала... — затянул Калина Ипатьевич, растерянно хлопая яркими, по-детски синими глазами: всего повидал на свете купец, но с таким безжалостным видом сарказма сталкиваться ему еще не приходилось.

— Ну, раз Анфиса Ксаверьевна сказала...

— Так, может, съездим до моего амбара, а то мне этот злодей, — толстый указательный палец с квадратным ногтем ткнул в сторону Модеста Дионисовича, — туда какую-то пакость подсадил.

— Что?! — уже с настоящим возмущением вскричал франтик.

— Что-что, натурально подсадил! — И, повернувшись к сэру Бенедикту, купец начал старательно излагать свои доводы: — Зуб он на меня точит — это раз, амбар его батюшки прямехонько напротив — это два, а позавчера с ентого дармоеда как раз около и видали — это три.

— К отцу я ходил! К отцу! — ярился Модест Дионисович, вскакивая на ноги.

— А зачем? — прищурился его оппонент.

— Не ваше дело.

— Выходит, что очень даже мое...

— Бенедикт, съездите вы к этому амбару, — взмолилась появившаяся в дверях Анфиса Ксаверьевна, уже отчаявшаяся найти безболезненный способ выставить ссорящихся из своей гостиной.

— Я за выезд от пяти рублей беру, — невозмутимо сообщил криптозоолог.

Ехали на немного потертых, но крепких и вместительных дрожках Калины Ипатьевича. Тянула их не слишком красивая, двужильная лошадка, которая даже самый крутой склон брала не запыхавшись.

В хвост купеческому экипажу пристроилась верткая эгоистка Модеста Дионисовича. Франтик заявил, что не допустит, чтобы его доброе имя порочили в доме милейшей Анфисы Ксаверьевны.

Негоциант поминутно оглядывался назад, бурчал что-то в короткую бороду, но против такого сопровождения сильно не возражал.

— Я ж ее еще девочкой помню, — вдруг доверительно сообщил криптозоологу Калина Ипатьевич, когда они свернули с Пекарского переулка. — Из семьи хорошей, купеческой, толк в торговле и делах знает, с покупателями поговорить умеет, да не с простыми, дворянского звания тоже. И хозяйка ладная, чем моим дитям не мать? Я ж тогда по молодости к отцу ее в дом тоже хаживал, все присматривался, ждал, когда в брачную пору войдет. Да поди ж ты, недоглядел! Свел ее со двора офицерик какой-то плюгавенький. Ну и как не свести? Красавица, характер тишайший, говорит — словно горлица воркует.

На подобные поэтические сравнения сэр Бенедикт изогнул одну бровь, и дело было вовсе не в том, что в его собеседнике сложно было заподозрить такие бездны красноречия. Просто образ властной домовладелицы никак не вязался с расточаемыми в ее адрес комплиментами.

Калина Ипатьевич, ни на что не обращая внимания, продолжал править лошадкой и жаловаться на творящиеся в его жизни несправедливости пораженному слушателю:

— И ведь опять же уведет ее этот скалозуб, саврас проклятый. Льстивыми речами заманит. У самого за душой ни копейки. Ни кожи ни рожи, одна зубастость эта бесовая. Ишь, белизной сверкает, словно унитаза английского фарфору! — Довольный своей шуткой и проявленной эрудицией, купец залиvisto рассмеялся, да так, что псы в соседних дворах подхватили.

Ехать оказалось не так уж и далеко, в амбарный тупичок, что поза охотными рядами, по этой причине Калина Ипатьевич не вполне успел излить душу подозрительно притихшему криптозоологу.

Коляску оставили в самом начале тупика и дальше прошли уже на своих двоих. Сэр Бенедикт и Модест Дионисович, не сговариваясь, немедленно уткнулись носами в платки, ибо запахи вокруг стояли такие, что хоть топор вешай, хоть сам следом вешайся. Купец же ничего, лишь посмеивался в бороду.

— Ну ладно барин, белая английская кость, но ты-то, Модка, чего нос воротишь? Али не знаешь, откуда те деньги, на которые твоя кляча

куплена?

— Кажется, мы на брудершафт не пили, — проворчал франтик, не думая отнимать от лица платка с изящно вышитой монограммой.

— Тухлые амбары это, — махнув рукой на соперника, пояснил Калина Ипатьевич. — Сделавшиеся духовитыми товары сюда переправляют, прежде чем за город вывезти. Генерал-губернатор наш в черте города закапывать воспретил и возить по дневному времени тож, вот и передерживаем здесь...

— Иногда даже слишком передерживаете, — прогнусавил Модест Дионисович.

— Цыц! А ты возы-то погоняй по ночному времени, потом рот раскрывай.

Подошли к одному из амбаров, и купец позвонил в колокольчик, приделанный прямо к стене, чуть в отдалении от широких двустворчатых ворот. На звон открылось окошко второго этажа, и оттуда показалось рябое лицо приказчика.

— Отворяй! — не слишком ласково гаркнул Калина Ипатьевич тоном, которым даже со своим ненавистным соперником себе разговаривать не позволял.

Приказчика словно сдуло, и уже через секунду он, как стрекозел, через ступеньку прыгал по шаткой деревянной лесенке вниз.

— Ах, мы за этим пришли? — сказал Модест Дионисович, зачем-то взял от стены ящик, не испугавшись запачкать перчаток, и забрался на него с ногами. Англичанин приподнял брови, но сообразить, в чем дело, не успел.

Приказчик отпер одну из створок нижних ворот, и зловоние накатило на стоящих плотной волной.

— Вот! — торжественно провозгласил Калина Ипатьевич.

— Я бы не стал настолько гордиться антисанитарным состоянием собственного склада, — придушенно пробормотал криптозоолог, еще сильнее уткнувшись носом в платок.

— Крыс нет! — обиженно вскричал купец.

— Вам мало этого амбре? Вы хотите, чтобы там были еще и крысы?

Калина Ипатьевич в сердцах плюнул и жестом приказал открыть дверь соседнего сарая. Стоило только створке распахнуться, как наружу вместе со зловонием хлынул серо-шерстистый поток.

Вспугнутые звуком и светом, разбегались и пищали крупные упитанные грызуны.

Модест Дионисович весь как-то подсобрался на своем ящике и даже попытался стоять на одной ноге, будто это могло обеспечить ему большую безопасность.

— Это все, конечно, очень занятно, но при чем здесь я? — резонно спросил криптозоолог, концом зонта отпихивая от своих туфель особо ретивых обитателей сарая, но скорее из заботы о чистоте, чем от отвращения.

— А то, что чудищу он нам подложил! — Торговец ткнул пальцем в соперника.

— Да зачем мне это надо? — вполне искренне возмутился Модест Дионисович, осторожно, чтобы не запачкать желтых ботинок, слезая с ящика, ибо демонстрация была окончена.

— Отвлекь меня хочет от милейшей Анфисы Ксаверьевны! — Плотный кулак купца погрозил в сторону франта.

— Во-первых, у милейшей Анфисы Ксаверьевны есть милейшие глазки, ради победы мне надо было вас оставить, а не удалить, — с растяжкой начал обвиненный. — А...

— А во-вторых, — перебил его криптозоолог, — с чего вы взяли, что там чудовище?

— Приказчики что-то странное видели... Аким, неси кота! — вновь не своим голосом заорал купец.

Шерстяное мяукало было изловлено и доставлено сию же секунду. Видимо, ветеран дворовых битв пригрелся где-то неподалеку на солнце. Калина Ипатьевич без колебаний перехватил у приказчика полосатого забияку за шиворот и попытался затолкать в сарай, где не было крыс. Кот сопротивлялся неистово, будто знал об этом строении нечто такое, что заставляло его биться за свою жизнь.

— Вот!! — еще более торжественно объявил хозяин злополучного склада.

— Если бы меня тащили за шкурку, я бы тоже туда не пошел, — резонно возразил Модест Дионисович.

Оба поклонника Анфисы Ксаверьевны обменялись концентрированными взглядами, после чего купец поднес кота ко второй двери, и Васька со всех четырех лап скрылся внутри, только бы отвязаться от ополоумевшего negociанта.

— Вот!! — в третий раз объявил Калина Ипатьевич.

— Интересно. — Криптозоолог покрутил зонтик в руках и с любопытством сунул голову в сарай, несправедливо обиженный грызунами. — Кого же это боятся и кошки, и крысы?

— Не просто крысы, — поправил его делец и со странной гордостью пояснил: — А наши крысы! Ничто их, заклятых, не берет, ни кошки, ни отравы. Бахметий Поливаныч вон недавно из заграничного путешествия английского сеттера привез, дак и тот заскулил, стоило ему внутрь сунуться. А тут на тебе, раз — и пропали! Знать, чудовище страшное там завелось, ненасытное...

— А люди-то что видели?

— Да так, тень одну, не разберешь... но шипит словно змеища преогромная!

— Как шипит? — насторожился доктор.

Но этот раз ответил ему не купец, а работник.

— К-ш-ш-ш, к-ш-ш-ш, — воспроизвел Аким, старательно растягивая губы в злобной гримасе, каковая, судя по всему, должна была принадлежать монстру.

— Понятно, — пробормотал сэр Бенедикт и, поплотнее зажав рот и нос платком, бесстрашно шагнул внутрь подозрительного сарая.

— Это вы ловко, ваше степенство, — ядовито сказал Модест Дионисович, стоило только иностранцу скрыться из виду. — Либо от чудища избавитесь, либо неудобного квартиранта со свету сживете.

— Молчи, bestия! — замахнулся на охальника кулаком Калина Ипатьевич. — У дрянного человечешки и мысли дрянные!

Тут совсем близко к двери сарая раздалось вполне узнаваемое «к-ш-ш-ш, к-ш-ш-ш». Соперники мигом заткнулись и отпрянули прочь.

Из темного проема появилась высокая фигура криптозоолога. В руках доктор держал крупного зайца, на зайце были олени рога...

— К-ш-ш-ш, к-ш-ш-ш! — зашипел на собравшихся по его душу косенький и тут же воинственно застриг ушами, заставив сэра Бенедикта немного поумерить довольство собой и начать уворачиваться.

— Это... это... — Возмущение Калины Ипатьевича было столь велико, что он на время утратил способность изъяснять собственные мысли.

— Это чья-то шутка? — помог ему Модест Дионисович. — И кто только додумался наставить зайцу рога?

— Разве что зайчиха, — невпопад гоготнул приказчик.

— Это же кролень! — наконец-то выдал купец.

— Ваши познания в криптозоологии ошеломляют, — откликнулся Бенедикт Брут, пристально, с вновь открывшимся интересом рассматривая потенциального жениха Анфисы Ксаверьевны. — Я впечатлен.

— Это мой кролень! — воскликнул Калина Ипатьевич, поразив иностранца еще больше. — Я его на подарок тестю генерал-губернатора готовил! Но как сбежал, зараза?

Купец внезапно и очень недоуменно затих. Прошла минута, прежде чем он решился поделиться своей проблемой:

— Но как же... Я ж его с утра проверял... А крыс со вчера нет...

— Ведите к месту содержания вашего подарка, — снисходительно разрешил сэр Бенедикт.

— Господи, а кричал-то! Чуть на дуэль не вызвал! — радостно хлопнул себя по бокам Модест Дионисович и расцвел ослепительной улыбкой на пол-лица. — То-то я Анфисе Ксаверьевне расскажу — посмеемся! Кому нужен муж самодур и тиран?

— А кому голь перекатная? Тятенька, я слышал, тебя, детинушку, содержания лишил?

В этот момент действительно могло бы дойти если не до дуэли, то до мордобития, кабы сэр Бенедикт, видя назревающую свару, не спустил кроленя с рук на землю.

— Ай! — раздался крик Модеста Дионисовича.

— Ай! — впервые в согласии вторил ему Калина Ипатьевич.

Воинственный заяц собирался разбежаться и в третий раз, чтобы боднуть за компанию и криптозоолога, дабы никто из двуногих не чувствовал себя обделенным, но был крепко схвачен англичанином за уши и снова поднят на руки.

— К-ш-ш-ш! — не желая сдаваться, зашипел зверек.

Дом купца второй гильдии оказался двухэтажным, бревенчатым. На первом этаже располагалась контора и что-то вроде общежития для служащих, на втором обитал сам хозяин со своей многочисленной семьей.

Модест Дионисович, компанейская душа, умудрился просочиться и сюда. Как ни намекал ему соперник, что его-де в гости и не приглашали, ловкий ферт штопором ввинтился в массивные ворота, приговаривая:

— Ну, как же, как же? Разве я вам Беню на растерзание оставлю? Что потом отвечать милейшей Анфисе Ксаверьевне про ее пропавшего жильца?

Сэр Бенедикт, непонятно в какой момент превратившийся из рыцаря Британской империи в Беню, только поморщился — на этом вопрос присутствия его «чичероне» был закрыт.

Не останавливаясь, поднялись на второй этаж. А там уже в передней выстроились все семеро отпрысков Калины Ипатьевича, от долгоязого юнца с наклеывающейся бородкой до маленького карапуза (неизвестного полу) в младенческом платьишке, все лицом были вылитый тятенька, если не считать отсутствия плечи и бороды.

— После, после! — отмахнулся от них купец и провел гостей прямехонько в свою спальню, богато украшенную коврами, расписными вазами и другими предметами, долженствовавшими обозначать собой семейный достаток.

В углу комнаты был сооружен небольшой вольер, туда-то и ринулся хозяин дома и тут же отпрянул с не вполне приличным восклицанием.

— Однако! А я-то думал, вы крышечкой отъехали-с! — гоготнул Модест Дионисович.

Сэр Бенедикт лишь покрепче прижал к себе забеспокоившегося кроленя. Надо сказать, что причина беспокоиться у чудовища имелась вполне весомая: в вольере сидел один из его собратьев, с такими же рогами и персиково-коричневой в пестринку шкурой, вот только нос был не чисто-розовый, а покрытый коричневыми крапинками, как веснушками.

— Задача, — протянул купец первое пришедшее на ум приличное слово.

— Никакой задачки, — возразил криптозоолог, стиснув брыкающегося зайца так, что тот мог только дышать и яростно вращать блестящими красными глазками. — Много ли у вас в Князьгороде еще кроленей?

Калина Ипатьевич шумно почесал бороду.

— Ну вот... у тестя генерал-губернатора, других не знаю... Я ж ему и этого-то в подарок, для разводу, заказал. — Негоциант кивнул на второго зайца, вдруг вздумавшего брать на abordаж стены своей импровизированной тюрьмы. — Э-э-э... А ну-ка, отдайте мне косога, господин криптозоолог. В моем амбаре как-никак найден.

Купец настойчиво потянулся к рогатой ноше сэра Бенедикта.

Самолично вернуть тестю генерал-губернатора сбежавшего кроленя было делом сильно перспективным, поэтому Калина Ипатьевич вдруг позабыл об осторожности и двумя руками обхватил чудовище, да так, будто оно приходилось ему восьмым, вновь обретенным чадом. И хотя в голове криптозоолога промелькнули те же мысли о перспективности, препятствовать прозорливому дарителю он не стал.

— Будут проблемы — обращайтесь, — кивнул Брут да пошел неспешным шагом к выходу, вид имея при этом презлорадный. Модест Дионисович — за ним.

И действительно, не успели они дойти до первого этажа, как эти самые проблемы начались.

Наверху послышался шум, затем многократный звон разбиваемого фарфора и топот купеческих сапог, поспешающих за удаляющимся специалистом по чудовищам.

— Знаете что, — выдавил запыхавшийся купец, успевший остановить доктора уже на самой лестнице, — я, пожалуй, лучше тому, тестю-то, своего зайца так отдам, будто сбежавшего нашел, беспокойство проявил, так сказать. Бес с ним, с подарком, раз такое дело. А вы этого заберете? Я же вижу, он вам нравится.

— Которого? — не без сарказма уточнил криптозоолог. — Того, что погрознее?

— Да любого берите! — закричал купец, услышав очередной звон сверху.

Сэр Бенедикт пожал плечами и снова поднялся на второй этаж. По комнате Калины Ипатьевича будто прошелся ураган: замечательно

безвкусные вазы были переколочены, ковры местами подраны, а на хозяйском ложе, наставив друг на дружку ветвистые рога, стояли два кроленя.

Судя по всему, спор у ушастых вышел нешуточный.

— Кы-ш-ш-ш! — говорил один.

— Кы-ш-ш-ш! — отвечал ему другой.

Брут бесстрашно выбрал «того, что погрязнее», ловко подхватил под мышку, второго, бросившегося то ли в атаку, то ли на защиту собрата, отпихнул концом зонта.

— Я приказчику скажу, пусть вас отвезет, — с облегчением выдохнул Калина Ипатьевич, представив, как нелепый иностранец станет искать извозчика с такой ношей.

— Бенья, погоди! — бросился вслед уходившему Модест Дионисович. — Я знаю, где мы этого зайца сегодня с выгодой реализуем! Да и тебя представим в лучшем свете!

— Глафира, а любите ли вы кроликов? — крикнул сэр Бенедикт в сторону кухни, откуда доносился грудной басок, напевавший веселую девичью песенку.

— А то как же, барин! — откликнулась Глаша. — И в подливке, и в жарком, а уж в пирогах с луком как хороши... Ой!

Судя по реакции горничной, вышедшей на зов в переднюю готовить рогатых кроликов ей еще не доводилось.

— Мне импонирует ваш кровожадно-гастрономический настрой, — многозначительно улыбнулся криптозоолог, — но этого кролика нужно пока что только вымыть, есть его мы погодим.

И то правда, после склада с тухлятиной вид кролень имел самый неприглядный, а уж по запаху не то что в еду, но и в подарок непригодный.

— Ну давайте, чего уж... — протянула руки сострадательная девушка. — Где это он так изгваздался?

— Этого вам, Глаша, лучше не знать. — Сэр Бенедикт передал с рук на руки присмирившую криптоиду. — Лодыжки только берегите, бодается больно.

— А я его за рога, — по-хозяйски перехватила чудище девка, — мы, деревенские, с животиной да не управимся?

— Эх, Глаша, Глаша, цены вам нет, — в кои-то веки отозвался о ком-то одобрительно криптозоолог и, растроганный, отправился в свои

комнаты переменить испачканное платье к вечеру.

Через час после заката на пороге дома в Пекарском переулке вновь стоял Модест Дионисович в игривом костюме в клетку, в котелке и с тросточкой. Усы щеголя были уложены с таким тщанием, какое не всякая модница приложит к собственной вечерней прическе.

— Глафира, душенька, это тебе. — Гость прямо на пороге широким жестом вынул из кармана круглый печатный пряник. — Все расстегайчики твои вспоминал, решил порадовать.

Глаша, открывшая дверь, взвизгнула совсем по-девичьи, так, будто и не было в ней без малого трех аршин росту, и на радостях чмокнула дарителя прямо в макушку.

Когда довольная горничная отправилась сообщать хозяйке о посетителе, Модест Дионисович подмигнул вышедшему на шум криптозоологу и пояснил:

— Представительские расходы. Учитесь, Беня, за это денег не спрошу. В Великороссии заниматься делами довольно просто, не то что в этой вашей Англии. — Тут щеголь споткнулся, рассмотрев как следует костюм криптозоолога. — Беня, ну что вы все в черном да в черном?! Хотите, присоветую портного?

— А хотите, я вам своего?

— Вот уж увольте!

— И вы меня, — сэр Бенедикт фамильярно вынул бордовую, почти черную, гвоздику из лацкана Модеста Дионисовича и пристроил на свой, атласный, — а вот адрес цветочника, пожалуй, возьму.

В довершение своего вечернего костюма доктор достал из кармана круглые очки с фиолетовыми стеклами, снял с вешалки плащ летучей мыши, подхватил зонт и саквояж.

— Зачем вам? Это всего лишь вечер в клубе, да и погода ясная, — удивился такой основательной экипировке Модест Дионисович.

— Никогда не знаешь, в какой момент может пригодиться зонт, — ответил англичанин, виртуозно раскрутив в пальцах свой неизменный аксессуар.

На этот раз Модест Дионисович пренебрег собственным средством передвижения и нанял извозчика.

— Не было еще такого, чтобы кто-то трезвым возвращался из купеческого клуба, — разъяснил он свою предусмотрительность и тут же потребовал от криптозоолога дать вознице обещанный «рупь».

Молча ехали недолго, как ни странно, первым задушевную беседу завел сам иностранец.

— Ну ладно купец этот, семеро по лавкам, а вам-то что нужно от Анфисы Ксаверьевны?

— Что же, вы считаете, что квартирная хозяйка ваша не хороша? — усмехнулся Модест Дионисович.

— Вам не хороша, — уточнил его спутник, сдвинув очки на нос вроде как в желании увидеть истинное лицо собеседника.

Тут-то щеголь впервые и обратил внимание, что глаза у доктора странные — серо-голубые в крапинку, как яйца перепелки.

— Ну что ж, была у меня невеста по любви, — легко, безо всякого сожаления признался Модест Дионисович. — Та скоропостижная женитьба закончилась буквально через полгода, когда выяснилось, что у душечки Зизи я второй муж.

— Анфиса Ксаверьевна тоже не невинная дева.

— Да, но по крайней мере мне не стоит опасаться, что ее супруг лично придет ко мне, чтобы сообщить о своем существовании...

— Раз брак по любви уже был, логично попробовать брак по расчету? — под стук копыт допытывался невесть отчего проявивший интерес к личной жизни своей домохозяйки криптозоолог.

— Есть у женщин достоинства и поболее богатства и молодости, — назидательно сказал Модест Дионисович, ловя своей улыбкой отсветы вечерних фонарей.

— Например, недвижимость в виде барского дома в хорошем районе, доставшегося от покойного мужа ее несовершеннолетнему сыну?

— Вы меня, Бенья, с альфонсами-то книжными не путайте, — погрозил пальцем в тонкой перчатке франтик. — Жена для оборотистого человека — лишь база и основа, крепкий домашний тыл, а уж как он на этой основе свои дела поведет, тут только от его талантов зависит. Анфиса Ксаверьевна женщина тихая, хозяйственная, лишних вопросов не задающая — так чего мне еще желать?

Криптозоолог издал какой-то странный звук, который можно было бы принять за смешок, но как раз в этот момент ночная тень скрыла выражение лица доктора. Несмотря на только что вырванное признание, «чичероне», кажется, ему нравился. Модест Дионисович

был прелестен в своей скромной жажде наживы, обаятелен, как всякий наглец, и неожиданно честен в отношениях с жизнью.

— И что же вы не переживаете по поводу наследников? — спросил сэр Бенедикт. — Вряд ли можно ожидать их от женщины в возрасте Анфисы Ксаверьевны.

— Ну а что мне переживать? Наследниками я себя уже обеспечил, хоть и не так основательно, как Калина Ипатьевич.

— В каком смысле?

— У меня ведь трое отпрысков — плоды мимолетной страсти... вернее, страстей. Подрастут — выберу самого смышленного и официально признаю своим. Знаете, это большое заблуждение — заводить детей сразу в семье. А вдруг получившийся из них взрослый вам не понравится? Мой отец, к слову, меня терпеть не может, но вынужден. Нет-нет, вы не подумайте, я всех обеспечу и в обучение отдам, но им по крайней мере будет ради чего стараться.

— Никогда не думал об этом в таком ключе, — честно признался Брут, до глубины души пораженный тем, что кто-то сумел превзойти его в цинизме своих высказываний и поступков.

— Тпр-р-ру! — вдруг звучно перекрыл их беседу возница. — Приехали, барин!

Модест Дионисович подскочил словно каучуковый мячик.

— Я знаю, это не ваш привычный круг общения, но здесь собираются все первостатейный купцы Князьгорода, не чета Маслову, постарайтесь понравиться, — наставительно сказал он доктору.

— Мне нужно не понравиться, а запомниться. И для этих целей я предпринял некоторые приготовления. — Сэр Бенедикт любовно погладил прихваченный с собой саквояж.

VII

Дом купеческого клуба был старым, основательным. Толстые стены, возведенные несколько веков назад, держали плоскую крышу. Внутреннее убранство соответствовало. Надо отдать должное вкусу хозяина: никто не пытался ставить под окна, мало чем отличающиеся

от бойниц, воздушной мебели на гнутых ножках и прикрывать простые беленые стены золочеными в розанчиках обоями.

Прямо с порога неподготовленного гостя сбивал с ног и клал на обе лопатки съестной дух. И если бы не стоявший в просторном зале гвалт, стало бы отчетливо слышно, как сэр Бенедикт, рыцарь Британской империи и известный в определенных кругах криптозоолог, сглотнул набежавшую слюну.

Клуб содержался сытно и честно: дубовый, способный вынести любое изобилие стол, знаменитые на весь Князьгород поросята в яблоках и рубленые, словно из одного кирпича со стенами сделанные, завсегдааи.

Правда, то тут, то там среди парадных красных и синих рубах, подпоясанных расшитыми кушаками, которые, казалось бы, уж лет как с десятков повывелись на городских улицах, мелькали темные, по последней моде скроенные визитки.

В первые же минуты Бенедикт Брут с неудовольствием обнаружил, что ничей взгляд на его персоне не останавливается. Смотрели на него осоловевшие от расстегаев и наливок купцы, смотрели, да не присматривались, принимая за одного из дельцов в черных сюртуках.

— А вон и для нас местечко на этом празднике жизни, — схватил за локоть погрустневшего спутника Модест Дионисович и указал на свободный торец стола, где как раз уже красовался только что выпорхнувший из печи поросенок.

— Я сегодня ужинать не планировал, — сухо сказал сэр Бенедикт, теснее прижимая к себе саквояж.

— Это вы, Беня, зря. — Ушлый «чичероне» уже вовсю подмигивал какой-то смуглянке из цыганского хора. — Тут тому, кто не ест и не пьет, гулять не умеет, доверия нет. Наняли меня, так извольте слушаться. Здесь такие кошельки гуляют, что не нам с вами привередничать.

— Ну что ж, — глубокомысленно молвил криптозоолог, — если надо есть поросю, будет им знатный поедатель.

Солидная фраза вдруг закончилась совсем не солидным смешком. Сэр Бенедикт щелкнул замком саквояжа и легким движением вытряхнул на стол красновато-бурый меховой комочек — никто и не заметил.

Обитатель саквояжа прокатился по отполированной сотнями ладоней поверхности, обогнул штоф с водкой, но стукнулся спиной о деревянную плочку с красной икрой и опасно развернулся, потянул носом воздух...

Аромат, уловленный черной блестящей пуговицей, был неодолим.

— Иногда, чтобы избавиться от одного стресса, надо попасть в еще больший, — удовлетворенно сказал Бенедикт Брут, глядя, как маленький хомячок-троглодит вгрызается в румяный бок запеченного с яблоками поросенка.

Вокруг тут же образовалась стеночка из разинувших рот купцов, которые несколько секунд наблюдали за неведомой тварью, вид когтей и клыков которой какое-то время сдерживал их обиду за поросенка.

Но довольно скоро один из бородачей вспомнил, что несправедливость эволюции была давным-давно исправлена человечеством, и потянул из-за пояса лезвие, превосходившее по длине любого даже самого кровожадного хомяка.

— Позвольте мне. — Сэр Бенедикт в мгновение ока очутился рядом с тем самым догадливым купцом, изъял у него клинок и без тени колебания замахнулся на своего пациента.

Один точный удар — и троглодит отлетел прочь, все еще сжимая в зубах ровно отрезанный кусок свинины.

— Прошу извинить моего друга, он голоден. — Криптозоолог сграбастал ошалевшего хомяка, намертво вцепившегося в добычу, и отправил обратно в саквояж.

Уж после такого-то представления внимание вновь прибывшим было обеспечено.

Бородатые Тит Титычи подсаживались к Модесту Дионисовичу и его необычному спутнику, угощали, расспрашивали, кто-то даже порывался пить на брудершафт.

Тут уж перед сэром Бенедиктом все равно встал нелегкий выбор: упорствовать в своем статусе спортсмена или все же вывести деловые соображения на первый план. Мысли о возможной выгоде победили.

Начали с ароматной черносмородиновки, закусывали десятиярусной кулебякой, дальше пошла рябиновка, жирная до одурения ушица и каплуны. Гремело на заднем фоне цыганское многоголосье.

— Это еще что, вот вчера была стерлядочка в аршин длиной! — вещал с одной стороны купец с лоснящимися щеками и ладонью правой рубил по левой руке размер чудо-рыбины.

С другой стороны раскрасневшийся бородач, держа в руках винный бокал, до краев полный коньяка, попал в ловушку собственного красноречия на середине длинного тоста:

— ...процветания Князьгороду, прямых дорог караванам, границ без пошлин, всем толстой мошны, свободной торговли охотным рядам...

— Еще немного — и он раздаст землю крестьянам, а фабрики рабочим, — сыто и оттого, видимо, благодушно заметил сэр Бенедикт, магическим образом растеряв где-то весь свой английский акцент. К сожалению, отметить сей странный момент было некому. Модест Дионисович, несмотря на свою сублищность, тоже не чурался ни стерлядочки, ни полагавшейся к ней рябиновки.

— Мне бы пару тысконок да новый дворянский особнячок, уж я бы развернулся! — развязавшимся языком выплетал свою сокровенную мечту захмелевший «чичероне». — Здесь что? Труха, пыль, история, старье. Совсем скоро делать дела в Князьгороде станут по-другому. И деньги будут лежать не в карманах полосатых шальвар и за голенищами купеческих сапог, а в сюртуках вон тех темненьких господ, современных коммерсантов. Они здесь только потому, что надо, а лица такие, будто на казнь пришли...

Вдруг чья-то массивная, поросшая рыжим волосом рука бесцеремонно отодвинула Модеста Дионисовича, прервав пьяное изложение весьма и весьма трезвого прожекта.

— Где тут у вас укротитель? — гаркнул на ухо франтику голос.

— Я не укротитель, я криптозоолог, — в сотый уже раз повторил Бенедикт Брут, но его никто не слушал. Иностранца подхватили под мышки и без видимых усилий, несмотря на все поглощенные им расстегаи и уху, потащили куда-то со скамьи.

— Куда вы меня несете? — Доктор пытался отбиваться, но тщетно, длинные ноги в подбитых подковками штиблетах оставляли совершенно явственные полосы на нечистом дубовом полу. Купцы хоть и были на голову ниже залетного гостя, зато уж определенно вдвое тяжелее. Все, что удалось застигнутому врасплох криптозоологу, так это цапнуть прислоненный к скамье зонт.

— Не бойтесь, Бенья, это они куражатся! — ободряюще кричал вслед своему подопечному нисколько не обеспокоенный его судьбой Модест Дионисович. — Зато вы сегодня уж точно запомнитесь всему клубу!

Слава «укротителя» не особенно прельщала Бенедикта Брута, но деваться было некуда, силы оказались неравны. Криптозоолога выволокли на двор, огороженный со всех сторон домами, вросшими по подоконник в землю. Всего лишь за какую-то минуту на квадратном пятачке стало не протолкнуться. Предвкушение невиданного зрелища нисколько не отвратило купцов от вкушения пищи, потому многие вышли со стянутыми со стола яствами: пирогами, телячьими ножками, один и вовсе, покачиваясь из стороны в сторону, как родную сжимал в руках упитанную приятно коричневую индейку. В правом углу сверкали браслетами и затягивали что-то бойкое цыгане.

Иностранца дотащили до середины двора и, поставив на ноги рядом с огромным ящиком, слегка отряхнули. Сэр Бенедикт покачнулся, утомленный не столько бесконечными настойками, сколько праздником живота, и предусмотрительно оперся на зонт как на трость.

В ящике беспокойно поворачивалось нечто живое, скребло по стенкам чем-то шершавым.

Сэр Бенедикт прислушался к звукам, доносившимся изнутри, и, уловив особый приглушенный рокот, тут же сделал пару шагов назад, оставив между собой и предметом более разумное расстояние, после чего воззвал ко всему доброму и светлому в присутствующих:

— Господа, может, не стоит? В конце концов, это опасно не только для меня...

К сожалению, из светлого в присутствующих осталось только пиво, а из доброго — фраза, брошенная одним купцом:

— Эй, укротитель, не робей! Если что, подмогнем!

— Позавчерась Демьян медведя поборол!

— А ведь мылом для барышень торгует!

Сэр Бенедикт пожал плечами и покрепче ухватил зонт, ибо другого орудия для «укрощения» ему не предложили.

Двое парней, состоящих при клубе, потянули одну стенку ящика за приделанные к ней ручки и, когда та полностью отъехала в сторону, моментально растворились в толпе.

Внутри что-то снова заскрежетало, и наружу показался продолговатый коричнево-серый кончик морды с чешуйчатыми валиками ноздрей, из-под сомкнутых более светлых губ в ряд торчали мелкие острые клычки. Морда эта все высывалась и высывалась, и конца ей не было. Посетитель Князьгородского террариума наверняка заподозрил бы в чудовище крокодила или таинственного аллигатора, но сэр Бенедикт не был простым любителем поглазеть на рептилий и потому сразу отметил, как высоко располагалась паразитерная пасть над землей.

Вот появились отливающие желтизной глаза с вертикальными зрачками и полным отсутствием нормальных, в человеческом понимании, век, скользнули на Бенедикта Брута, а потом метнулись к купцу, открывшему рот от удивления и едва не упустившему тяжелую тушку индейки из рук.

— Где взяли-то? — громко спросил криптозоолог, привлекая внимание чудовища. — Не из зоосада же выкрали?

— Не бойсь, не краденый! — откликнулись из толпы. — Соболевский для своего зверинца заказал, пока вот не довели, завтра на корабль грузим.

Из ящика на булыжник двора ступила первая лапа, она была покрыта коричнево-серым жестким волосом и чем-то похожа на кошачью, только вот длинные серповидные когти клацнули о булыжник совсем не по-кошачьи мягко.

— И вы решили покормить зверя на дорожку? — тихо сказал доктор, но его услышали.

— Оно людей не кушает! — раздался голос какого-то знатока.

— Живых не кушает, а мертвых очень даже, — не поленился развеять его невежество сэр Бенедикт, напряженно глядя, как из ящика появляется вторая лапа.

Кто бы ни обитал внутри, он решил долее не томить почтенную публику и в один какой-то странный и нелепый прыжок оказался снаружи. Длинная, испещренная зубами, как стручок горошинами, пасть раззявилась на всю ширину, и во дворе раздался рык, от которого трепетали все до единого теплокровные звери Африки.

Перед цветом князьгородского купечества предстало чудо с головою крокодила, телом льва и особыми предпочтениями в выборе пищи.

— Матерь божья! — прошептал кто-то впечатлительный.

— Амамат, — будто бы самому себе кивнул сэр Бенедикт и сделал еще пару шагов в сторону. Толпа позади него последовала примеру специалиста и вжалась в ближайшую стену.

Цыганский хор благоразумно заткнулся и стал потихоньку подбираться к двери, стараясь не звенеть монистами. Когда зверь повернул голову вслед музыкантам, криптозоолог постучал зонтом по каменной кладке двора.

— *Нот зем*, тебя привели на свидание со мной.

Монстр внял обращению и то ли прыгнул, то ли просто рванул на иностранца настолько неестественным образом, что всем стало страшно. Криптозоолог предугадал это движение, а потому успел убраться в сторону.

Разворачивался амамат довольно неуклюже, и за эти секунды англичанин увеличил дистанцию, забирая вбок, словно бы уводя животное в нужном ему направлении.

Второй прыжок не заставил себя долго ждать, он был еще резче и стремительнее, но на этот раз сэр Бенедикт не стал уворачиваться, а сделал шаг назад и, щелкнув скрытой пружиной, мгновенно раскрыл зонт. Амамат, не подозревавший в противнике такого коварства, шарахнулся от неожиданности.

Купцы ахнули, причем, что характерно для тузов коммерции, одна половина восхитилась ловким маневром, а вторая — хитрым механизмом, автоматически раскрывшим зонт. А когда уже в следующее мгновение англичанин тем же макаром сложил свой аксессуар, восхитилось уже все торговое сообщество.

Сэр Бенедикт снова постучал зонтом по булыжникам.

Этот звук явно не понравился чудовищу. Крокодилоголовый монстр исторг из глотки приглушенное рычание, но на этот раз рассудил, что прыжки не самая лучшая идея. Широко раскрыв длинную пасть, он медленно и неотвратно, нелепо переваливаясь, словно лапы его были прикручены на шарниры, попер на криптозоолога.

— *Гуд бой!* — искренне восхитился своим соперником сэр Бенедикт. Он повернулся к чудовищу боком, вдруг резко выбросил в сторону толпы руку с зонтом и наколол на его острый железный наконечник индейку, которую, все так же целую и почти не

надкусанную, продолжал сжимать в руках румяный купец, в накале зрелища позабывший о насыщении организма.

От испуга руки торговца разжались, и сэр Бенедикт едва не вывихнул плечо, когда вес чудо-птицы целиком оказался на кончике его зонта. Англичанин перехватил свое грозное оружие второй рукой и, крутанувшись на пятках, отправил угощение прямо в раззявленную пасть амамата.

Ошеломленное чудовище пару раз мигнуло веками-пленочками, а затем, выпучив желтые рептильи глаза, попыталось раскусить помеху. Но едва до нёба взыскательного монстра дошел вкус жареной корочки, как глаза его вылезли еще сильнее, хотя казалось, что куда уж больше.

Крокодилоголовый попытался выкинуть из пасти непрошенный объект, но не тут-то было — сэр Бенедикт нажал на ручку зонта, пропихивая снедь дальше.

— Чой-то оно едой с нашего стола брезгует? — возмутился пьяный голос из толпы.

— Для него ваша индюшка еще не дошла до кондиции, — охотно пояснил доктор. — Амаматы предпочитают исключительно начавшую разлагаться плоть.

Чудище покачало головой сверху вниз, будто подтверждая слова специалиста, а на самом деле пытаюсь избавиться от застрявшей в пасти птицы, но доктор держал крепко, да к тому же перешел от обороны к наступлению.

Выставив перед собой зонт, сэр Бенедикт шел вперед, а амаMAT, оказавшийся в безвыходной ситуации, соответственно, назад, ибо проглотить индейку для него было хуже, чем отступить.

Через пару минут короткий хвост чудища оказался в ящике, а еще через секунду там же скрылась и голова. Криптозоолог наконец выдернул зонт и, пока несчастное животное отплевывалось, сумел, подналегши на дверцу ящика, задвинуть ее на место.

После чего Бенедикт Брут совсем не по-английски утер свой бледный лоб рукавом и вдруг, уставши от трудов, как был, в своем дорогом наряде, уселся на камни двора.

— Я же говорил, что никогда не знаешь, когда пригодится зонт, — удовлетворенно сообщил он подбежавшему Модесту Дионисовичу.

— Бенья, если у меня когда-нибудь появится свой клуб, вы станете в нем почетным членом, — вдохновенно тряс руку своего недавнего

знакомца франтик, пока их с почестями провожали обратно к столу.

— Будьте уверены: в отличие от хозяина этого заведения, вам придется заплатить за все мои последующие выступления. — Сэр Бенедикт чопорно отряхнул свой костюм и уселся на лавку, не без удовлетворения оглядывая восхищенные бородатые рожи, теснившиеся вокруг. Теперь на лицах купцов было именно то выражение детского восхищения, которого специалист по редким животным ожидал с самого начала.

— Я так и знал, что ты из-за денег выбрал эту профессию! — воскликнул Модест Дионисович, явно еще не до конца срисовавший характер нового приятеля.

— Нет, просто я не очень люблю людей. Все они не те, кем кажутся, и только василиск — это всегда василиск. — Доктор педантично проверил, что саквояж с саблезубым хомячком никуда не исчез за время его успешного выступления, и только потом позволил себе взяться за поставленную перед ним рюмку.

— Кстати, о василисках... Господа, а не нужен ли кому-то кролень? — громко и вовсе не «кстати» спросил проводник криптозоолога, стратегически выждав, когда за их стол набьется побольше народу. — Господин укротитель как раз привез одного из Англии, отдаст по привлекательной цене!

К удивлению доктора, никаких уточняющих вопросов не последовало, словно все князьгородские купцы в качестве хобби бегали вольными слушателями на лекции по криптозоологии.

— Ти-и-и-и... — длинно-длинно и нетрезво протянул один. — Знаем мы, что за зверь, нам такого добра и даром не надо.

— Да-да-да, Елисей Викентич, когда из Англии вернулся, много кому в подарок тварюшек этих привез. Вроде и диковинка, но бодучая жутко, почище любой козы. Да и зверь лесной, не для города, чуть отвернешься — сбежит. И по правде говоря, иные и специально отворачивались.

— Синяки на ногах надоели? — понимающе спросил сэр Бенедикт.

Купцы заржали что кони и снова поднесли забавному гостю чарочку.

— И много таких беглецов у вас было? — вдруг спросил въедливый иностранец, когда всеобщий гогот немного поутих.

Его сосед возвел глаза к подзакопченному потолку и стал загибать пальцы. Одной руки ему оказалось мало.

Выходило, что сейчас по Князьгороду должно разгуливать целое стадо этих рогатых зверей и нападать на незащищенные лодыжки прохожих. И если это соображение и приходило в головы купцов, то несколько их не беспокоило.

По домам расходились уже далеко за полночь. Негоцианты, кто побогаче, уезжали в собственных экипажах с возницами, кто попроще, садились к извозчикам. Когда в дверях показались Брут и его «чичероне», на улице дожидался лишь один свободный возница, да и к тому уже зигзагами тащился дородный купец, по фигуре которого было видно, что природа создавала его не для ходьбы. Лихач, не будь дурак, соскочил с козел и подхватил его степенство под белые ручки, за что и был щедро вознагражден.

Господин «укротитель» и его спутник медленно покрутили головами, после чего выяснилось, что на улице перед клубом остался лишь неказистый сгорбленный ванька на чахлой лошаденке.

— Не довезет, — с сомнением сказал Модест Дионисович, — расплескает.

— Вас — очень может быть, — возразил ему сэр Бенедикт, — а я в себя так много не наливал.

Иностранец неаристократично сунул пальцы в рот и свистнул, подзывая извозчика. Тот с готовностью развернулся и причалил на нужной стороне улицы рядом с потенциальными седоками. Вблизи стало видно, что плохонький экипаж соответствует вознице и не так уж далеко ушел в своей эволюции от телеги.

— Теперь понятно, почему он работает ночью. Днем бы я сюда не сел, — заявил англичанин, оккупируя средство передвижения. — Вы едете?

Модест Дионисович многозначительно скосил глаза на вход в купеческий клуб, в тени ворот которого застыла фигурка, укутанная пестрой шалью с поблескивавшими на кистях монетками.

— Не могу, у меня следующий клиент...

— Боюсь, что не у вас. — Сэр Бенедикт любовно пристроил на сиденье рядом с собой саквояж.

— Куда прикажете, барин? — тут же, будто имел глаза на затылке, спросил возница.

Иностранец чуть замешкался, и его гид, подумав, что Беня еще не запомнил новый адрес, поспешил на выручку:

— Домой? Пекарский переулок 21б, братец!

— Скажете тоже, домой... — возразил криптозоолог. — Домой не интересно.

— Ежели прикажете, так я все интересные места в городе знаю, — тут же оживился ванька и даже соизволил поворотиться назад, блестя черными насмешливыми глазами из-под кустистых бровей.

— Я тоже знаю одно, — самоуверенно усмехнулся сэра Бенедикт.

Представление об интересных местах Князьгорода у Бенедикта Брута было столь же непостижимым, как и сам наш герой. Всю дорогу пребывавший в недоумении ванька в итоге остановился около железнодорожного вокзала и потом еще долго смотрел вслед странному барину, удалявшемуся нетвердой походкой не в сторону парадной лестницы, подсвеченной нарядными газовыми рожками, а куда-то за угол, к грузовым складам.

Самым интересным местом в ночном городе, славящемся своими трактирами, клубами и веселыми домами, для англичанина оказался пост регистрации железнодорожных грузов.

При виде входящего сэра Бенедикта ночной служащий в серой форменной фуражке резко присел за конторкой и постарался не дышать.

— Ох, *май олд френд Грисша!* Я вижу, и вы меня помните, — не без удовлетворения произнес криптозоолог. Как уже успели заметить проницательные читатели, ему нравилось оставлять неизгладимый след в памяти, а еще лучше в душе каждого встреченного существа. — Тогда обойдемся без предисловий... Мне нужен журнал регистрации живых грузов за прошлый месяц.

Иностранец поставил свой саквояж прямо на конторку с таким видом, будто зашел как минимум за причитающейся ему данью. Внутри сумки тут же глухо заворочался и заурчал хомячок-троглодит.

— Не положено-с, — несмело выглянул сбоку конопатый сухонький конторщик, и по всему было видно, что встреча со старым знакомым радует его значительно меньше, чем сэра Бенедикта.

— Вижу, что не положено, вот вы мне сюда и положите-с, — передразнил иностранец и требовательно похлопал по свободному

месту на столешнице. — Мы же с вами знаем, дорогой *Грегори*, что я сейчас стану настаивать, а когда мне приходится на чем-то настаивать, я нервничаю. Вы же не хотите, чтобы я нервничал?

Так называемый Грегори испуганно покачал головой.

— Правильно, — поддержал его Брут, — потому что, когда я нервничаю, я становлюсь невнимателен и могу недосмотреть за своим пациентом. Вы любите саблезубых хомячков, *Грегори*?

Из саквояжа криптозоолога весьма кстати раздался громкий сытый рык.

Конторщик отчаянно завертел головой — кажется, саблезубых хомячков не любил никто, кроме самого сэра Бенедикта.

— Мне и наших крыс хватает!

— Ну вот видите, — обрадовался доктор. — А мне всего-то надо посмотреть, каких криптид ввозили в Князьгород с месяц назад, дело пяти минут, и мы все отправимся спать.

Брут не обманул, ему действительно хватило пары минут, чтобы найти нужные страницы. Длинный указательный палец, украшенный перстнем с головой дракона, заскользил по строкам.

— Так-так-так, всего два кроленя за этот период? — Голос сэра Бенедикта стал удовлетворенным, и конторщик выдохнул с облегчением. — Зато бесполезных мантикор завозят так, будто те молоко дают.

VIII

Сколько ни прислушивалась обеспокоенная внезапным исчезновением сына Анфиса Ксаверьевна, в кабинете криптозоолога стояла подозрительная тишина. В это утро вдова уже проверила все прочие комнаты, и, так как мальчика там не оказалось, остались только владения странного доктора.

Выдохнув, она коротко постучалась, а затем почти сразу же, не давая постояльцу времени для ответа, толкнула дверь.

Две головы — одна светлая, с торчащими на затылке прядками, а вторая черная, причесанная волосок к волоску — поднялись от стола, на котором явно что-то сосредоточенно рассматривали.

— Бенедикт, он вам не мешает? — растерянно спросила домовладелица, никак не ожидавшая увидеть такой идиллии.

— Нисколько. Как оказалось, у нас с вашим сыном есть одно общее увлечение.

Анфиса Ксаверьевна отчаянно боролась с желанием спросить какое, понимая, что любой ответ из уст криптозоолога не прибавит ей крепости сна, и все же не выдержала.

— Бизнес, — пояснил сэр Бенедикт.

— Бизнес? — удивленно повторила домовладелица.

— Мы оба любим делать деньги.

— А могу я поинтересоваться, на чем вы собираетесь делать деньги? — Руки Анфисы Ксаверьевны сами собой стали скрещиваться в строгий крендель на груди. — Ай!

Если бы не слои длинных юбок, голням помрачневшей домовладелицы пришлось бы несладко, потому что внезапно выскочивший откуда-то из-за дивана кролень явно объявил им войну.

— Уберите его от меня! Сколько еще в доме будет находиться это чудовище? — возмутилась Анфиса Ксаверьевна, пытаясь поставить между собой и бодучим кроликом стул.

— Я решил его оставить, — гордо и торжественно сообщил криптозоолог с таким видом, будто брал на попечение сиротку из приюта.

— Ни в коем случае! У нас для него нет места! — воскликнула хозяйка, успешно отбивавшаяся от кроленя до тех пор, пока на выручку не пришел сын.

— Ну вы же предлагали моему слуге каморку, почему отказываете в том же кроленю?

— Потому что кролень не сделает для меня ваше нахождение здесь проще!

— А если он заплатит за свое проживание?

— Что значит «заплатит»?

— Видите ли, я нашел для него работу.

— Работу?

— Единственное, что он отлично делает, помимо синяков на лодыжках, это гоняет крыс. А их в Князьгороде огромное количество.

— И вы собираетесь гонять крыс за деньги?

— Мне самому этим заниматься недосуг, но было бы неплохо, если бы клиентов посещал опрятный скромный мальчик с хорошими манерами.

— Бенедикт, я категорически против! Разве может воспитанник дворянского лицея травить крыс! Неслыханно! — Женщина с ужасом посмотрела на любимое чадо, сжимавшее в руках рогатого монстра.

— Анфиса Ксаверьевна, при всем уважении... но под скромным мальчиком с хорошими манерами я имел в виду вовсе не вашего сына.

Впервые за долгое время домовладелица затруднилась с выбором реакции: выдохнуть от облегчения или вновь возмутиться. Пока она решала эту дилемму, сэр Бенедикт пояснил:

— Роль Матвея состоит лишь в том, чтобы помочь мне с поиском таковых.

Обеспокоенная мать наконец-то выдохнула.

— И это все?

Матвей кинул предупреждающий взгляд на своего подельника, не выдаст ли, но сэр Бенедикт не сломался на допросе:

— Все.

Неизвестно, чем бы кончился этот разговор, если бы не раздался звонок дверного колокольчика.

— Анфиса Ксаверьевна, Калина Ипатьевич пришли! — возвестил зычный Глашин голос, и домовладелица переменилась в лице.

— Ох, Бенедикт, умоляю, займите его чем-нибудь, — всплеснула руками хозяйка, — а про меня скажите, что на кухне.

— Уверен, что на этот раз прогулка в компании моей скромной персоны его не удовлетворит. Видите ли, из меня скверная мать, и я не воркую аки горлица. — Иностранец ехидно посмеялся над одному ему понятной шуткой. — Кстати, у его степенства чудные дети в количестве семи штук, вы знали?

— Бенедикт!

— Хорошо-хорошо, есть у меня один разговор, который может заинтересовать Калину Ипатьевича больше вашей персоны, но так что с кроленем?

— Ох! — Анфиса Ксаверьевна в сердцах топнула крошечной ножкой. — Пусть живет!

На том странная сделка и совершилась, поэтому стоило купцу второй гильдии появиться в гостиной, как из приоткрытой двери

кабинета высунулась длинная рука, сверкнувшая перстнями, и, схватив гостя за плечо, втянула его вовнутрь.

— А я вас ждал! — с преувеличенным восторгом воскликнул криптозоолог, ставя негоцианта перед собой и оглядывая его как давнего приятеля.

— Правда, что ли? — Даже прямодушный Калина Ипатьевич почувствовал подвох.

— Конечно! — Руки Брута лежали уже на обоих плечах визитера, не вырвешься. — У меня есть кое-что, что вы наверняка захотите приобрести...

Сэр Бенедикт наконец оторвался от своей жертвы, вытянул из кармана домашнего халата, украшенного кистями, бумажку с длинным списком каких-то имен и помахал ею перед носом удивленного купца.

— Что это? — Гость инстинктивно протянул руку, но иностранец бумажку не отдал, выдернул.

— Или лучше пообещайте мне процентов эдак десять с продаж... — Бенедикт Брут задумчиво потер подбородок.

— Да вы мне скажите, что это!

— Решение некоторых ваших проблем... список хозяев криптит, питающихся падалью. И если мы договоримся на процент, список будет пополняться, а хозяева вовремя узнавать о существовании вашего замышательного склада...

Конечно, после такого предложения Анфиса Ксаверьевна была позабыта на продолжительное время. Уже через десять минут стремительного торга купец сидел за письменным столом криптозоолога и старательно, под диктовку сэра Бенедикта выводил письмо одному из потенциальных покупателей.

Сама хозяйка заглянула лишь раз, поздоровалась, увидела, что гость ее нисколько не скучает, а то и вовсе позабыл о прошлых романтических глупостях, и послала Глашу разливать чай.

Едва горничная вышла, в кабинет ворвался Модест Дионисович, потрясая сложенной газетой.

— Беня, вы это уже видели?!

— Что именно? — лениво откликнулся сэр Бенедикт. — Безумно подскочившие цены на услуги куаферов? Или распродажу желтых ботинок? Кстати, и вам доброе утро.

«Чичероне» только махнул на него рукой, развернул газету и разложил на столе прямо поверх недоконченного письма Калины Ипатьевича.

Купец оказался более любопытен, чем Брут, и не поленился прочитать заголовок прямо под указующим перстом с отполированным до блеска ногтем.

— «Выступление укротителя чудовищ в купеческом клубе. Вчера вечером порог купеческого клуба переступил эксцентрично одетый мужчина, оказавшийся пока еще не известным широкой публике циркачом в своем концертном костюме...»

— Что?! — Сэр Бенедикт выдрал статью из-под рук купца и принялся читать сам. — «Укротитель устроил блестящее выступление прямо во дворе клуба. Вот что говорят очевидцы...» М-м-м... «Редакция надеется, что номер с индейкой не единственный гвоздь программы в цирковой труппе, которая рекламирует свои предстоящие гастролы с таким размахом... и с нетерпением ждет появления первых афиш в Князьгороде...»

— Я что-то не понял, господа... — жалобно протянул Калина Ипатьевич, который все не мог взять в толк, отчего в кабинете повисла такая тяжелая пауза.

— Ну что же тут непонятного? — Глаза криптозоолога нехорошо сузились за голубыми стеклами очков. — Хотите получить хорошую прессу — пишите статью сами.

— Не все так плохо! — поспешил изложить и положительные итоги прошедшего вечера Модест Дионисович. — Я нашел заинтересованного покупателя на вашего кроленя. Сидит сейчас в гостинной, дожидается. Представляете, этот тот самый купец, что их раздаривал направо и налево!

— Да неужели... — без всякой вопросительной интонации произнес сэр Бенедикт.

«Чичероне» хотел продолжить, но взгляд его упал на некий черновик, беспечно забытый на столе иностранца.

— Качественная де-ра-ти-за-ция... наши специалисты гарантированно избавят любое помещение от крыс и мышей? Беня, это ваше? Вот пройдоха! Вы решили сделать маленький бизнес, прежде чем продавать кроленя?

— Нет, я решил его вовсе не продавать. — Брут, не без некоторой борьбы, вырвал листок у Модеста Дионисовича.

— Что мне тогда с купцом делать?

— Ничего, оставьте его мне, я сам все улажу, — вдруг вызвался решить проблему криптозоолог. — Вот только кроленя подготовлю к этой знаменательной встрече.

Подхватив на руки животное, уже с предвкушением подкрадывавшееся рогами вперед к Калине Ипатьевичу, сэр Бенедикт открыл дверь собственной спальни.

— А мне надо бы подготовить Елисея Викентича, уж извините, но вашу манеру разговаривать не всякий выдержит. А тут все ж таки почетный гражданин, — с этими словами «чичероне», главным хлебом которого было налаживание человеческих контактов, просочился обратно в гостиную и уже не увидел, как его взбалмошный клиент взял с туалетного столика один из многочисленных флаконов с одеколоном и щедро обрызгал зайца.

— Нешто до сих пор благоухает? — сочувственно поинтересовался Калина Ипатьевич. — Так вы же не продаете.

— Не только не продаю, но и не отдаю, — загадочно ответил Брут и вышел вместе с кроленем в гостиную. Купец поспешил следом — зрелище того, как сэр Бенедикт «не отдает», обещало быть занимательным.

Загадочный Елисей Викентич оказался купцом наитипичнейшей великоросской породы: рыжая борода веником, брови что две мочалки. Рубахи на него явно кроились квадратом, потому как никакого сужения между плечами и животом в фигуре гостя не наблюдалось, даже, скорее, наоборот.

Лицо у почетного гражданина было хоть и слегка обрюзгшее, но очень живое, принявшее опасливое выражение при появлении Брута. Еще бы, ведь Модест Дионисович предусмотрительно оставил беднягу дожидаться под той самой когтистой лампой, что так впечатлила даже твердую духом Анфису Ксаверьевну.

— Добрый день! Чем обязан визиту? — равнодушно спросил криптозоолог, будто бы удивившись нежданному посетителю.

Гость крикнул и выразительно, пуча глаза, которые и без того были слегка навывкате, посмотрел на ношу сэра Бенедикта.

— Мне сказали, что вы нашли кроленя...

— Почему нашел? Это мой кролень, мне его подарили, — внаглую заявил Брут, грозно взирая на Калину Ипатьевича, вздумавшего раскрыть рот. Модест Дионисович тут же стратегически взял соперника за локоть, и, судя по гримасе, искажившей бородатое лицо, взял как следует.

— Но как же ваш?

— А чей же?

— Мой!

— И как вы определили, что он ваш? — все допытывался сэр Бенедикт.

— Ну что я, своего кроленя не узнаю, что ли?! — перешел на повышенные тона гость.

— По мне, так они все одинаковые, — вновь на голубом глазу соврал Брут. — Какие ваши доказательства?

Судя по всему, доказательств у визитера не было никаких. И впрямь, не паспорт же заводить на кролика, да еще с фотокарточкой?

— Вот вы его на пол спустите, тогда и посмотрим, к кому побежит! — внезапно нашелся посетитель.

— Извольте! — Сэр Бенедикт без тени сомнения поставил кроленя на пол и даже отошел на пару шагов назад, чтобы ни у кого не возникло сомнений в чистоте эксперимента.

Купец, очевидно полностью уверенный в своей победе, тут же достал из кармана табакерку с зелеными квадратиками мозаики на крышке, открыл ее со всяческими предосторожностями, чтобы никому не было видно содержимого, и, низко наклонившись, поманил к себе зайца:

— А ну-ка, косенький, иди ко мне, маленький! Соскучился? Соскучился по дядечке?

Косенький не только не соскучился, но, кажется, чихать хотел на всех дядечек в мире разом, что тут же с удовольствием и продемонстрировал, после чего шмыгнул розовым носом, повел ушами и повернулся к гостю меховым задом.

— Мне кажется, он вас не узнает. Может быть, и вы обознались? — не без сарказма в тоне предположил сэр Бенедикт, присел на корточки и вдруг взял да и показал кроленю козу. Вот этой-то козой заяц заинтересовался пресильно, пригнул рожки и со всех пушистых лап бросился на криптозоолога.

Тот не растерялся, развел руки в стороны, будто готовился обниматься с собакой, и в таком вот положении подхватил не успевшего ничего сообразить кроленя, да еще, не обращая внимания на воинственное шипение, начал наглаживать зверя так интенсивно, что заячьи уши оттягивались чуть ли не до самого хвоста.

— Вот видите, как любит сидеть на руках! — торжественно возвестил Брут.

— Ах ты, тварь... — вдруг зашипел покрасневший до вишневого оттенка гость, но, увидев, что криптозоолог встает во весь свой немалый рост, добавил: — Рогатая!

— Глафира! — громко позвал сэр Бенедикт. — Тут нашего питомца тварью называют!

Со стороны кухни моментально послышался такой внушительный топот, что мужчины инстинктивно согнули колени и настороженно прислушались, будто охотники на африканском сафари, пытающиеся по звуку определить: носорог, буйвол или что-то похуже.

— Кто посмел?! — даже чересчур патетично спросила Глаша, появившись в дверях гостиной со скалкой наперевес и в переднике, покрытом потеками чего-то красного (надо сказать, следы от неудачно булькнувшей подливки выглядели весьма устрашающе). — Не позволю нашего Кышуню обижать!

— Кышуню? — переспросил разом присмиривший гость.

И даже криптозоолог не удержался, поднял брови.

— Я пушистика Кышем назвала, — пояснила горничная, все еще воинственно глядя на незнакомца.

— А вашего кроленя как звали? — тут же нашелся сэр Бенедикт.

Елисей Викентич пробормотал нечто невразумительное и стал бочком протискиваться мимо Глаши по направлению к двери.

— Я так этого не оставлю! — уже смелее заявил он, почти добравшись до порога в прихожей, сам распахнул входную дверь и на крыльце столкнулся с лохматым оборванным пацаном, который прижимал перевязанной рукой к своему боку некую картонную папочку.

Столкновение было настолько неожиданным, а нервы Елисея Викентича столь взвинченными, что купец присел от испуга и схватился за сердце.

И пока наглый посетитель приходил в чувство, сэр Бенедикт подал серию странных невербальных сигналов: подмигнул мальчишке, постучал указательным пальцем себя по носу, а затем легко хлопнул ладонью по груди слева.

Мальчик тут же запричитал противным бабьим голосом, будто украденным у какой торговки на базаре: «Ой-ой, дядечка! Ой-ой, миленький! Только не преставься, за-ради бога! Я ж не хотел! Дыши, бедненький, дыши, родненький!» — и ну этого дядечку по бокам да по щекам хлопать.

Насилу Елисей Викентич отбился от такого помогальщика, почти кубарем скатился с крыльца и был таков.

— Ой! — тогда уже совсем другим голосом воскликнул мальчишка. — А позырьте, что этот пузырь обронил! Во растяпа!

В грязной ладошке посверкивала серебряная табакерка с зелеными квадратиками.

— Действительно растяпа, все время что-то теряет, то зайцев, то табакерки, — с удовлетворением подтвердил сэр Бенедикт. — Вот вам, Тимофей, рубль за честность. А находку позвольте сюда, ежели господин вернется, я, так и быть, передам.

Мальчишка с удовольствием обменял вещицу на монету.

— Он же ее сам и вытащил, да? — прошипел Калина Ипатьевич на ухо своему сопернику.

Модест Дионисович, все это время с живым любопытством следивший за разворачивающимся действием, досадливо шикнул на непонятливого, а когда купец вновь попытался что-то сказать, бесцеремонно накрыл его рот ладонью.

Сорванец тем временем отдал сэру Бенедикту не только табакерку, но еще и загадочную тонкую папочку, получив которую криптозоолог сильно обрадовался.

— Вовремя, очень вовремя! Анфиса Ксаверьевна, будьте любезны, загляните в мой кабинет, мне понадобится ваш совет! — крикнул он куда-то вверх и, поворотившись к гостям, елеиным голосом попросил: — А вы, господа, обождите пока в гостиной, через пару минут я предоставлю нашу милейшую хозяйку в полное ваше распоряжение, и уж тогда можете сражаться за ее сердце сколько вашей душе угодно.

— С каких это пор вы со мной в чем-то советуетесь? — настороженно спросила домовладелица, заглядывая в кабинет.

— Да вот хотелось бы услышать женское мнение, — неопределенно взмахнул рукой иностранец и театральным жестом раскрыл перед Анфисой Ксаверьевной только что доставленную ему папку. — Я решил поменять здесь обои, заказал художнику эксклюзивный рисунок. Нравится? Не добавить ли позолоты? Что с вами? Вам нехорошо? Воды?

Домовладелица действительно начала хватать ртом воздух.

— Что это такое? — дрогнувшим голосом спросила она, отнимая у своего квартиранта папку.

— Я же говорю, эскиз моих будущих обоев. Заказал у очень известного художника. Вы бы видели его портрет с единорогом!

— Бенедикт, вы в своем уме?! — повысила голос до звона стекла в серванте довольно быстро пришедшая в себя домовладелица.

— Ну а в чьем же?

— Сначала рогатый кролик, теперь это?! — Женщина решительно ткнула содержимое папки под самый нос криптозоолога. Внутри лежал лист густо-синей бумаги, на котором светлой краской был изображен элемент орнамента, сплошь состоявшего из костей и даже полных скелетиков вымерших древних животных.

— Давно о таких мечтал! Аккуратно, не помните! Я уже и мануфактуру нашел, чтобы разместить заказ. — Сэр Бенедикт потянулся к папке, но Анфиса Ксаверьевна быстро отдернула руку.

— Да как вам в голову пришло такое самоуправство! — В голосе вдовы пророкотали раскаты грома.

— Отдайте папку, — мягко уговаривал ее Брут, подкрадываясь.

— Ни за что! — Женщина обогнула сэра Бенедикта по большой дуге, тем самым отгородившись от него письменным столом. — Я тут хозяйка или нет?!

Криптозоолог рванул за ней и будто бы случайно опрокинул подставку, на которой размещался спортивный инвентарь. Загрохотало так, что должно было быть слышно на другом конце улицы.

— Но я же снял эти комнаты! — вскричал Брут.

— Значит, должны жить по моим правилам! — Анфисе Ксаверьевне надоело бегать, и, достав из папки злополучный костяной орнамент, она порвала его прямо на глазах у своего арендатора.

На удивление, иностранец тут же успокоился.

— Ну вот и отлично. Подождем еще пару минут для верности.

— Чего подождем? — спросила сбитая с толку вдова, все еще сжимавшая в руках клочки бумаги.

— Эффекта от столкновения с реальностью, — непонятно ответил доктор и подошел к двери, прислушиваясь. — К счастью, у вас тут не очень толстые стены.

В гостиной было тихо.

Сэр Бенедикт осторожно приоткрыл дверь...

На диване все еще не расправилась вмятина, оставленная грузным сидением Калины Ипатьевича, рядом с чайным столиком сиротливо валялась желтая перчатка Модеста Дионисовича, выроненная в спешке, но самих воздыхателей и след простыл.

С удовлетворением отметив, что скандал, устроенный Анфисой Ксаверьевной, имел нужный эффект, криптозоолог насмешливо пробормотал себе под нос:

— Ну вот, кажется, теперь это моя вдова.

Боттом первого теста

Воздух манил весной, призывно, неодолимо. Кролень чуть шевельнул розовым носом, отогнал щекочущий запах незнакомых цветов и в очередной раз боднул ближайшую стенку, с оттяжкой проведя рогами по ее шероховатой поверхности. У этого двуногого гиганта стены были каменные, приятные, не то что у предыдущего.

Ушастого гостя сие обстоятельство радовало, потому что рога чесались все сильнее. Во-первых, росли. Во-вторых, слазила с них потихоньку нежная бархатистая чуть мшистого оттенка кожица, скрывавшая под собой гладкую костяную поверхность.

Кролень еще раз повел носом и почувствовал — зовут.

Двуногий, что привез невиданного зайца в Великороссию, звал своего невольного подельника «косым», что было даже не кличкой, а так, прилагательным. Другие ему подобные пытались имена давать, но ни у одного кролень не задержался настолько, чтобы начать откликаться.

Да и что в имени? Звали-то не по имени.

Зов был таким древним, что и не услышать его ушами, тянул, забирался в ноздри терпким ягодным ароматом. Где-то там, за пределами каменного дома, о который так звучно и приятно чесаться, была Она.

Рассказывал запах косому о хвостике нежной пуховкой, о розовых ушках, прошитых белым волосом, и мягкой шкурке в рыжеватых подпалинах. И рожки-то у Нее наверняка маленькие, аккуратные — такие в самый раз не для боя насмерть, а чтоб шаловливо ткнуть ими в бок приглянувшегося кавалера.

Без особых колебаний и раздумий (да и нечем там особенно было раздумывать под рогами) кролень начал выбираться из прекрасного каменного дома. Не заботило его ни то, что он слышал этот чудесный запах не в первый раз с того самого момента, как пересек на корабле бескрайние водные глади, ни то, что каждый раз не находил по этому запаху Ее, а всегда попадал в лапы к рыжему двуногому, который купил диковинного зверя на ярмарке в Дублине и доставил в Великороссию.

Временные хозяева, что называли его «удивительным подарочком», постоянно менялись, тот, что дарил со словами «дорогому другу и партнеру», оставался неизменным. Это странное обстоятельство не запускало абсолютно никаких мыслительных процессов в голове кроленя, как, впрочем, и в головах тех более интеллектуально развитых существ, от которых ценный дар впоследствии давал деру.

Целеустремленный заяц без колебаний проскакал по каменным ступеням вниз, едва успевая перебирать лапами, чтобы не покатиться кубарем.

Кухню за прошедшую неделю он излазил вдоль и поперек. И как тут не излазить, когда тебе в нос то и дело тычут капустным листом? Нет, кролень, конечно, и от такого угощения не отказывался, баловался помаленьку. Вот только настоящую добычу приходилось искать самому, не зря же ему помимо рогов природой были дадены острые клычки. Получивший кроленя в подарок важный седеющий двуног оснащение это отметил, восхитился, воскликнул: «Какой грозный саблезуб!» — и по странной человеческой логике тут же потребовал моркови для зверушки.

Если бы память кроленя фиксировала все эти незначительные мелочи, то на данном воспоминании он непременно бы горько вздохнул. Но поскольку мудрая Природа не наделила его этой бесполезной способностью, несущественного зверь не помнил, оттого и зла на двуногих не держал. А вот острый нюх и охотничий инстинкт в каменном доме пригодились не хуже, чем в лесу.

В первую же ночь кролень поймал мышь. Во вторую двух, а на третью мышей почему-то не стало, зато в кладовке обнаружился лаз наружу, в сад. Лаз был сделан для кухонного кота, но полосатого лодыря рогатый заяц, к своему сожалению, не догнал. «Лучше бы Федька за мышами так бегал», — сказал бы повар, если бы застал эту фантаσμαгоричную погоню, происходившую в тиши спящего дома.

С лазом сначала тоже вышло не совсем ладно: то рога не пролезали, то толстоватая меховая попа застревала. В конце концов кроленю повезло и он умудрился протиснуться геометрически правильно навстречу деликатесам в виде полевок, кротов и жуков. Жуки, впрочем, как и капуста, тоже были баловством, зато не только

забавно хрустели на зубах, но и вдобавок шевелили лапками... У капусты лапок не было.

Вот и сейчас, пошипев для острастки на встретившегося кота (кот отвечал взаимностью), кролень выбрался наружу через лаз и, бодро отталкиваясь лапами от земли, поскакал к забору — там его уже ждали.

Стоило рогатому зайцу с превеликим трудом ввинтиться в щель между решеткой ограды, как его тут же вздернуло за уши в воздух. Кролень зашипел, но затем увидел уже знакомого ему двуногого с рыжей бородой веником и притих — этот хотя бы знал, что капуста и морковка не еда.

Хлопнула, закрываясь, металлическая коробочка, и манящий запах сладких ягод начал рассеиваться в воздухе. Кролень обеспокоенно повел носом, завертелся и услышал назидательное:

— Ну тише-тише ты, герой любовник. Послужи мне еще немного, и найдем тебе какую-нибудь крольчиху попушистей.

Рыжий, не особо церемонясь, запихнул кроленя под сиденье своей коляски, и ушастый покорно лег на пол, приготовившись к непродолжительной и такой уже привычной тряске.

На очередном повороте колеса замедлили свое вращение, скрипнули, качнулись, и до носа животного донесся новый запах, резкий и будоражащий. От неожиданности кролень вскочил на все четыре лапы, да так резво, что наподдал рогами по дну мягкого сиденья. Двуногий, восседавший сверху, вскрикнул и заругался, потирая седалище, но скорее от удивления, чем от боли.

Коляска остановилась.

А кроленю только того и надо: когда обрамленное рыжей бородой лицо заглянуло под сиденье с одной стороны, заяц оттолкнулся мощными лапами и выпрыгнул с другой прямо на мостовую.

— Куда! — возмутился двуногий и давай, дурак дураком, вместо того чтобы хватать зверя, по карманам себя щупать в поисках заветной коробочки.

Щелкнула и открылась серебряная крышка, вновь распространяя невероятный сладкий аромат. Но кроленю было уже не до него, только лапы сверкали в ночной темноте, потому как хоть и ведомо было рыжебородому, что мышей его питомец предпочитает капусте, но вот смысла жизни каждого самца человек явно еще не постиг.

А ведь в лесу любая даже самая мелкая тварь знает: сперва разберись с соперником — самку нагонишь потом.

Именно дух другого самца уловил зверь и, вздыбив шерсть на загривке, понесся воевать, так как до сего момента с полным правом считал себя самым пригожим и сильным кроленем на весь необъятный каменный лес.

Серьезно настроенный заяц пересек пустынную по ночному времени улицу, проломился сквозь две зеленые и одну деревянную ограду и, обнаружив произведенный кем-то до него подкоп, проник в небольшой каретный сарай.

— Кы-ш-ш-ш! Кы-ш-ш-ш! — взывал он к сопернику, грозно нарезая круги вокруг крытого возка.

Все призывы к бою были тщетны, трус не желал мериться силами.

Тогда кролень разбежался и, испустив еще более грозный клич, запрыгнул сначала на подножку, а затем и внутрь возка. Обшарив дно, зверь убедился, что соперник хотя и был здесь, но куда-то делся.

Пораскинув спрятанными под рогами мозгами, кролень забился под сиденье и лег, выжидая.

Разбудил его толчок, скрип двери, голоса и движение. Вжавшись еще глубже в угол коляски, кролень настороженно следил за тем, как возок вытаскивают из сарая и запрягают в него лошадь. Почти сразу сверху сел некто грузный в натертых до блеска сапогах.

За все это время из разумных существ присутствие в коляске кроленя заметила только лошадь... Повернула голову, попробовала воздух губами да презрительно фыркнула, не сочтя себе за угрозу.

Так и покатил заяц по улицам Князьгорода. Невольное путешествие оказалось весьма удачным, ибо меховой живот начал недвусмысленно урчать, а на голодный желудок много не навоюешь.

Коляска остановилась в глухом переулке перед зданием, из которого доносился весьма аппетитный писк. Уши кроленя тут же встали в охотничью стойку, и он едва дождался, пока двуногий седок спрыгнет на землю, а потом последовал его примеру, только шмыгнул не в большую дверь, а в крохотный зазор между амбарами, где происходило любопытное шевеление.

Буквально с разбегу кролень поймал двух толстых крыс (главным образом потому, что те бегали медленнее остальных) и, объевшись до

вздутого мехового животика, снова завалился спать, с трудом протиснувшись в какую-то дыру, ведущую внутрь здания.

Запахи, сгустившиеся в пространстве, ему нисколько не мешали, даже наоборот, успокаивали. Не пахло весной, не манил никуда сладковатый аромат.

Пару раз заглядывали какие-то двуногие, но убегали сразу же, стоило им завидеть тень разбуженного кроленя. Заяц шипел на них лениво, не в воинственном смысле, а так, для острастки, чтобы не мешали честному зверю переваривать добычу.

Проснувшись под вечер, кролень обнаружил, что ни одной крысы в амбаре больше нет, погнался было за любопытствующим котом, но лишь умаялся и окончательно постановил, что сии твари для пропитания непригодны. Пришлось-таки вылезти наружу и изрядно побегать в лунном свете за разбегающимся во все стороны пискливым ужином. Еды в этом райском месте было такое изобилие, что кролень не чувствовал лап от счастья и уже был готов обосноваться здесь навсегда.

Мечты о сытном житье пошли прахом уже на следующий день, когда в амбар зашел высокий и черный тонконог. Тонконогих заяц не любил, ибо были они шустры сверх меры, да и по худым конечностям рогами не сразу и попадешь.

Этот к тому же выкинул вот какую штуку, вошел и самым возмутительным образом вызвал кроленя на поединок:

— Кы-ш-ш-ш! Кы-ш-ш-ш!

Конечно, человеческие губы не могли произнести этот древний ритуальный призыв правильно, но никаких сомнений в намерениях быть не могло, и кролень, вздыбив похорошевший от обильного питания воротник, ринулся в бой.

Нет, такого позора ушастый не испытывал никогда... Хоть самому себе рога обламывай и голову в землю зарывай!

Кролень даже твякнул пару раз, словно несмышленный детеныш, выкатившийся из гнезда, так ему себя было жалко.

— Ну чего ты, не бойся, маленький, — засюсюкала сверху двуногая по имени Глаша (из-за приятной шипящести имя запоминалось легко) и вылила ему на голову еще одну порцию воды из ковша.

Кролень нырнул и долго отказывался дышать, пока человечиха не вытащила его из таза за уши и не завернула в пушистое полотенце.

— Ну что ты, дурашка, чай, ты у нас кролень, а не крокунь. — Сильные руки стали растирать мокрую шерсть.

А пусть бы даже и крокунь — сейчас бедному зайцу было все равно. Сначала не справился с тонконогом, а потом и настоящего рогатого соперника не смог одолеть: не выдержал неожиданного укуса в чувствительное место около самой шеи, завизжал, постыдно прося о пощаде. Противник отпустил, и они еще несколько минут шипели друг на друга, но оба знали, кто в каменном лесу хозяин, а кому не было больше места под солнцем.

Ведь мир как устроен?

Ты либо самец, либо самка, либо опасность, либо еда.

Самцы еще делились на слабых (их следовало бодать для напоминания при каждом удобном случае) и сильных, с теми велась борьба не на жизнь, а на смерть.

Быть слабым не хотелось настолько, что кролень снова запищал под полотенцем и, увлекшись жалостью к самому себе, даже не почувствовал, что его вновь куда-то понесли.

— Барин, он пищит чегой-то... — раздалось где-то над завернутыми в полотенце рогами. — Может, мыло в глаз попало? Чуть в тазу не утоп.

— Это у него, Глаша, от душевных терзаний, — прозвучал голос тонконога.

— Чего-чего?

— Когда я его забирал, он как раз встретил собрата и, судя по прижатому хвосту и повисшим ушам, не вышел из этой встречи победителем. Не знаю уж, как они успели это определить. Так что у нас уже второй пациент с депрессией. Надоели, право слово. Снова придется измышлять какое-то чудовищное развлечение. Оставляй страдальца, буду лечить.

— Вы уж того, полечите, постарайтесь, — кроленя опустили с высоты и вытряхнули из полотенца на пол, — а то жалко очень.

Когда заботливая Глаша вышла, тонконог присел перед зайцем на корточки и словно в насмешку над сломленным воякой громко и протяжно затянул:

— Кы-ш-ш-ш! Кы-ш-ш-ш! Кы-ш-ш-ш!

Кролень лишь подобрался и упрямо уткнулся носом в пол — именно такую смиренную позу надлежало принимать слабым самцам, чтобы их поменьше бодали.

— Ах так? Ну, тогда применим смертельное оружие. — Тонконог был уже на карачках, неудобно согнувши длинное тело. Он вдруг вытянул в сторону ушастого руку, сложенную в кулак, но с оттопыренными крайними пальцами. — А вот я тебя забодаю, забодаю, забодаю!

Человечья конечность оказалась перед самой мордой зверя, да еще пару раз обидно ткнула вытянутыми пальцами в бок.

Тут уж никакого смирения у кроленя не хватило. Он поднял голову и предупреждающе издал тихое:

— Кы-ш?

— Кыш-кыш, — обрадованно подтвердил тонконог и ткнул зайца сильнее.

Битва за новое жилище продолжалась около получаса, пока кролень и его, надо признать, вполне достойный соперник не выдохлись. В итоге тонконог пропустил пару внушительных ударов по лодыжкам, повалился на спину и взмолился о пощаде. Все это действие оставило у зверя удивительное ощущение одержанной победы и радость завоевания новых территорий.

— Да ты отличный снаряд для моих тренировок, — прошуршал человек, очевидно взывая о снисхождении к своей слабости, — знай себе уворачивайся.

Кролень презрительно фыркнул и повернулся к нему хвостом, что означало позволение жить рядом, но не отбрасывая тень на величественные рога главного самца в стаде.

Заячья память была не длиннее его хвоста, но все ж не такая короткая, чтобы собственное поражение изгладилось из нее слишком быстро, тем и объяснялось удивительное снисхождение к проигравшему.

— Я же просил избавиться от этих двоих... А вы на коляске по городу с ними раскатываете, да еще подарки принимаете! — На пороге неожиданно появился незнакомый двуногий, мелкий, со сложенными впереди конечностями.

— Если бы от ухажеров вашей матушки можно было избавиться при помощи одного только недовольного лица, вы бы преуспели и без

меня, юноша. Хотите быстрых результатов — извольте помогать. — Заяц почувствовал, что его снова поднимают над полом, и, не успев даже взбрыкнуть, оказался в руках мальчишки. — Во-первых, присмотрите за кроленем, пока я езжу по делам, и раздобудьте ему свежего мяса, чтоб не сбежал на охоту. А во-вторых, сейчас я напишу письмо, отнесете на угол Каретной. Перед церковью на паперти спросите Тимошу Шустрого. Только скажите, что от меня, а то еще останетесь без карманных денег и вашей замечательной курточки с начищенными пуговицами. Тимофею передайте, что нужно найти художника в разноцветном шарфе, отдать письмо и забрать завтра ответ.

Хорошо быть полновластным хозяином каменного дома и господином над проживающими в нем двуногими. После блистательно одержанной победы над черным человеком кроленю теперь даже охотиться не приходилось. Мясо и вечером, и утром ему принесли уже не только убитым, но и освежеванным (кому-то из человек пришлось изрядно побегать за добычей — куски были жирненькими и крупными). Спать уложили как истинного вожака, под теплой стенкой, с блюдечком молока перед носом, а добрая Глаша еще с полчаса гладила шерсть (жаль, что двуногая и большая, а так отличной была бы кроленихой).

К утру заяц уже окончательно утвердился в мысли, что новое каменное жилище гораздо лучше амбара и случившееся с ним приключение следует рассматривать как подарок судьбы. Поэтому появление знакомого рыжего двуногого несколько его не обеспокоило, тем более что в тот момент был предмет, требующий большего внимания.

Тонконог устроил каверзу: взял да и прыснул в морду своему новому предводителю чем-то едким и пахучим. От неслыханной наглости и явного неповиновения кролень сначала пришел в изумление, но потом стало не до того, в носу засвербело так сильно, что зверь все никак не мог прочихаться.

А уж когда черный вновь стал тыкать в сторону зайца конечностью с растопыренными пальцами, стало ясно, что в доме назревал бунт. Не мог человек смириться с поражением, требовал повторного поединка.

Хоть с обонянием, хоть без, рогатый был готов защитить свой новый статус, миску молока и Глашу, ее приносившую. Он разбежался и, верно, сделал это настолько грозно, что противник устранился сию же секунду и в знак крайнего уважения продемонстрировал, что готов хоть на руках носить нового хозяина.

То-то же!

Дальше было неинтересно. Люди еще немного покричали, пошумели, а затем, к счастью, все лишние покинули дом. Стало тихо.

Чувствующий свою вину тонконог подкрался к рогатому, наклонился и, видимо стараясь умиловить победителя, вдруг достал из кармана знакомую серебряную табакерку. Раскрыл...

Снова пахло ягодной сладостью и весной, родными лесами и напитавшимся влагой мхом. Уши зверя против воли встали торчком.

— Вот и все, больше никаких беглых кроленей. Теперь будешь законопослушный гражданин. — Тонкие человеческие пальцы чиркнули спичкой и подожгли кусочек персикового меха, находившийся внутри.

Запахло паленой шерстью, да так едко, что, когда запах развеялся, в каменном доме еще долго стоял дух кроленьего гнезда.

Тест второй. Сокровище фуцанлуна

Иннинг второго теста

Пышноусый мужчина сосредоточенно ковырялся в сложном механизме на столе и даже не вздрогнул, когда раздался дребезжащий звонок телефона, хотя в тихой комнате звук казался резким и неприятным, лишь вздохнул — потянулся к трубке.

— Слушаю.

— Альберт Марсельевич, доброго здоровьичка. Как Мальвина Фирсовна поживают? Как детки? — ележно отозвалась трубка.

— Пантелеич, ты мне эти реверансы прекращай, — строго оборвал мужчину. — Если есть чего докладывать, говори по форме, без расшаркиваний.

— Слушаю-с, ваш превосходительств! Есть без реверансов! — полунасмешливо ответили на том конце провода, безбожно глотая слоги. — Тут такое дело: вчера под Миргородом связного взяли. У него на тебя, кстати, изрядная папочка была. Говорил я тебе: внимательней со своим окружением. Но молчит, ирод, агентов не выдает — уж мои молодцы и так и этак старались. Тебя требует...

— Зачем?

— Дак откуда ж мне знать? Ты бы приехал, Марсельич, авось расколется. Не в службу, а в дружбу.

— Приеду. Только домашним как сказать?

— Командировочка-с. Оно и для дела надежней будет.

Тест второй. Сокровище фуцанлуна

I

На углу Аптекарской и Красной улиц стоял занятного вида молодой человек. Несмотря на одежду рабочего, он держал в руках

свежий «Заречный листок» и с такой внимательностью изучал последнюю страницу, что случайным прохожим оставалось только делать абсурдный вывод: трудяга читает. То был Лутфи Кусаев — юноша действительно грамотный, но при этом, к сожалению, патологически безработный. Самое обидное, что не слыл Кусаев ни лодырем, ни дураком, не тащил всего, что плохо лежит, не болтал о чем не следует — оттого даже умение читать не портило общей положительной картины. Но между тем любой лентяй и мошенник вокруг был при месте, один Кусаев оставался не у дел. И все из-за маленького Лутова секрета. Не секрета даже, а физиологической особенности, прознав про которую нетерпимые хозяева тут же вышвыривали его за дверь. Хотя об этом чуть позднее, сейчас заглянем парнишке через плечо (пусть воспитанные люди так и не делают, но с героями книг можно не церемониться) и прочтем короткое рекламное объявление.

«Требуется камердинер. Обращаться по адресу: Пекарский пер. д.21, боковой флигель. Спросить доктора Бенедикта Брута», — в который уже раз перечитывал Лутфи, старательно шевеля губами. Доктор — это прекрасно. Врачи спокойны, аккуратны, обстоятельны и образованы, а хозяева-врачи к тому же еще и бесплатны. Да и иностранец жалование поставит больше, а многим национальным русским слабостям не подвержен. Одно только смущало в этом кратком объявлении — загадочное слово «камердинер», и поэтому, в нерешительности потоптавшись на месте минут пять, Кусаев отправился к самому мудрому из своих знакомых.

Дядюшка Абади держал мелочную лавку, в которой среди прочего товара затесалась полочка с книгами, а оттого слыл человеком просвещенным и собирал у себя не только покупателей, жаждущих шпилек и мыла, но и таких «искателей истины», как собственный племянник.

— Ну что ты меня без повода отвлекаешь? И таракану понятно, что камердинер — это слуга по-ихнему, по-иностранному! — В раздражении дядюшка замахнулся на Кусаева ножницами, приготовленными для резки шпагата. — Брысь! Не мешай!

Лутфи уже повернулся к двери, когда в сложной душе лавочника вдруг трепыхнулись родственные чувства. Сын троюродной сестры

как-никак. В лавку к себе его такого, конечно, не возьмешь, но дать совет — не то что с рублем распрощаться.

— Постой-постой, — более дружелюбно замахал ножницами Абади Кутуевич — теперь уже не казалось, что он хочет оттяпать племяннику голову, разве что лишь кончик немного загнутого книзу носа. — Прочитай мне, как в газетенке написано.

Лутфи прочитал, все еще пытаюсь держаться на благоразумном расстоянии от дядьки.

— Пекарский переулочек, — задумчиво протянул лавочник, — хорошее место. Дворянских домов там, конечно, мало, но важных чиновников живет в избытке. На таком месте не захиреешь. Ты вот что, бедовый, меня послушай и сделай, как велю. Когда на Пекарский попадешь, сразу в дом не ходи, а найди дворника и подробненько его порасспроси, что за доктор, кого пользует, какие привычки имеет. Да не жадничай, дай ему копеек десять. В дом войдешь — осмотришь, обстановочку оцени и к хозяину подход придумай. Будут спрашивать про рекомендации — говори, что предыдущий хозяин помер, родственников не было, а все состояние на богадельню отписал. Спросят об умениях — рассказывай все, что есть, да приврать не забудь. Нечего тут смущаться — не барышня. Я твой характер знаю. Спросят о недостатках — тут уж молчи. Или вот, лучше скажи, что иногда так зарабатываешься, что поесть забываешь. Аллах даст, в этот раз повезет. Доктор все же — должен понимать, какая у человека ситуация.

II

После такого напутствия Лутфи появился в Пекарском переулочке во всеоружии. Одежда его была выстирана и залатана, волосы причесаны, а в кармане лежали десять копеек на поклон дворнику. Но вот странное дело: стоило молодому человеку упомянуть при этом самом дворнике об обитателе флигеля в двадцать первом доме, как немолодой бородатый мужик вдруг побледнел и часто закрестился. Монетку даже доставать из кармана не пришлось: дворник мертвой

хваткой вцепился в Лутово плечо и дохнул ему в ухо луком и перегаром:

— Ведьмачье логово там! Не ходи — пропадешь!

Лутфи освободился с большим трудом и поспешил прочь от мужика. В первом же пункте плана, разработанного премудрым дядюшкой Абади, вышел прокол. С перепою не только ведьмаки, но и черти видеться станут.

Перед калиткой к дому номер двадцать один Лут внезапно столкнулся с разодетой по последней моде дамой, держащей на поводке мини-мантикору. На хвосте чудища был повязан атласный бант (прямо под черной ядовитой кисточкой), а заговоренный ошейник загадочно посверкивал не то искусно ограненным хрусталем, не то и вовсе драгоценными камнями. Расстегнется невзначай эта блестящая штучка — и пациентов у иностранного доктора станет хоть отбавляй. Дама презрительно вскинула подбородок, когда Лутфи отшатнулся, уступая ей дорогу. Мантикора, словно подражая своей хозяйке, тоже скривила волосатую, но все же неуловимо похожую на человеческое лицо морду.

Десять лет уже бытует странная и опасная мода брать к себе в домашние питомцы редких зверей, но привыкнуть к этому все равно невозможно. Есть закон, предписывающий сдавать всю обнаруженную на территории Великороссии уникальную живность в зоосад. А об иностранных монстрах господам чиновникам думать недосуг. Вот и ходят баре кто с мантикорой на поводке, кто с чупакаброй под мышкой — кончились золотые времена для комнатных собачек.

Лутфи благоразумно подождал, пока женщина и мантикора пройдут мимо, и только потом протиснулся в калитку. Сам дом был добротным, двухэтажным и, судя по табличке, принадлежал потомственному дворянину Феликсу Любчику, а судя по голым окнам, был тому самому дворянину без надобности. Флигелек же, наоборот, имел вид обжитой и достаточно опрятный. Рядом с дверью поблескивала табличка «Сэр Бенедикт Брут. Криптозоолог». Ниже еще одна, теперь уже с иностранными буквами «Sir Benedict Brute. Cryptozoologist». Последнего слова Лутфи не понял ни в русском написании, ни уж тем более в иностранном. Подумалось только, что это, наверное, специализация у доктора такая. Вот бывают же акушеры, окулисты, хирурги, коновалы... или коновалы — это не то?

Знал бы молодой человек, сколь неизмеримо ближе его возможный наниматель к коновалам, нежели к окулистам, тогда, возможно, крепко бы задумался, прежде чем дергать за витой шнур дверного колокольчика.

Казалось, колокольчик еще не успел и шелохнуться, как дверь распахнулась, едва не снеся беднягу Лута с крыльца, и на пороге появилась высокая щекастая девка, поперек себя шире. Через одно ее плечо было грозно перекинута вышитое полотенце, а через другое — русая коса в кулак толщиной. Незнакомка сначала недоуменно посмотрела вверх головы невысокого юноши и только через секунду соблаговолила опустить орлиный взор вниз.

— Тебе чего? — Голос у красавицы был под стать внешности: грудной, басовитый.

Не успел Лутфи ответить, как из недр дома полетел совсем другой, нежный тембр:

— Глафира, будь вежливой с посетителями!

Глафира окинула молодого человека презрительным взглядом, дескать, не по рылу каравай, и вполоборота, с явным возмущением, ответила:

— Анфиса Ксаверьевна, матушка, так он же из простых!

— Но и ты тоже не графиня! — назидательно отозвалась невидимая фея.

— С чем пожаловал...ли? — выдавила из себя девка, косясь круглым глазом себе за спину.

— Вот. — Лутфи протянул ей страницу газеты с объявлением. — Тут сказано спросить доктора Бенедикта Брута.

Имя иностранца на язык ложилось неуклюже.

Глафира бесцеремонно выдернула объявление у него из рук и с криком «Анфиса Ксаверьевна!» скрылась в доме, оставив «неперспективного» посетителя топтаться на пороге. Молодой человек постоял некоторое время, повертел головой, помял в руках снятый с головы картуз, а затем, то ли под гнетом любопытства, то ли под воздействием второго дядькиного совета, слегка пригнувшись, просунул голову в полураспахнутую дверь... и тут же с тихим вскриком отпрыгнул назад.

В щели между косяком и створкой, где-то на уровне его башмаков, показались сначала ветвистые оленьи рога, а затем вислоухая заячья

морда. Лутфи протер глаза, но рогатый заяц и не думал исчезать, наоборот, с некоторым трудом переставляя коричневые лапы, перевалился через порог и застриг ушами, глядя на визитера красными бусинами глаз.

— Кыш! — Молодой человек попятился и замахал на чудовище руками. — Кыш! Фу!

Известно, что зайцы существа пугливые... но вот что будет, если такой трусишка обзаведется парочкой острых рогов? Лутфи с удивлением обнаружил, что ему предстоит это узнать: ушастый не только не думал пугаться, но к тому же довольно резво поскакал в его сторону.

— Кыш! Брысь! — Кусаев отступил еще на шаг и наткнулся спиной на перила крыльца. Коричневый комок меха на радостях от того, что загнал такую крупную добычу в угол, со всей силы ткнулся рогами ему в голень. — Ай-й-й-й! Монстра проклятая! А ну я тебя!..

Несмотря на весь свой смиренный и скромный вид, постоять за себя Лутфи умел и наверняка постоял бы, если бы не вернулась Глаша.

— Не трожь! — Девка ловко подхватила чудовище на руки, спасая его от занесенной для пинка ноги. — Ишь, злыдень, бедного звереныша топтать вздумал...

— Так он...

— А зачем звал? Ты позвал — он и пришел! — Все еще кипя от возмущения, Глафира почесала зайца между рожек, а затем подняла его на вытянутых руках перед глазами. — Верно, Кышуня? Все они такие, дуболомы неотесанные!

Упрек казался по меньшей мере несправедливым. Лутфи был мало похож на дуболома, потому спорить не стал — не солидно с девкой лаяться, да еще в доме возможного хозяина.

— Я его не звал, — как можно вежливей ответил молодой человек, а затем примирительно спросил: — А это кто такой?

— Ага, как же, слышала я. Это Кыш! — Глафира сунула животное прямо в лицо посетителю. Заяц задвигал розовым в крапинку носом.

Лутфи хотел было погладить пушистого, но горничная предусмотрительно убрала от него питомца.

— Я в том смысле... что он такое?

— Будто кроленей никогда не видел! — заносчиво фыркнула грубая девка, хотя, по совести говоря, кролени по Великорусской

империи табунами не ходили, и встретить их можно было разве что в нескольких богатых домах. — Хозяин от одного из клиентов принесли. Ты это, в переднюю проходи, оне сейчас выйдут.

Вслед за Глафирой Лутфи перешагнул через порог и, очутившись в сумрачном коридоре, почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Боковым зрением уловив корявый силуэт, он повернул голову и едва удержался от крика. На стене было прибито чучело горгульи! Неизвестный таксидермист поработал на славу: отлично сохранившаяся чешуя и клыки создавали полное ощущение живого существа, а мастерски подобранные стеклянные глаза были вставлены так, что их кровожадный взгляд все время следил за входной дверью.

— А, это Афродита, — беспечно махнула руками на безобразное чучело Глаша, — сдохла месяц назад. Уж настолько сообразительной была, что хозяин из нее вот чучело заказали. Ты тут один обожди, а мне надо Кыша накормить.

Лутфи облизнул внезапно пересохшие губы и, не сводя глаз с горгульи, машинально кивнул. А когда сообразил, что оказался один на один с недружелюбной прихожей, было уже поздно. На противоположной от «Афродиты» стене висело зеркало, и, даже вздумай Кусаев не смотреть на страшилище, оно все равно находило его взглядом. Оставалось только надеяться, что после безвременной кончины сообразительной горгульи убитый горем доктор не стал заводить себе ничего страшнее и воинственнее рогатого кролика. Чтобы отвлечься хоть на секунду, молодой человек стал оглядывать другие предметы обстановки: вешалку на когтистых лапах, которая, казалось, вот-вот куда-то убежит со всей одеждой, подставку для зонтов, вырезанную из чьей-то гигантской кости, висящие на стене биты — похоже, что для игры в лапту.

«Странный какой-то доктор», — в первый раз заподозрил неладное Лутфи. Но дальше этой мысли не пошел, а зря... История и литература знают немало примеров, когда жизнь благонаправленного и работающего юноши сходила с накатанной колеи только из-за слепого выбора хозяина и места службы. Эти доверчивые молодые люди полками пропадали в безымянных землях, гибли от рук лихих людей, и лишь единицы доживали до зрелых лет, чтобы иметь возможность рассказать о своих приключениях. К сожалению, Лутфи (пусть три класса образования и давали ему некоторый повод для гордости) не

знал истории и почти не был знаком с литературой. Оправдаем молодого человека тем, что в его обстоятельствах нельзя было быть слишком разборчивым при выборе нанимателя. Поэтому если Кусаев и насторожился, увидев при входе в дом рогатого зайца, а в прихожей чучело горгульи и кровожадную мебель, то не настолько, чтобы тут же закрыть дверь с уличной стороны.

А в это время в глубине дома разыгрывалась нешуточная человеческая драма.

— Анфиса Ксаверьевна, это вы изволили написать? — свирепствовал некто за стеной. — В дешевой газетенке? Да еще «доктор»? Я не потерплю подобного *селф-вила* в собственном доме! Какой я вам доктор? Неужели сложно запомнить коротенькое слово «сэр»? Сэр Бенедикт Брут! Повторите за мной...

К слову, человек, называвший себя сэром Бенедиктом Брутом, действительно никакой был не доктор и дипломов, чтоб развешивать на стенах в блестящих рамочках, не имел. Зато являлся обладателем нелестной справки от одного очень знаменитого учебного заведения, но, естественно, об этом предпочитал не упоминать, чтобы не сеять подозрения среди своих клиентов. Редкий специалист, который так интриговал всех своей вывеской на входной двери, сидел, развалившись в кресле, и с видимым отвращением попивал свой утренний кофе.

— Ну же, Бенедикт, не упрямитесь, выйдите и посмотрите на него. Уверена, он прекрасный малый, — терпеливо внушала ему домовладелица и экономка, Анфиса Ксаверьевна Любчик.

— Но мне не нужен прекрасный малый, мне нужен хороший камердинер! — сопротивлялся худой человек с залезанными на пробор волосами. — В свободное от работы время он может красть мелочь у нищих мизераблей и задирать полисменов — я не возражаю, лишь бы брил аккуратно и вовремя подавал завтрак. К тому же я прекрасно справляюсь и без слуги. Глафиры мне вполне достаточно.

— Неужели?

Бенедикт Брут развел руки в стороны, приглашая собеседницу полюбоваться аккуратностью своего костюма и прически.

Анфиса Ксаверьевна молча подошла к высокому шкафу около стены и решительно распахнула дверцы. Из недр полок и отделений ей под ноги тут же сползла целая лавина вещей, настолько перемешанных

между собой, что было непонятно, где кончаются рубашки и начинаются наволочки.

Доктор с радостным восклицанием подхватил с пола выкатившуюся в его сторону стеклянную баночку:

— А я все утро искал бальзам от вшей!

Хозяйка сердито топнула крошечной ножкой.

— Или вы нанимаете себе слугу, или я вас выселю! Вместе с вашими вшами!

— Анфиса Ксаверьевна, *фор гад сэйк*, как вы можете такое говорить? Вши вовсе не мои!

— Как будто мне от этого легче.

— Но где же я тогда найду себе дом?

— В переулке Глупых Упрямцев, не иначе.

— Хорошо, — сдался Брут. — Ведите его. *Ай вил тэйк э лук*, но только ради вас.

— Так-то лучше. — Женщина благодушно улыбнулась. — Ради меня вы его посмотрите, а ради крыши над головой будете держать свой рот на замке.

В прихожей Лутфи мог слышать только спокойный женский голос, разобрать даже отдельные слова не получалось. Но из самого тона говоривших легко было сделать вывод, что либо Анфиса Ксаверьевна — дама хладнокровная, либо вспышки раздражения случались с ее собеседником регулярно. К сожалению, безумно нервничавший паренек не был расположен к тому, чтобы заниматься подобными умозаключениями. Когда же голоса неожиданно замолкли, Кусаев едва успел вытянуть руки по швам, как в проеме появилась миловидная женщина средних лет с кукольным личиком и плавными очертаниями фигуры — такая тронутая временем барышня с картинки на коробке зефира.

— Доброе утро, — приветливо сказала она Лутфи.

Молодой человек поспешно поклонился.

— Здравствуй, барыня.

— Да какая ж я барыня, — отмахнулась женщина до невозможности белой ручкой. — Так, хозяйствую потихоньку. Ты, стало быть, наниматься пришел?

Кусаев закивал.

— А что умеешь? Хозяин у нас... требовательный.

— И постирать могу, и одежду погладить, починить, — начал перечислять Лутфи, попутно загибая пальцы. — Если надо, и куховарю чего-нить, кофе-чай опять же поставить...

— На это у нас Глафира есть. Ты вот лучше скажи, за лошадьми ухаживать можешь? Править коляской? А починить, смастерить?

— Могу, конечно... — неопределенно ответил Кусаев, и в этой его фразе слышалось большое жирное «НО».

— И цирюльничьему делу обучен?

— Не без этого, но... — Тут парень быстро вспомнил совет дядьки и исправился: — Конечно!

Анфиса Ксаверьевна еще раз окинула кандидата благожелательным взглядом. И Лутфи внутренне сжался, ожидая того момента, когда его спросят о рекомендательных письмах и тех домах, в которых ему довелось работать. Никаких писем у него не было, а уж если потенциальный работодатель вздумает наведаться к его предыдущему хозяину — возникнет неловкая, прямо-таки даже опасная ситуация. Но в этот момент в проеме двери показалась худая лощеная физиономия какого-то франта с набриолиненными до зеркального блеска черными волосами и окинула его презрительным взглядом.

— Брить умеете? — без приветствия и почему-то на «вы» обратился к нему незнакомец.

Лутфи поспешно кивнул.

— Тогда демонстрируйте и, если я останусь доволен, можете считать себя принятым на работу.

Тут Кусаев с удивлением сообразил, что этот хлыщ и есть тот самый уважаемый доктор, к которому он пришел наниматься. От такой неожиданности молодой человек даже сделал шаг назад. Но домохозяйка всплеснула руками:

— Ну вот, Бенедикт, сразу бы так! — Двумя детскими пальчиками она схватила Лута за рукав и потянула в комнату. — Пойдем, голубчик. Ты уж будь добр, не оплошай. Щетина у доктора пух и смех, а слуга нам страсть как нужен!

Подчиняясь этим обманчиво мягким пальчикам, Лутфи проследовал в небольшую комнату, которая служила то ли приемной, то ли кабинетом, но по крайней мере не была похожа на чулан Бабы-яги, как прихожая. Высокие окна; простая мебель; на стенах вместо

картин дагерротипы и последнее достижение прогресса — фотографии; массивный шкаф, заполненный книгами, — все очень благопристойно и миролюбиво, пока не начинаешь присматриваться к фотографиям и читать названия на корешках книг. На одной фотокарточке, к примеру, была изображена группа людей, с энтузиазмом окруживших уже окольцованного плезиозавра. А если присмотреться, то третий справа очкарик имел поразительное сходство с доктором Брутом. После такой картинки книги с названиями «Внушение и гипнотизм в психологии народов» и «История магии и суеверий», стоявшие на самом видном месте, можно было сравнить с томиком арабских сказок.

Естественно, присматриваться, а тем более вчитываться, у Лута не было времени: он сосредоточенно лавировал между избыточной обстановкой комнаты. Внимательный наблюдатель непременно решил бы, что Кусаев человек боязливый и до крайности осторожный, с такой неизменной предупредительностью обходил он все острые углы и хрупкие предметы. Анфиса Ксаверьевна, отметившая эту особенность в молодом человеке, одобрительно покивала головой: аккуратность для прислуги — ценнейшее качество. Парнишка ей нравился, и не было еще такого, чтобы столь мудрая женщина, как Анфиса Ксаверьевна, приняв решение, не добила своего.

Через пять минут Бенедикт Брут расположился в кресле: бархатный домашний пиджак с вышитым золотой нитью гербом снят, на шее повязана белоснежная салфетка, а во взгляде словно спрятано по острой бритве. Наниматель нетерпеливо постукивал пальцами с холеными ногтями по подлокотникам кресла.

— Ну что же вы? Приступайте. Или хотите дождаться, пока я засну? Так вам будет удобнее меня прире...

Анфиса Ксаверьевна, пристроившаяся напротив, кашлянула в маленький кулачок, и доктор, сделав над собой очевидное усилие, закрыл рот на середине фразы.

Более опытный человек по этим маленьким черточкам в быту дома уже давно сделал бы для себя соответствующие выводы. Но где носит всех этих опытных людей, когда такие желторотики, как Кусаев, связываются с такими личностями, как Брут? Обычно сии доброжелатели появляются много позже, чтобы с видом неоспоримого

превосходства сказать: «Как же ты, простофиля, не заметил ничего подозрительного?»

Слегка подрагивающей рукой Лут нанес пену на лицо сэра Бенедикта и взялся за бритву. Что делать? Сознаться и отказаться? Или авось пронесет? Молодой человек прислушался к своему организму — вроде бы никаких тревожных признаков не ощущалось. Но ведь иногда так бывает. А потом раз — и готов голубчик, выноси!

Сэр Бенедикт нетерпеливо заерзал в кресле, и Лутфи решился. В несколько ловких движений он снял (прямо-таки скажем, несущественную) щетину с лица доктора, убрал остатки пены и побрызгал ставшего розовеньким, как поросенок, клиента одеколоном. На все действия ушло не больше нескольких минут, работа была выполнена так, что не постыдились бы и лучшие из цирюльников, однако на лбу парнишки выступила холодная испарина.

Криптозоолог взял со столика зеркало и внимательно изучил свою посвежевшую физиономию, погладил рукой левую щеку. Придаться было абсолютно не к чему.

— *Вэри гуд.*

Анфиса Ксаверьевна посмотрела на Лутфи почти что с материнской любовью, тайком перекрестила и еле слышно пробормотала себе под нос:

— Спаситель ты мой...

Сэр Бенедикт энергично поднялся с кресла.

— Значит, так, жалованье я вам поставлю в двадцать пять рублей. Жить будете здесь, столоваться тоже.

У Лута от такого счастья на мгновение даже отнялся язык. Подумать только: целых двадцать пять рублей! Он и о двадцати-то еще недавно мечтать не смел!

— Спасибо, барин... — начал бормотать счастливец, но тут же был прерван несколько картинным жестом руки.

— Но у меня есть одно условие. — Сэр Бенедикт странно переглянулся со своей домоуправительницей. Лутфи же приготовился услышать нечто страшное и практически невыполнимое (а что вы хотели за двадцать пять-то рублей?!). — Мы с вами должны пойти к нотариусу и заключить договор найма минимум на год.

Уж такого подарка судьбы молодой человек даже и пожелать не мог! Прошлые хозяева терпели его присутствие в лучшем случае

месяц, да и то только потому, что оплата была выдана заранее. Теперь же целый год на одном месте! И выгнать его никто не посмеет, потому что нарушить условия договора, заверенного у нотариуса, себе дороже. Это общеизвестно. А по двадцать пять рубликов в месяц за год — сколько же это будет? Уйма деньжищ! Лутфи наморщил лоб. Помимо умения читать, он неплохо справлялся со счетом (не так хорошо, конечно, как с бритвой), но для подобных вычислений требовались карандаш и клочок бумаги.

— Вы согласны? — не выдержал затянувшегося молчания сэра Бенедикт и с тревогой посмотрел на Анфису Ксаверьевну.

— Соглашайся, голубчик, соглашайся, — заворковала та. — Где ты еще найдешь такое жалованье? Да и Глафира готовит так, что пальчики оближешь.

— Договор так договор, — с видимым безразличием пожал плечами Лутфи, чтобы не вызвать ни у кого подозрений. Теперь бы главное — до нотариуса добраться побыстрее, да без приключений. А там хоть трава не расти — год безбедной жизни ему обеспечен!

Доктор Брут, по счастью, тоже торопился. Он ударил в ладони и радостно воскликнул:

— *Вот э вандерфул дэй!* Анфиса Ксаверьевна, велите Глафире принести мой сюртук. Мы отправляемся сейчас же!

— А то потом у доктора много пациентов, — снова многозначительно кашлянув, уточнила хозяйка.

Лутфи, увлеченный подсчетами и мечтами о собственном будущем, этой заминки не заметил.

III

Макар Мартынович Скоромыслов, нотариус весьма и весьма степенного вида, с удивлением переводил взгляд с одного посетителя на другого. Виданное ли дело: просить о нотариальном заверении договора найма слуги! Не часто встретишь такую парочку, как эти двое, что сейчас сидели перед ним. Первый господин, по-видимому, человек высшего света. Одет, правда, как опереточный злодей, которого Скоромыслов недавно видел на афишах перед

художественным театром: черный костюм, черные волосы (уж очень не хватало усиков), цилиндр, пальцы в перстнях, длинный зонт с ручкой в виде гончей и, смех сказать, круглые очки с зелеными стеклами на носу. Ну что ж, отсутствие всякого вкуса встречается и в дворянском обществе. Рядом с франтом стоял, не смея сесть, простой рабочий парнишка, загорелый до черноты, с русыми вихрами, немного крючковатым носом и раскосыми семечками глаз, выдававшими в нем примесь не то татарской, не то бурятской крови. Макар Мартынович хорошо знал эту породу: вот вроде и лицо открытое, и вид простодушнее некуда, а палец такому в рот не клади — вон как зенки поблескивают.

— Господа, вы уверены, что заверение договора у меня — это необходимая мера и вы четко представляете себе все последствия данного действия? — в который раз уточнил нотариус.

— Вполне, — сухо обронил господин в очках.

Паренек часто закивал.

Скоромыслову стало кристально ясно, что ни тот ни другой понятия не имеют о возможных последствиях своей затеи. Но ведь если ж объяснять, это сколько времени уйдет? Макар Мартынович со вздохом посмотрел на часы: обед скоро. А в ближайшем трактире сегодня с утра манты лепили. Ну и черт с ними! Не с мантами, конечно же, не с мантами, как можно-с? Если на одну чашу весов положить блюдо с мантами, присыпанными мелко нарезанной зеленью, а на другую — судьбу этих двоих, то выбор для Скоромылова был очевиден. Макару Мартыновичу иногда даже казалось, что человек с его тысячелетней эволюцией был нужен Создателю единственно с целью изобретения рецепта мантов. А посему, коль уж формальности соблюдены и от инструкций (о, от этих божественных инструкций!) нотариус не отклонился, то странной парочке впредь будет наука.

— Тогда прошу вас при мне поставить подписи на договоре найма. Еще раз напоминаю, что о нарушении данного соглашения мне станет известно незамедлительно и виновный ответит по всей строгости закона.

Никто, казалось, не придавал его словам ни малейшего значения. Опереточный злодей размашисто, с закорючками, начеркал на бумаге два слова на латинице. Нотариус ожидал, что раскосый паренек в противовес сему безобразию поставит корявый крестик, но тот

медленно и аккуратно написал свою фамилию и инициалы. Прав оказался Скоромыслов, молодчик этот не так прост! И ладно, прочь лишние мысли — время заняться делом.

— А теперь, господа, закончим процедуру. Прошу, протяните ваши левые руки.

Нотариус взял своих клиентов за запястья, будто мерил пульс, прикрыл глаза, сосредотачиваясь. Для франта, похоже, сама процедура была не в новинку, а вот парнишка широко раскрыл глаза, когда тонкая светящаяся нить начала обвивать руки клиентов, будто бы стремясь навсегда пришить их друг к другу.

— Скрепленное словом трех честных людей да будет нерушимо, — Макар Мартынович скороговоркой пробормотал заученную еще в студенческие годы абсолютно необязательную формулу, и нить, замкнувшись своими светящимися концами, исчезла.

— И почему основную часть людской массы составляют восторженные идиоты? — уронил в пространство риторический вопрос сэр Бенедикт, спускаясь по ступеням нотариальной конторы. Лутфи только удивленно вскинул взгляд на доктора, и тот продолжил: — Нет, я вовсе не о господине нотариусе, он-то как раз молодец: стряс с меня кругленькую сумму за свои услуги, не вникая в подробности, — так и кошелек набит, и совесть не ворочается. Говоря об идиотах (а, чувствую, говорить о них с этих пор мне придется часто), я подразумеваю и буду подразумевать в дальнейшем прежде всего вас, мой наивный сребролюбивый друг. Честное слово, кажется, Глафира петуха на суп и то выбирает придирчивей и дольше, чем вы выбирали себе сегодня место службы.

Криптозоолог наигранно засмеялся.

— И за что мне все это? Ну что вы смотрите, словно теленок на мясника? Скажите уже что-нибудь.

— Что сказать, барин? — пролепетал Кусаев, ошарашенный такой внезапной переменой в своем работодателе.

— И правда, что тут говорить? Знаете, почему мне пришлось ради договора с вами, простофилей, тащиться к нотариусу? — Франт любовно потер набалдашник зонта, вырезанный в виде головы гончей. — Потому что еще ни один слуга не продержался у меня дольше месяца.

— Что с ними стало? — дрожащим голосом спросил Лутфи, чувствуя, как голова наливается знакомой сонной тяжестью. Только не сейчас! Только не приступ! Поскорее бы спуститься с опасной лестницы!

— О, а я смотрю, вы хладнокровны, как никто другой. — Сэр Бенедикт застыл на нижней ступени и не без любопытства повернулся к своему слуге, прокручивая трость затянутыми в перчатки пальцами. — Последний из них разбил себе голову о каменный парапет... сам, сознательно — тремя точными ударами.

Тут молодой человек не выдержал, оттолкнул разглагольствующего Брута и в три прыжка слетел с лестницы. Последним, что он запомнил, прежде чем сознание покинуло его, был возмущенный окрик доктора:

— Бежать бесполезно! У нас договор!

А затем Лутфи оказался в крошечной темноте, за мгновение до этого почувствовав удар собственного тела о землю.

Когда молодой человек снова открыл глаза, в поле его зрения тут же возникло бледное вытянутое лицо криптозоолога.

— Нарколептик! — верещал Брут и хватался за шею. — Меня, МЕНЯ брил нарколептик!

Кусаев даже как-то не удивился, что новый хозяин так быстро определил его мудреный диагноз. Наоборот, по-глупому обрадовался — несмотря на скверный характер, доктор оказался сведущ в своем деле.

— Бенедикт, прекратите истерику, — раздался спокойный голос Анфисы Ксаверьевны, из чего Лутфи сделал вывод, что, пока он спал, его тело успели перевезти от нотариуса обратно во флигель на Пекарском. — Заметьте, мы с вами сами не задали этому несчастному ни единого вопроса о его здоровье.

— Прекратить истерику?! Посмотрел бы я на вашу истерику сегодня утром, если бы он отключился во время бритья! С одной стороны бессознательное тело, с другой — обезглавленное! — Сэр Бенедикт успешно изобразил покойника и снова повернулся к слуге, который с виноватым видом уже приподнимался на локте. — Да как у вас вообще рука поднялась?

Лутфи промолчал. Молчать в нужное время было одним из его ценнейших качеств. Только представьте, что стало бы с доктором,

вздумай молодой человек честно заявить: «Я подумал, что все обойдется».

— Бенедикт, мы тоже с вами хороши: так спешили нанять слугу, что не проверили человека, — Анфиса Ксаверьевна силой усадила своего квартиросъемщика на диван, — и, что уж греха таить, сами немало скрыли от этого бедняги. Ладно я — глупая женщина, но вы-то гордитесь своей проницательностью. — Заметив, что доктор начал багроветь, она поспешно добавила: — Нет смысла теперь об этом говорить. Редкий недуг не помешает ему выполнять большую часть работы и быть вам помощником, ну а побриться можете и сами.

— Ах, женщины! Если бы дело было только в бритве! Я хочу выглядеть грозным и харизматичным, Анфиса Ксаверьевна. Кусаев, вы знаете, что такое «харизматичный»? Это понятие не будет согласовываться с вашими постоянными обмороками! — Казалось, еще секунда — и доктор начнет дышать огнем и разорять деревни.

— Бенедикт, право, вы впадаете в детство.

— Да, я впадаю! Потому что это моя детская мечта: быть серьезным и загадочным, навевать ужас и чтобы за мной непременно шел подтянутый слуга, отвечающий на все мои распоряжения «да, сэр». А что мы имеем? Какая уж тут загадочность, какой страх, если я вынужден был волочить этого крепыша на своем горбу до ближайшей пролетки?!

Криптозоолог нервно забегал по комнате, потом вдруг остановился.

— Собирайтесь, болезный юноша, сейчас мы вместе отправимся к нотариусу и потребуем отменить действие договора.

— Нет! — одновременно воскликнули домовладелица и новый слуга.

Сэр Бенедикт змеей скользнул к постели больного, кончиком зонтика, который почему-то остался при нем даже в комнате, приподнял его лицо к себе и, глядя прямо в упрямые глаза-семечки, прошипел:

— А ну-ка, повторите.

— Нет, — твердо сказал Лутфи, не собираясь сдавать позиции, коль уж райская птица удачи залетела к нему в окно. Птица эта, правда, обратилась коршуном, но молодой человек слышал, что приручают и коршунов — достаточно кожаных перчаток и колпачка на голову пернатого.

— Бенедикт, не давите на мальчика. — Анфиса Ксаверьевна мягко, но решительно вынула зонт из рук своего квартиросъемщика.

— Этот мальчик еще пожалеет, что переступил порог моего дома!

— Бенедикт!

— Да через день-другой он будет готов на руках меня нести до нотариуса! Еще ни одно человеческое существо не было способно выдержать притеснений от сэра Бенедикта Брута! — высокопарно пообещал криптозоолог, только что не метнув в пол молнию, как Зевс, в подтверждение своего всемогущества.

— Очень приятно, что вы считаете меня богиней, — с ложной скромностью опустила глаза Анфиса Ксаверьевна, чем очень ловко разрядила накалившуюся обстановку.

— Вы... исключение, — махнул рукой доктор, благоразумно проглотив слово «досадное».

— Где одно, там и два, — туманно сказала домовладелица.

— Если вы вздумаете ему помочь, — рассерженно начал Брут, — я... я...

— Съедете от меня? — лукаво подсказала женщина.

— Не дождетесь!

— Тогда не пугайте мальчика!

— Я сказал хоть слово неправды, Анфиса Ксаверьевна?

На этот провокационный вопрос мудрая женщина предпочла не отвечать.

— У него спокойный характер. Уверена, он станет вам отличным помощником.

— Да какой из этого спящего красавца помощник? — процедил Брут уже с дивана. Впрочем, дышать начал немного ровнее и оценивающе посмотрел на Лута.

Под этим взглядом Кусаев внезапно почувствовал, как его веки начинают тяжелеть, и через секунду снова отключился, успев уловить очередной полный негодования вопль хозяина.

Через полчаса приведенный в сознание Лут наблюдал, как сэр Бенедикт приглаживает и без того идеальные виски перед зеркалом.

— Ну, чего вы ждете, Кусаев? Или я сам должен сбегать за саквояжем, приготовить шляпу, очки и зонт, а перед выходом еще почистить вам башмаки? Давайте-давайте, вперед, как голодная чупакабра за стадом горных козочек!

Про козочек Кусаев не совсем понял, но быстро сориентировался и нырнул в открытую дверь гостиной, где доктор оставил свой саквояж, затем кинулся в кабинет к специальной витрине, за которой еще раньше заметил целую выставку различных очков с разноцветными стеклами от синих до неприлично розовых. Какие же выбрать? Тут Лутфи припомнил, что на хозяине помимо черной, почти траурной одежды надет еще и шейный платок в едва заметную красную крапинку, и, чувствуя себя тонким ценителем моды, вынул пару с красными стеклами в серебряной оправе.

Но криптозоолог почему-то не оценил его утонченного вкуса.

— Анфиса Ксаверьевна! — воззвал он к своей домовладелице, которая не без интереса следила за сборами. — Он еще и дня не провел в этом доме, а уже пытается совершить самоубийство таким изощренным способом!

— Принеси-ка лучше желтые, дружок, — мягко подсказала женщина. — От этих доктор звереет.

«Куда уж больше?!» — подумал Лутфи, но благоразумно смолчал.

— Как это очень по-русски: называть май сэйкрид рэйдж этим грубым словом «звереет».

— Бенедикт, я уже три месяца наблюдаю за вашей так называемой священной яростью, и поверьте мне, слово «звереет» описывает ее как нельзя более точно.

— Ничего вы не понимаете... — В этот момент явился Лутфи вместе с очками радостного цыплячьего цвета (которые, оказавшись на носу у сэра Бенедикта, почему-то моментально превратили его в злую худую сову) и начал упаковывать своего нервного хозяина в сюртук, шляпу и уличные туфли.

— Ошейник не забудьте, — рявкнул криптозоолог, уже стоя в самых дверях.

Лутфи в панике огляделся и заметил на тумбочке ошейник, украшенный темными матовыми камнями и парочкой серебряных

шипов. Схватил украшение, но что с ним делать, сразу не сообразил. Хозяин тем временем ждал, недобро постукивая зонтом по порогу. Молодой человек еще раз оценил весь экстравагантный наряд доктора, и его озарило. Кусаев решительно шагнул к сэру Бенедикту и попытался застегнуть ювелирное изделие у него на шее, за что тут же не слишком больно, но обидно получил зонтом по рукам.

— Вы что, собираетесь вести меня к клиенту на жестком поводке? — оскорбленно спросил Брут. Анфиса Ксаверьевна, наблюдавшая эту сценку, вытирала пальцами слезы, выступившие на глазах от смеха.

Только тут паренек заметил, что на тумбочке, где лежал ошейник, находилась еще и странного вида палка, конец которой явно предназначался для того, чтобы крепиться к застежке на «ювелирном украшении». «Так это ошейник для животного!» — осознал свою ошибку несчастный и умудрился покраснеть, несмотря на плотный загар.

— Бенедикт, а вы бы неплохо смотрелись в таком виде на улице! — подлила масла в огонь домовладелица.

— Простите, барин! — с таким жаром воскликнул Лутфи, будто готовился рухнуть на колени и удариться головой об пол.

Сэр Бенедикт поморщился.

— Кусаев, вы мне бросьте эти крепостные замашки. Вам разве дед не рассказывал, что его освободили еще в шестьдесят первом?

— У вас есть еще один домашний питомец? — осторожно спросил Лутфи. — Мы берем его с собой?

— Единственный питомец, который у нас теперь есть, это ваш мозговой слизень, и, судя по всему, он уже обглодал все что можно и дожевывает мозжечок. — Сэр Бенедикт отобрал у слуги ошейник и положил его в свой саквояж. — Табличка «криптозоолог» на двери вам ни о чем не говорит?

— Вы лечите экзотические болезни и буйнопомешанных?

Доктор отчего-то перестал хмуриться и даже несколько саркастически улыбнулся.

На крыльце Анфиса Ксаверьевна неожиданно схватила Лута за локоть и ободряюще его пожала.

— Ты только не пугайся — юмор у него такой. На клиентах срываться нельзя, вот он на слугах и отыгрывается. И в слизня не

верь...

— Я и не верю, — всерьез обиделся Лутфи. Что, его за ребенка принимают, во все эти сказочки верить?

— Да мало ли, — неопределенно сказала женщина. — Твой предшественник наслушался вот, а потом возьми и расшиби себе голову об стену, чтоб этот самый «слизень» у него там не ползал.

«Так ему и надо, дятлу», — подумал Кусаев. Неудивительно, что после таких происшествий сбрендивший доктор считает всех вокруг идиотами.

Первый пациент, как оказалось, жил в одном из респектабельнейших районов Князьгорода. Взойдя по широкой мраморной лестнице, Лутфи приосанился, памятуя о том, насколько его хозяин печется о впечатлении, производимом на других. Уж тут Кусаев не подведет — всего-то и надо, что копировать поведение чванливых дворецких и лакеев, которые вытягивались по струнке, делали кислую мину и молча излучали подобострастие. Росту для внушительности молодому человеку не хватало, но вот делать кислые мины он был мастак — так что на его фоне сам Бенедикт Брут мог показаться жизнерадостным добряком.

Их с почтением встретил престарелый слуга и проводил в одну из малых комнат на первом этаже. Лутфи уже мысленно выдохнул, гордый тем, что так хорошо справляется со своей новой ролью, как возникло непредвиденное обстоятельство. Едва дверь в комнату открылась, им навстречу выбежало странное существо размером со среднюю собаку, покрытое перьями и чешуей. Оно с радостным клетотом обвилось вокруг ног Лута и, цепляясь лысыми лапами за его штанину, полезло вверх. Молодой человек оцепенел, успел услышать только саркастический смешок хозяина: «О, Кусаев, би прауд оф ёсэлф, вас приняли за легкую добычу» — и после этого отключился в третий раз за день.

Заметив, что Лутфи сползает по стенке, сэр Бенедикт с показной невозмутимостью остановил его падение правой рукой и, подозревая лакея, кивком головы указал на бессознательное тело.

— Я с багажом. Не трясите, не вскрывайте, сложите на кресле у входа. Начнет шевелиться — отправьте ко мне.

Несмотря на крайнее удивление, пожилой лакей подхватил парня под мышки и, ухмыляясь в пышные усы, поволок в указанном

направлении.

Сам же криптозоолог твердой походкой прошел в комнату, на ходу поглаживая клочок белых перьев на холке странного существа, которое привело его слугу в такое волнение.

Очнувшийся Лутфи первым делом подошел ко входу в гостиную и в полнейшем недоумении стал свидетелем того, как сэр Бенедикт любовно осматривает давешнюю крылатую ящерицу с белым пятном на голове.

— Так вы чудовищный доктор? — только и смог спросить молодой человек, но тут же, поняв, что сморозил откровеннейшую глупость, поправился: — То есть я хотел спросить, вы монстров лечите, барин?

— Вы на редкость быстро соображаете для такого впечатлительного храбреца. Я-то все думал: когда же вы догадаетесь, до окончания нашего контракта или после? Ну что застыли? Идите, помогайте. Держите этого красавца за крылья.

— А кто он?

Кусаев приблизился с некоторой опаской, и, как оказалось, не зря.

— Василиск.

— Матерь божья! — От неожиданности Лутфи отпрянул и, не удержав равновесия, с размаху сел на пол. — Так он же одним взглядом меня в камень!

— Все это выдумки и невежество, — безапелляционно заявил «чудовищный доктор», ласково почесывая монстра по чешуйчатому брюху, что вызывало особое удовольствие и у криптозоолога, и у его пациента. Глядя на такую идиллию, Кусаев тоже на миг успокоился, поднялся с пола и с легкой гримасой взялся за крылья ящерицы. Только тут сэр Бенедикт отвлекся от почесывания и продолжил: — Он не взглядом превращает все живое в камень, а ядом.

Лутфи со звуком втянул воздух и очень медленно отошел от своего хозяина и невинно оговоренного народной молвой чудовища. Молодой человек и раньше подозревал, а теперь был абсолютно уверен в том, что высшее общество состоит из одних сумасшедших.

— Так-так-так, глазки не закрываем (это я вам, вам, Кусаев), на пол не падаем! Взяти моду! Что вы как барышня перед крысой?!

«Ничего себе крыса!» — подумал Лутфи.

— Удалили у него уже клыки — все подчистую. Это первое, что делает любой добропорядочный браконьер в Европе. О-о-о, знали бы вы, сколько стоят клыки василиска на черном рынке! Сами бы сейчас первыми в пасть к нему полезли! А ну, держите крылья!

В дверь просунулось обеспокоенное старушечье лицо — хозяйка беззубого василиска.

— Правда, крылья у Ромашки прелесть? Так и хочется подержать в руках. — Дребезжащий голосок был полон гордости и энтузиазма.

— Что мне и хочется подержать в руках, так это горло человека, который сотворил подобное с животным, — с раздражением пробормотал себе под нос сэр Бенедикт.

— Что-что вы сказали, доктор? — переспросила туговатая на ухо старуха.

— Я говорю, что вы с крыльями ее делали? — повысил голос криптозоолог и улыбнулся, но улыбка эта показалась Луту устрашающей. — У вашей Ромашки весь маслянистый слой с перьев сошел. Признавайтесь, мыли?

Старуха застенчиво, как девица, опустила маленькие глазки и, теребя завязки чепца, призналась:

— Мыла.

— И одеколоном брызгали?

— Брызгала. Так ведь, батюшка, смрад от нее стоит — аж тошно.

Криптозоолог глубоко вдохнул и, судя по всему, мысленно досчитал до десяти. Где-то в районе семи Лутфи испугался, что сейчас его хозяин порешит старушку, но обошлось.

— А чем кормите?

— Ну, знамо чем: рыбкой разной, как продавец наказывал.

— Цыплятами кормите и мышами!

Незадачливая хозяйка в возмущении раскрыла рот, но сэр Бенедикт припечатал:

— Живыми! И тогда запаха не будет. А еще раз вздумаете мыть крылья — тут и завянет ваша Ромашка.

Во второй половине дня криптозоолог и его новоиспеченный слуга посетили еще несколько домов, и надо сказать, что практически ни в одном из них не было меньше двух этажей и четырех колонн. Прозорливый ум мог немедленно сделать соответствующие вычисления и предположить, что доход у доктора очень и очень неплох

и что жить он мог бы вовсе не в Пекарском переулке, а, к примеру, на той же Дубовой аллее или Зеленом проспекте, где и большинство его клиентов. Поэтому, близко (почти интимно, если вспомнить процедуры, проведенные василиску) познакомившись с пациентами сэра Бенедикта, Лутфи начал всерьез пересматривать свое отношение к плате в двадцать пять рублей.

Правда, он, как неунывающий оптимист (в противовес своему новоявленному хозяину), нашел и положительные стороны в их первом совместном обходе. Взять, к примеру, гарпию. «Что положительного может быть в гарпии?» — удивитесь вы. И будете правы: в самой гарпии — ничего, но если к ней приложить хозяйку, одаренную творчески, но, к сожалению, никак не интеллектуально, то комический эффект налицо. Или, вернее сказать, на морду...

Так вот, увидев гарпию в атласной юбочке и кружевном чепце, даже сдержанный Лутфи не смог спрятать несколько безумной улыбки. А уж когда тварь стала еще и вертеть складчатой мордой из стороны в сторону, втягивая воздух круглыми ноздрями и пофыркивая, то и вовсе разразился гомерическим хохотом. К сожалению, сэр Бенедикт испортил Луту радостный момент, ледяным тоном попросив молодого человека ждать за дверью и подобострастным объяснив хозяйке монстра, что слуга у него слабоумный и взят исключительно из жалости. После чего эта добрая женщина (издевающаяся над бедными гарпиями) вынесла Кусаеву на порог сладкий пирожок и кружку молока.

Можно было бы считать, что первый день на новом месте прошел довольно сносно, если бы не личность самого криптозоолога. Много повидавший Лутфи уже не обращал внимания, когда предыдущие хозяева срывались на крик, мат и иногда даже не чурались рукоприкладства, но ругань сэра Бенедикта была особого свойства. Во-первых, он никогда не поднимал свой голос до крика (пожалуй, исключая только тот момент, когда узнал о болезни Лута, но это не в счет). Во-вторых, если и использовал нецензурные выражения, то только на своем специфическом английском, которого парень, естественно, не понимал. Узнав об этом, кто-то может сказать: «Да брось ты, твой хозяин — безобидный мужик!», но странное дело, при всей кажущейся безобидности своими высказываниями сэр Бенедикт вызывал у миролюбивого Лута только одно желание — воткнуть в

криптозоолога его же зонт, а потом скормить тело одному из экзотических пациентов. Каждый раз, как молодой человек прокручивал в своем богатом воображении эту сценку (а чем дальше, тем больше интересных подробностей и действующих тварей в ней появлялось), его немного отпускало, и Кусаев находил в себе силы выслушивать реплики доктора с каменным лицом. Так что к концу первого дня Лутфи уже четко определился с тем, что отдает предпочтение гидре перед гарпией в нелегком деле поедания бранных останков сэра Бенедикта Брута.

После ужина (во время которого сэр Бенедикт умудрился основательно обработать своего слугу требованиями элегантно сервировки стола и рассуждениями о том, как бесстыдно лежат куриные ноги на его тарелке) Анфиса Ксаверьевна потихоньку вызвала Лута на личный разговор.

— Присаживайся, голубчик, не стесняйся. — Домовладелица указала на крохотный диванчик, который стоял напротив окна в ее не менее крохотной гостиной. — Угощайся грушами, пока я буду делиться с тобой секретами безопасного общения с господином доктором.

Кусаев удивленно взял грушу и сел.

Анфиса Ксаверьевна заговорщически ему подмигнула. Надо отметить, что и на это подмигивание, и на составление подробнейшей инструкции по обращению с криптозоологом она имела полное право ветерана кровопролитных домашних битв. Когда Брут впервые появился на пороге ее дома, желая снять для себя жилье, он был так же «приятен» в общении, как сейчас. До Пекарского переулочка ему успели отказать в найме квартиры как минимум в четырех местах, и в трех из них сэр Бенедикт успел поговорить с хозяевами не более пяти минут.

Прогресс доктора в сфере человеческого общения двигался медленно, но и эти крохи можно было целиком и полностью записать на счет домовладелицы. Анфиса Ксаверьевна только смеялась на его ядовитые реплики, улыбалась, называя «шутником» и «сквернословом». А уж фраза «Бенедикт, вы такой забавный» доводила криптозоолога до белого каления. Она брала его костюмы, советовала портных и сапожников, составляла компанию при походе к парфюмеру и ювелиру. Так что по истечении всего лишь трех месяцев сэр Бенедикт стал настолько домашним, насколько это было возможно,

и буквально ел у нее с рук, находясь при этом в полном неведении относительно произошедших с ним метаморфоз. Будь Анфиса Ксаверьевна лет на десять моложе, вероятно, в доме замаячил бы призрак Гименя, но так ни квартиросъемщику, ни домовладелице подобная мысль даже не приходила в голову.

— Ты, должно быть, заметил, что сэр Бенедикт несколько неводержан в своих выражениях, — начала она. — Мой тебе совет: обращать на это как можно меньше внимания.

Лутфи изобразил на лице легкое недоверие.

— Представляй, что он большой гудящий жук. Если мысленно надеть на него железную кастрюлю, жужжать он не прекратит, но будет биться о ее стенки с забавным и гулким стуком, не причиняя вреда никому, кроме себя самого.

Кусаев улыбнулся: кастрюля на голове сэра Бенедикта в его воображении смотрелась очень заманчиво.

— Среди твоих знакомых и родственников есть юноши в гадкой поре четырнадцати лет? — внезапно спросила Анфиса Ксаверьевна.

Молодой человек кивнул, вспомнив парочку двоюродных братьев.

— Так вот, сэр Бенедикт со своей неуравновешенностью и театральностью требует такого же отношения, как и они. Ненавязчивая опека — вот самый правильный стиль поведения. Ты меня понимаешь?

Лутфи закивал. Он действительно понимал. И с уникальной сообразительностью мотал советы на ус. Так что теперь можно было не сомневаться, что к воспитанию сэра Бенедикта будет приложена не только материнская рука Анфисы Ксаверьевны.

V

На следующее утро сэр Бенедикт брился сам, мрачно поглядывая то в зеркало, то на своего новоиспеченного слугу. Причем, вопреки всем ожиданиям, брился довольно умело. Видно, ему приходилось делать это уже не раз. Лутфи покорно стоял рядом и держал в руках полотенце.

— Кусаев, скажите, вы изучали геометрию в школе? — внезапно отвлекшись и оставив свое драгоценное лицо наполовину в пене, спросил хозяин.

Парень вздрогнул.

— Нет.

— Заметно. Будьте любезны, встаньте так, чтобы при внезапном падении не задеть меня.

Молодой человек поспешно отошел, но вот беда — из-за невеликих размеров комнаты и загроможденности ее мебелью для выполнения приказа оставалось только распластаться по стене рядом с туалетным столиком. Едва Лут в полной мере ощутил себя ящерицей, как после легкого стука в комнату вошла Анфиса Ксаверьевна, неся на подносе чашку кофе и утреннюю газету. Она сочувственно взглянула на парня:

— Ну что, Бенедикт, все еще не наигрались?

Брут пробурчал нечто неразборчивое и стал сосредоточенно добривать вторую половину лица. Домовладелица поставила поднос на стол и, обернувшись к Лутфи, заметила:

— Вся прелесть контракта, который вы заключили, не только в том, что доктор может вести себя как ему вздумается, но и в том, что ты можешь отвечать ему тем же, не рискуя быть уволенным...

— А, дэм'ит! — Сэр Бенедикт аж порезался. — Анфиса Ксаверьевна, не хотите начать колонку вредных советов для прислуги в «Князьгородском вестнике»? Я вас порекомендую, главный редактор недавно лечил у меня свою саламандру.

Женщина лишь подмигнула Луту, словно непоседливая школьница, и выскользнула за дверь, бросив на прощанье:

— Наслаждайтесь обществом друг друга, господа.

— Знает, что я ей слова сказать не могу, и пользуется... — беззлобно бубнил хозяин себе под нос, пытаясь остановить кровь из пореза на щеке.

Действительно, ругаться с арендодателем самоубийственно, особенно когда никто другой не спешит распахнуть тебе двери собственного дома. Феликс Рафаилович Любчик, имя которого значилось на табличке при входе в особняк, при жизни приходился Анфисе Ксаверьевне мужем и завещал свой дом сыну и наследнику, по малолетству еще не вступившему в права.

— Полотенце, — не глядя в сторону слуги, скомандовал сэр Бенедикт. Лутфи прищурил свои и без того узкие глаза и протянул в его сторону полотенце, но при этом не сделал ни шага, чтобы отойти от стены. Пальцы доктора несколько раз схватили воздух, прежде чем он отвлекся от зеркала и грозно посмотрел на молодого человека. — Кусаев, вы прилипли? Вода и мыло в этом доме пока еще бесплатны — не пренебрегайте.

— Пять минут назад вы приказали стоять так, чтобы на вас не упасть. Нестыковочка-с. — Лутфи и сам не знал, откуда в его речи взялось это шипящее «с». На самом деле он всего лишь хотел сказать, что один приказ противоречит другому, но не нашел для этого иных слов. Выдержке парня можно было позавидовать: в подобной ситуации восемь из десяти его сверстников не выдержали бы изумленной ярости во взгляде Брута.

— Вот как? — Криптозоолог тоже прищурился, встал, выдернул у слуги полотенце из рук. — У вас присутствует чувство юмора, Кусаев. Это хорошо. Чувство юмора — это признак здоровья личности, а то, признаться, вчера я в вас сомневался.

В этот день доктор собирался навещать пациентов в собственном экипаже, поэтому Лутфи встал пораньше и приготовил все к выезду. Пусть его расторопность и осталась неотмеченной хозяином, но оказалась очень кстати, когда с самого утра к ним в дом прибежал мальчишка-посыльный с краткой запиской от очередного клиента. Так что благодаря стараниям камердинера (иногда Кусаев пробовал называть себя именно так) выехать смогли немедленно.

Правда стоило Луту прикоснуться к вожжам, как их тут же подцепил зонт криптозоолога, с которым тот, похоже, не расставался в любую погоду.

— Кусаев, вы мне бросьте эти свои суицидальные склонности! — Сэр Бенедикт медленно натянул на руки шикарные черные замшевые перчатки и взялся за вожжи сам.

Ехать оказалось не так уж далеко. Дом генерала Кайманова представлял собой одиозное здание, построенное в одном из древнейших и распространеннейших стилей «завидуй и бойся». Но надо отметить, что зданию лет было больше, чем могло бы быть сейчас его хозяину, поэтому сие архитектурное бахвальство, скорее всего, не имело к высокопоставленному сановнику никакого

отношения. Зато ливрея дворецкого, расшитая без всякой меры золотом и галунами, являлась недвусмысленным намеком на личность хозяйки.

Намек не замедлил оправдаться, когда генеральша не побрезговала лично выйти и поприветствовать прибывшего доктора. Тщательно уложенные локоны, платье, в котором многие не постеснялись бы прийти на званый вечер, и чересчур яркие губы, вызывающие подозрение, что их коснулось такое запретное в высших кругах средство, как помада. Вообще, криптозоолога встречали на редкость единодушно: домашняя челядь только что не размахивала разноцветными флагами, как во время торжественного проезда государя императора по Дубовому проспекту. Слуги застенчиво выглядывали из-за колонн, балюстрад, дверей, окон и достаточно громоздких предметов интерьера. Полюбоваться на экзотического доктора также вышли генеральские дети: мальчик лет двенадцати и девочка не больше семи, а с ними их учитель и гувернантка. Сэр Бенедикт, польщенный подобным вниманием к собственной персоне, чопорно поклонился:

— Ваше превосходительство, позвольте отрекомендовать себя: Бенедикт Брут. Для меня большая честь, что вы сооблаговолили встретить меня лично.

— Ах, сэр Бенедикт, ну что вы, какой вы скромник! — жеманно махнула рукой генеральша то ли на Брута, то ли прогоняя слуг, которые поспешили скрыться, если не из помещения, то хотя бы с глаз хозяйки. — Модные салоны полнятся самыми фантастичными рассказами о вас! Вы становитесь знамениты! Да и дети хотели посмотреть на «чудовищного доктора»! Милые проказники так вас и прозвали! Прелестно, не правда ли?!

Поверьте, автор не сошел с ума на почве любви к восклицательным знакам, просто голос светской дамы в конце каждой фразы взлетал до таких невообразимых высот, что эти восторженные знаки буквально повисали в воздухе. Еще немного — и герои перестали бы видеть друг друга в лесе их точек и вертикальных линий.

Сэр Бенедикт, конечно же, тоже не мог не слышать этих восклицаний и поэтому, напыжившись от воображаемой популярности (откуда ему знать, что генеральша разговаривала в такой тональности

даже с лакеями), старался сохранить хотя бы иллюзию неприступности.

— Весьма польщен.

— Сэр Бенедикт, а это правда, что вас посвятила в рыцари сама английская королева?!

— Да, королева Виктория — славная старушка, — небрежно бросил Брут, растерявший остатки совести в лучах собственной славы.

— Ах, какая прелесть! Как волнительно!

— *Forgive me my intrusion, sir,* — внезапно подал голос учитель, до этого незаметной тенью стоявший за плечами своих воспитанников, — *but I must notice that your Russian is too fluent for a foreigner.*[1]

Казалось, за плечами сэра Бенедикта кто-то погасил источник света. Криптозоолог напрягся и со сдержанно-ядовитой улыбкой спросил:

— *May I ask the great linguist, what country is so blessed to be his Homeland?*[2]

— *Deutschland, sir.*[3]

— *Hmm, I say, your English is too good for a burger.*[4]

— *Wish I could say the same,*[5] — не остался в долгу немец.

Мужчины смерили друг друга долгими пронзительными взглядами, которые, к счастью, были вовремя прерваны не менее пронзительным смехом хозяйки.

— Ах, это так мило, когда иностранцы встречаются друг с другом на чужбине! Их буквально невозможно оторвать друг от друга!

Лутфи нервно переступил с ноги на ногу — ему тоже показалось, что скоро сэра Бенедикта невозможно будет оторвать от этого немчика, потому что доктор явно собирался вцепиться в него зубами не хуже призового ротвейлера. Генеральша, ведомая безошибочным инстинктом человека, съевшего не одного ротвейлера на светских вечерах, подошла к криптозоологу, сверх меры раскачивая богатым подолом, и взяла под руку.

— Сэр Бенедикт, я думаю, пора посмотреть на пациента! Пройдемте в кабинет моего мужа!

Ни Лутфи, ни тем более доктор даже не удивились тому, что животное держат не в клетке или специальной комнате, а в генеральском кабинете. Одни особо ретивые хозяева вообще целовали

на ночь свою химеру, прежде чем укрыть ее ярким детским одеяльцем с медвежатами, хотя ни один готический храм не побрезговал бы украсить свой водосток мордой, которая потом высовывалась из-под этого милого одеяльца.

Кабинет генерала Кайманова представлял собой занятное помещение. Конечно, до кабинета криптозоолога ему было далеко, но тут тоже было на что посмотреть: по стенам развешаны карты и странные буквенно-числовые таблицы, на полках шкафа помимо книг располагались механические конструкции непонятного назначения (похожие то ли на телеграф, то ли на печатную машинку), и лишь детские рисунки, расставленные между ними, нарушали общую атмосферу. Портрета хозяина нигде не наблюдалось, так что о внешности сановника оставалось судить только по работе кисти его дочери, где вся семья была изображена в полном составе: генерал и его сын в камзолах, каждый с цепочкой от золотых часов в кармане, генеральша с дочкой в длинных платьях и с веерами.

Помещение оказалось достаточно просторным, чтобы вслед за хозяйкой, доктором и его камердинером туда без труда зашли генеральские дети вместе со своими воспитателями. Сэр Бенедикт раздраженно выдохнул, но только Луту стало понятно, что, если бы не генеральша, иностранец бы выставил весь этот квартет вон к горгульей бабушке.

— Где же животное?

Да, Кусаеву тоже очень хотелось знать, где животное, и еще больше, что это за животное, — прежде всего из соображения личной безопасности. Откуда-то с верхней полки секретера со стуком спрыгнул черно-белый кот с лоснящейся шерстью. Лутфи вздрогнул.

— Это Маркиз! — гордо оповестила посетителей генеральская дочка и с небывалой сноровкой сграбастала питомца на руки, не дав тому шанса скрыться.

— Это кот, — обвиняюще сказал криптозоолог, видимо начиная подозревать, что его спутали с обычным ветеринаром. После такого оскорбления никакие регалии мужа не защитили бы генеральшу от языка сэра Бенедикта. — Где мой пациент?

— Посмотрите под столом, — пискнула девчонка, прячась за многострадального кота. — Он там часто сидит.

Брут незамедлительно последовал детскому совету и постучал по крышке массивного генеральского стола. На стук с другого края показалась тупоносая, сплошь покрытая роговыми наростами голова и вопросительно уставилась умными глазами на криптозоолога. Если верить размеру морды, чудовище было никак не меньше сенбернара. Не дождавшись незамедлительной реакции на свое появление, монстр то ли зевнул, то ли улыбнулся и показал собравшимся массивный белый передний зуб.

Лутфи мысленно выдохнул, ибо, судя по форме этого зуба, чудовище было травоядным. Доктор, наоборот, набрал побольше воздуха в грудь, чтобы тут же его весь использовать.

— Клянусь жабрами Лохнесского чудовища, это же фуцанлун! Настоящий фуцанлун! Где вы его взяли?! — Сэр Бенедикт будто бы заразился восклицательными знаками от генеральши и, утратив былую чопорность, буквально запрыгал вокруг пациента, на поверку оказавшегося помесью бульдога и гигантской ящерицы. Ящерица, в свою очередь, не осталась в долгу и с не меньшим восторгом запрыгала вокруг сэра Бенедикта, издавая какие-то утробные звуки, которые, скорее всего, в переводе с драконьего тоже должны были означать: «Клянусь бровями Конфуция, это же криптозоолог! Настоящий криптозоолог! Где вы его взяли?!» Подобное взаимное восхищение продолжалось несколько минут, прежде чем доктор поднял голову и встретился с, мягко говоря, удивленными глазами всех присутствующих.

— Мама, а этот господин — учитель танцев? — в воцарившейся тишине тоненьким голоском спросила девочка.

— Конечно же, нет, дорогая! — ответила генеральша, больше обращаясь к Бруту. Доктор моментально опомнился и сделал вид, что увлеченно ощупывает фуцанлуна.

— Значит, он не будет учить Ватрушку?

— Ватрушку?! — вдруг нервно дернул щекой сэр Бенедикт. — Вы назвали фуцанлуна, величайшего из драконов, Ватрушкой? Фуцанлуна, прозванного потрясателем земли? А этого дра... драгоценного кота Маркизом?

— Конечно. — Только дитя могло не ощутить трагедии, которая была вложена в вопрос. — Маркиз красивый, а Ватрушка нет.

Доктор прижал к себе дракона так, словно намеревался защитить от несправедливого и жестокого мира.

Лутфи же со странной для своих лет мудростью подумал, что милыми и смешными именами люди называют животных вовсе не от пренебрежения, а совсем наоборот. Подумал, но по уже выработавшейся привычке ничего не сказал.

— Никогда не видела, чтобы этот зверь относился подобным образом к кому-нибудь, кроме моего мужа! — Хозяйка снова выбрала удачный момент, чтобы продолжить обольщение доктора.

— Позвольте провести маленькую лекцию, ваше превосходительство, — приосанился криптозоолог. — Все без исключения звери легко распознают вожаков, альфа-самцов, так сказать. Как среди своего вида, так и среди любого другого, в том числе человеческого.

— Как это волнующе! — всплеснула руками генеральша. — Из этого могло бы получиться интересное развлечение для моего суаре! Если чудовище выживет, конечно!

— Выживет? — насторожился Брут, моментально вылезая из шкуры альфа-самца.

— Ну конечно! Он проглотил часы, подаренные мужу самим императором! Вон и Генрих подтвердит!

Сэр Бенедикт посмотрел на немца с еще большим недружелюбием, а потом осторожно спросил:

— И что вы хотите, чтобы я сделал?

— Вскройте ему брюхо! — сказала хозяйка тоном Червонной королевы, приказывающей отрубить Валету голову, и ее холеный палец пронзил воздух в направлении фуцанлуна. Восклицательный знак в этой фразе приобрел угающую остроту хирургического скальпеля.

Все вздрогнули.

Сэр Бенедикт сначала упрямо поджал губы, но потом все же выдавил из себя слабую улыбку.

— Ваше превосходительство, прежде чем резать животное, надо удостовериться, что оно проглотило эти часы. Есть ли тому свидетели?

— Он мог их проглотить! — отрезала генеральша Кайманова. — Эта тварь вечно жрет что ни попадя! Прежде чем объявлять о краже, я должна удостовериться, что они не в желудке у этого чудовища! О боже, что скажет муж, когда вернется?!

Она прислонила белую руку к напудренному лбу, но лицо при этом не выразило ни тени эмоции.

— Ватрушка постоянно живет в кабинете его превосходительства, — вставил немец. — И при этом часто глотает блестящие вещи.

Криптозоолог со вздохом снял зеленые очки с переносицы и сосредоточенно стал ощупывать дракона. Ватрушка же, довольный таким вниманием, выгибал спину, пускал слюни и лез целоваться. Сэр Бенедикт вызывал у него явное и непреодолимое обожание.

— Может быть, вы и правы, — наконец нахмурился доктор. — Что-то есть. В природе фуцанлуны заглатывают собственные яйца, чтобы спасти кладку от угрожающей опасности. Он вполне в состоянии проглотить довольно крупную вещь.

— Вы будете его резать? — вдруг срывающимся голосом спросил сын генерала, за что был награжден долгим оценивающим взглядом Брута.

— Очень может быть.

— И он умрет?

— Существует и такая вероятность, — с небывалой жестокостью по отношению к своему обожаемому Потрясателю Земли ответил сэр Бенедикт. — Ваше превосходительство, я заберу дракона? Проводить необходимые процедуры будет удобнее в моем доме.

— Я с вами! — неожиданно для всех воскликнул генеральчонок.

— Что с нами? — странным голосом, будто бы едва сдерживая улыбку, спросил Брут.

— С вами поеду... — насупился мальчишка, — чтобы дракон не сбежал.

— Вы меня очень обяжете, — голос криптозоолога стал медовым-медовым.

VI

Лутфи так и не понял, зачем генеральский сынок напросился с криптозоологом. Всю дорогу высокородное чадо глядело куда угодно, только не на доктора и своего питомца. Чем сей питомец

беззастенчиво пользовался, настойчиво пытаюсь воткнуть в Кусаева свой примечательный зуб. И почему все эти чудища перед Брутом разве что хвостом не виляют, а его камердинера все время норовят попробовать на вкус? Не расслабиться ни на секунду!

Казалось, как только сэр Бенедикт ступил в прихожую своего дома, то вместе со своим старомодным шелковым цилиндром снял и ту чопорность, которую надевал на выезд к пациентам. Респектабельный (или старавшийся казаться таковым) доктор вдруг схватил с крючка на стене вешалку от пальто и, размахивая ей, припустил по коридору с криком:

— Я проткну тебя своим крюком!

Следом весело поскакал Ватрушка, попутно сбив подставку для зонтиков.

Лутфи и генеральчонок только ошарашенно переглянулись и поспешили за ними. В гостиной они обнаружили криптозоолога, стоявшего на кресле, как заправский мальчишка. Вокруг нарезал круги ошалевший от столь необычной игры дракон.

— Ну что вы на меня так смотрите? Вы, Кусаев, ладно... Но молодой человек, как же так? — возмутился доктор, будто чем-то предосудительным занимались его слуга и клиент, а не он сам. — Вы не читали Барри? Крюк? Крокодил? Проглоченные часы?

Полный разочарования, что сценка не удалась, Брут слез с кресла.

— Вы, Кусаев, конечно, можете и дальше считать меня сумасшедшим, а можете взять крайнюю книгу со второй полки книжного шкафа и начать свой путь к просвещенному человечеству. Вы же, молодой человек, пройдете со мной в кабинет. Вашим воспитанием придется заняться лично.

Неизвестно, что подразумевал под воспитанием сэр Бенедикт, но через полчаса генеральский сынок выскочил из кабинета с красным лицом и заплаканными глазами. Обстоятельство крайне странное, ибо такой субъект, как Брут, вполне мог использовать розги в воспитании детей, но обращаться так с сыном клиента — никогда! Тем более с сыном генерала!

— Кусаев!

Будь сэр Бенедикт некромантом, а не криптозоологом, призыв подобной мощи мог бы поднять всех мертвых с окрестных кладбищ — тугоухим не прикинешься. Лутфи вздохнул и с неохотой поплелся на

голос хозяина. Доктор еще ладно, но находиться в одном помещении с в буквальном смысле точившей на него зуб монстрой очень не хотелось.

— Я уж думал, что вы опять валяетесь где-нибудь под дверью, — разыграл приятное удивление сэр Бенедикт. — Пора начинать осваивать азы профессии, если собираетесь быть моим ассистентом... А вы собираетесь, Кусаев, не надо делать скучного лица. Вы собираетесь быть моим ассистентом, потому что я вынужден терпеть неудобства в таких обыкновенных вопросах, как бритье и управление лошадьми.

Лутфи бы поспорил по поводу равнозначности замены, если бы была надежда, что его мнение затронет хотя бы самую тонкую струнку в черствой душе криптозоолога.

— Держите склянку. — Брут протянул только что изготовленную смесь. — Я открываю пасть, вы выливаете в нее микстуру. Все ясно?

Прежде чем молодой человек успел себя остановить, у него изо рта вырвалось:

— Чью пасть, барин?

Осознав ошибку, Лутфи съежился, готовясь вытерпеть поток язвительного красноречия, но сэр Бенедикт на редкость елейным голосом произнес:

— Драконью, Кусаев, драконью.

Доктор показательно погладил Ватрушку, который все это время беззаботно пофыркивал, переводя страшноватые, навывкате, глаза с одного человека на другого. Внезапно Брут зажал фуцанлуну ноздри левой рукой, а правой немного приоткрыл нижнюю челюсть. Слуга на удивление ловко залил содержимое склянки прямо в горло чудовищу.

— Вот и умница. — Сэр Бенедикт отпустил дракона и похлопал его по холке, будто обыкновенного пса. — Лутфи, вы умеете делать массаж?

— Массаж — это когда тело разминают? Эт я могу. — Кусаев щелкнул суставами жилистых пальцев и представил, как сейчас пройдет по мышцам хозяина, припоминая все незаслуженные обиды. Где ж это видано, чтобы тело промять, да без синяков? — Скидайте сюртук, барин!

— Не мне — ему. — Брут указал на своего пациента.

Юноша в полном недоумении взглянул на покрытого костяной чешуей дракона: Ватрушка умиротворенно икал после влитой в него микстуры.

— Если вы не уверены в своих силах, я покажу. — Голос доктора стал еще более мягким и ласковым, и это внушало Луту какие-то неясные подозрения.

Сэр Бенедикт продемонстрировал слуге круговые движения, которыми требовалось массировать шишкообразные выступы на шее монстра, а сам вышел из кабинета, бросив с порога:

— Позовите меня, когда закончите.

— А как я пойму, что закончил?

— Поверьте мне, вы поймете.

Как только дверь за хозяином закрылась, Кусаев начал массаж и обратился к дракону:

— Да вы с ним будто из одного яйца вылупились... но ты дружелюбнее...

Ватрушка рыгнул в знак согласия, обдав проявившего бунтарский дух слугу запахом свежепереваренных куриных тушек.

— Уф, вонища-то какая! Небось, все же не травкой питаешься.

Дракон с видимым удовольствием рыгнул второй раз, и до Лута, наконец, дошло, что имел в виду сэр Бенедикт, — но было уже поздно.

Вместе с третьим звуком чудовищной отрыжки молодой человек получил прекрасную возможность воочию убедиться, что фуцанлуны питаются отнюдь не травкой.

От неожиданности юноша вскрикнул, и на этот звук словно по волшебству в проеме двери появилась голова криптозоолога. Губы доктора оставались твердо сомкнутыми, хотя было видно, что душа улыбалась до ушей.

— Прекрасно, Кусаев, прекрасно! Вот видите, можете, когда захотите! А теперь быстренько приберите помещение — все найденные предметы отмыть и мне на стол. А потом идите мыться сами — дальше я управлюсь без вас.

Молодому человеку ничего не оставалось делать, как только осуждающе поцокать языком. В следующий раз он ни за какие коврижки не сунется к пациентам чудовищного доктора без кожного фартука и в новехонькой одежде. Пусть даже светлейшему сэру Бенедикту придется подождать.

К своему удивлению, Лутфи действительно нашел на грязном полу пару предметов, которые так и не смог переварить этот глупый дракон. Но были это вовсе не часы. То, что слуга протянул довольному криптозоологу двадцать минут спустя, больше походило на детали какого-то механизма.

— А как же часы? — не удержался Кусаев, ибо размер шестеренок в его руках говорил о том, что всеядный ящер проглотил чуть ли не настенные с кукушкой.

— Часы придут позже, — неопределенно махнул рукой сэр Бенедикт, пряча находку в стол. — А как придут, пошлите сразу ко мне.

Эта фраза вконец сбила с толку и так недоумевавшего слугу. Каково же было удивление парня, когда спустя где-то час на пороге действительно появился генеральский сынок, зажимавший в руках золотую луковицу отцовского брегета.

— Отлично-отлично, возвращение блудного сына. — Криптозоолог весело раскачивал императорский подарок на пальце. — Ну что, молодой человек, будем каяться и получать законную порку или разыгрывать комедию дальше?

Мальчишка покраснел до корней волос.

— All the world's a stage... *Вэри вэлл*: мне тоже будет приятнее, если вы сможете сидеть, а я — получить полный гонорар. Не беспокойтесь, завтра я вручу вашей родительнице часы, а потом еще день буду притворяться, что забочусь о здоровье перенесшего операцию фуцанлуна. Вот видите, какой я добрый и отзывчивый дядька — самому тошно. А теперь отправляйтесь-ка домой, господин Кайманов, а то как бы вас родственники не хватились. Опять обвинят какое-нибудь несчастное чудовище. У них к этому склонность.

Когда пристыженный мальчишка скрылся в дверях, перекрывший вентиль своему красноречию сэр Бенедикт некоторое время пристально рассматривал генеральский брегет, а затем вынул из кармана брюк выплюнутые драконом шестеренки и взвесил оба предмета в руках.

— Лутфи, у вас нет, случайно, знакомого кузнеца половчей? — внезапно спросил он.

— Есть, а как же, — добросовестно признался молодой человек и сверкнул щелочками глаз, готовый выторговать какую-нибудь

работенку для своих многочисленных родственников. — В Железной слободе — дядька, брат троюродный в Игнатинской, кум у сестры артель целую держит, да племяшей немерено. Вам какого, собственно, надо, барин? Враз сыщу.

— Целый клан Кусаевых держит в руках Князьгород? — усмехнулся Брут. — Скажите, а все ли ваши родственники в ладах с законом?

— Мы честные люди. — В голосе слуги впервые за долгое время мелькнула настоящая обида.

— Это прекрасно! Я и не сомневался! Разве что совсем чуть-чуть... Знаете, Кусаев, к примеру, в Италии есть такие семьи, которым лучше не переходить дорогу... Я даже на секунду ужаснулся: может быть, мне следует быть с вами предусмотрительнее... Счастлив, что нет препятствия для нашего естественного общения...

— Ну так что с кузнецом-то? — несколько бесцеремонно вклинился Лутфи, уже понявший на собственном опыте, что на отвлеченные темы сэр Бенедикт может разглагольствовать бесконечно.

— Ах, с кузнецом... Вечно меня сбивают с темы праздные болтуны. С кузнецом вот что, Кусаев: возьмите сейчас эти шестеренки и попросите кого-нибудь из своих многочисленных, но добропорядочных родственников сделать с них копии, только не точные, а чтобы одного какого-нибудь зубчика или впадинки обязательно не хватало. Все ясно?

— Да, барин. — Молодой человек взял в руки железные детали. Не ясно было только одно: что затевал этот странный доктор.

VII

Все следующее утро Брут оставался в приподнятом настроении: насвистывал себе под нос и одевался с особенной тщательностью, каковая воплотилась в пышной манишке и брильянтовых запонках с завитками в виде свернувшихся саламандр. Дымчато-розовые очки добавляли образу некоторую инфантильность и светскость. Было видно, что сэр Бенедикт нравится самому себе как никогда.

К дому генерала они подкатили с шиком, по ступеням взошли с достоинством и с мягким снисхождением встретились с его нетерпеливыми обитателями.

— Ах, доктор, ну что?! — бросилась к ним навстречу генеральша, заламывая руки, как в дешевой пьесе.

— Нет никаких причин для беспокойства. — Криптозоолог не менее картинным образом вытянул золотой брегет из кармана и покачал им перед носом дамы.

Генеральша ловко сцапала часы.

Складывалось впечатление, что эти двое сбежали из одного театра.

— О боже, вы кудесник! Наш спаситель! А что чудовище?! Надеюсь, вы еще не успели его похоронить?! Ах как было бы бонтонно сделать из него чучело!

Сэр Бенедикт изменился в лице и несколько растерянно произнес:

— Я думал привезти его к вам завтра...

— Ни в коем случае! Завтра от него уже пойдет душок!

— Ваше превосходительство, вы меня не так поняли — живого.

Тут уж в лице изменилась генеральша. Стало ясно, что кудесник оказался чудотворцем, а чудеса в планах женщины предусмотрены не были.

— Как живого?! Вы же его разрезали!

— Разрезал и зашил! — не моргнув глазом, соврал криптозоолог.

Светская дама неловко всплеснула руками и закатила глаза, но альтернативное решение проблемы пришло к ней моментально, поэтому тщательно отрепетированный приступ чувствительности пришлось отложить. Она подошла немного ближе и, титаническим усилием победив в себе демона восклицательных знаков, предложила:

— Доктор, если эта ящерица так и не оправится после операции, то я буду считать своим долгом заплатить вам сверх гонорара еще и компенсацию за моральный урон, нанесенный смертью пациента.

— Ваше превосходительство, за такую неслыханную щедрость и доброту я готов бросить к вашим ногам все, кроме своей профессиональной репутации. — Сэр Бенедикт отстранился. — Я привезу фуцанлуна завтра, когда вернется его превосходительство. Мы можем обсудить с ним вопрос о компенсации...

Женщина побледнела, потом взяла себя в руки и пронзительно засмеялась:

— Ах, доктор, зачем же утруждать его превосходительство такими прозаическими вопросами?! Я всего лишь хотела сказать, что дополнительное поощрение вы получите в любом случае! Отлично выполненная работа и лояльность к клиенту того стоят!

— Не могу не согласиться! — с энтузиазмом воскликнул Брут и присоединился к неестественному смеху генеральши.

Лутфи, который во время всего спектакля скромно простоял в углу около двери, вспомнил свой единственный поход в зоосад и двух гаденько пересмеивающихся в вольере гиен. Надо сказать, что осмелся он изложить это воспоминание хозяину, то Брут непременно бы похвалил его за образность сравнения.

Когда криптозоолог уже собрался распрощаться с генеральским домом, неожиданно оказалось, что в его стенах вовсе не две гиены, а три. В холле к ним подскочил давешний гувернер-немец, но перемены в его поведении были разительны.

— Сэр Бенедикт, постойте! Я с самого утра вас жду. Хочу извиниться за свое вчерашнее поведение! Как говорят русские, не с той ноги встал. И обидел достойного человека — до сих пор стыдно! — На лице гордого германца неожиданно появилось заискивающее выражение. — Вы же не сердитесь на бедного учителя?

— Ну что вы, как можно? — столь же неожиданно подобрел Брут, так что Лутфи перестал узнавать своего хозяина, и от разительной перемены в этих двоих у него мурашки пошли по коже. — А знаете, мне приходилось бывать в Германии в гостях у знакомого полковника. Вы в армии, случайно, не служили?

— Нет-нет, уввы, слабое здоровье. — Гувернер похлопал себя по не такой уж и слабой груди. — Сэр Бенедикт, я думаю, теперь мы оба знаем правду. Спасибо, что не выдали моего воспитанника. Он хороший мальчик и очень переживает, что из-за него может пострадать животное. Кстати, оно и вправду иногда заглатывает что-нибудь блестящее. Вам ничего не удалось извлечь?

— Удалось, а как же, — легко согласился криптозоолог. — Эти безделушки остались в моем кабинете — завтра передам их генералу вместе с фуцанлуном.

— Вот и хорошо. Не хотелось бы, чтобы потом в пропаже обвиняли прислугу.

Немец раскланялся так же поспешно, как и появился.

— Неаккуратно работает наш друг, ох неаккуратно, — сказал себе под нос сэр Бенедикт, и на его губах заиграла очень неприятная улыбка.

Улыбка эта не сходила с лица криптозоолога целый день: он вытаскивал больной зуб из пасти бедного облезлого грифона и улыбался, собирал на анализ экскременты мантикоры и снова улыбался. Улыбался даже (хоть этого Лутфи уже не имел возможности видеть), в очередной раз затаскивая своего бесчувственного слугу в коляску. К вечеру, когда молодой человек принес хозяину заново выкованные детали (заказанные накануне), улыбка настолько вышла из-под контроля, что даже Анфиса Ксаверьевна почла за благо пораньше удалиться в свою спальню.

— Просто прекрасно! А у меня для вас, Кусаев, еще одно задание. Поскольку сегодня днем вы уже имели удовольствие выспаться, то покарауйте-ка ночью в гостиной, чтобы никто не спускался из комнат и не заходил в мой кабинет.

Лутфи помялся (спать ночью хотелось, несмотря на дневной припадок) и все же осмелился внести рациональное предложение:

— А почему вы не можете попросить Анфису Ксаверьевну и Глафиру просто не входить к вам в кабинет, барин?

— По своей молодости вы забываете, кто они такие.

Лутфи открыл рот.

— Женщины, Кусаев, женщины! Сразу видно, что с иностранным фольклором вы знакомы весьма поверхностно. Знаете сказку о Синей Бороде? Запретить женщине заходить в какую-то комнату — все равно что втолкнуть ее туда силком. Так что возьмите томик сказок из моей библиотеки и бдите на кушетке.

После того как доктор скрылся за дверью своей комнаты, молодой человек некоторое время попереминался с ноги на ногу, потом все же зашел в хозяйский кабинет, взял крайнюю книгу из шкафа, закрыл за собой дверь и примостился на кушетке. Книга, конечно же, не была томиком сказок, а носила мудреное название «Бестиарий любви». Вместо того чтобы следовать разрозненным указаниям сэра Бенедикта, Кусаев решил повышать свое образование систематизированно,

принимаясь за книги по порядку, начиная с левого края нижнего ряда полок.

Первый же абзац подарил ему полчаса крайне запутанной мыслительной деятельности. Второй — и вовсе вогнал в тоску. И только пристальный взгляд Афродиты, будто специально повешенной так, чтобы ее отражение находило гостей даже на стекле серванта в гостиной, не давал молодому человеку комфортно растянуться на кушетке и предаться преступному сну. Через час, когда скучающий читатель превратился в увлеченного листателя (картинки дев, обнимавших различных чудовищ, были не в пример тексту хороши), что-то больно впилося в лодыжку спущенной с кушетки Лутовой ноги.

Кыш!

— Ах ты ж, настырный воротник! Жаль, на шапку-то тебя не хватит!

После их первой встречи кролень, воодушевленный своей легкой и безоговорочной победой, считал Лута существом слабым и недостойным снисхождения. Рогатое чудовище выслеживало нового слугу по всему дому, а выследив, затаивалось на несколько секунд, чтобы потом, опустив к полу рога, с воинственным шипением «кш-ш-ш-ш-ш» броситься в атаку на интервента. Кусаев отбивался как мог, в результате чего постоянно получал нагоняи от кроленелюбивой Глафиры. Глаша — это вам не рогатый комок шерсти, которому можно наподдать туплей по толстой хвостатой попе, Глаша — это боевой дух, периодически утяжеленный веником или скалкой.

Молодой человек не постеснялся воспользоваться преимуществами глухого времени суток и с удовольствием дал кроленю пинка. Рогатый перекувырнулся несколько раз через голову, но почему-то не воспринял эту акробатику как личную обиду — видно, все же в последний момент Лут пожалел его заячью душу и поумерил силу. Вместо того чтобы снова устремиться на врага, кролень заинтересовался полуприкрытой дверью в кабинет криптозоолога.

— Куда! — вскинулся Кусаев, но было уже поздно: толстый меховой зад поюлил и скрылся в совершенно не соответствующей его размерам щели.

Здорово, ничего не скажешь. До этого Луту не хотелось даже задумываться над тем, какие планы вынашивал его полоумный хозяин,

оставляя собственного слугу ночью сторожить кабинет. Что сторожить? От кого сторожить? Непонятно.

— Кусаев, на лестнице эволюционного развития вы стоите еще ниже хомячка-троглодита, которого я только что осматривал. Вы не в состоянии просчитать простейшую цепь событий! Хомячок хотя бы догадывался, что я полезу щипцами ему в пасть, если он сейчас же не выплюнет ошейник соседской таксы. Вы же, Кусаев... Нет, я даже не стану унижать ни вас, ни себя объяснениями, — вот и весь ответ.

И пойми после этого — помешает ли той высокоумной «цепи событий» не в меру храбрый кролень?

Лутфи вскочил с кушетки и просунул голову в кабинет хозяина: страшно и темно, словно во чреве у рыбы-кита. Чудо-юдо тарасилось на молодого человека стеклянными глазами чучел на стенах и безжалостно скрипело настенными часами. Если потом окажется, что это очередная попытка вынудить Лута оставить свежеприобретенное место службы, то сэр Бенедикт явно выдыхается в своей изобретательности.

Подозрительный шорох на подоконнике прервал обличительные мысли юноши. Он пригляделся, ожидая увидеть силуэт неумного кроленя, но вместо него в оконном проеме при свете луны обрисовывалась темная человеческая тень.

«Ах ты ж, вражина ползучая, — удовлетворенно подумал Лут, вытягиваясь вдоль стены и нащупывая правой рукой висевшую над ним битую. — Плесень пронырливая».

Из вышеприведенного мысленного монолога, конечно же, следовало, что домушников Кусаев не только не уважал, но и всячески стремился извести. Наш защитник справедливости и хозяйской собственности плавной тенью скользнул вдоль книжного шкафа и встал за портьерой рядом с окном в ожидании подходящей возможности оставить свой след на физиономии вора.

Домушник попался ловкий: споро расправившись с задвижкой, открыл створку окна, ни разу даже не царапнув инструментом по раме или стеклу. Конечно, знай несчастный, какой прием ожидает его внутри, не рискнул бы так торопиться. Стоило только вражеской ноге поставить свой штаблет на паркетный пол кабинета, Лутфи замахнулся и приготовился впечатать лиходея обратно в оконный проем.

Но не тут-то было: вор не только ушел от замаха, но еще и успел ощутимо ткнуть Кусаева в бок, отчего тот на секунду потерял равновесие. Ухватившийся за шкаф юноша не растерялся и тут же швырнул в преступника первой попавшейся книжкой. Взломщик снова увернулся и, подскочив к Луту, попытался отобрать у него битую. Слуга вцепился в импровизированное оружие обеими руками и продемонстрировал твердое намерение не сдаваться.

— Я сейчас городского крикну! — пригрозил он.

На удивление подействовало: вор выпустил битую. Но не успел Кусаев воспользоваться обретенным преимуществом, как перед его носом оказалось дуло пистолета.

Лут и не испугался толком, просто его тело отяжелело и безвольным кулом стало оседать на пол. Сквозь смыкающиеся веки он увидел длинный росчерк серебристого металла, услышал падение чего-то тяжелого на пол, а затем голос хозяина...

VIII

Кусаев очнулся и резко (до звона в голове) сел, приготовившись куда-то бежать и с кем-то сражаться. Но тут ему в грудь совсем не ласково уперся кончик зонта:

— Воу-воу-воу, не так быстро, о доблестный защитник крепости! Придите сначала в себя, а то уничтожите все живое в своем воинственном запале!

Лутфи торжественно возлежал на диване, сэр Бенедикт расположился в кресле напротив.

— Вор! Тут был вор! Я хотел остановить его, но...

— Заснули? — саркастически спросил криптозоолог.

— Нет... это я уже потом заснул! А до... — Юноша трагически сжал голову, словно и вправду был раненым солдатом, которого товарищи вынесли с поля боя. — Вы там были! Были! Чем вы его остановили?

Брут поморщился, словно слуга только что испортил ему готовящуюся шутку.

— Так вы помните, Кусаев? А нападавшего запомнили?

— Нет, — потупился Лутфи.

— Это хорошо.

— У вас была шпага? — Молодой человек снова поднялся на локтях и обвиняюще посмотрел на хозяина. — Вы все знали и упустили его, барин?

Сэр Бенедикт несколько стесненно кашлянул, будто стараясь замять неловкую ситуацию и не выглядеть трусом.

— Если бы у меня была шпага, я бы его не упустил. А этим можно только пощекотать противника и нарезать сыра в походных условиях. — Неожиданным движением он раздвинул свой зонт у основания ручки и, сняв верхнюю часть (оказавшуюся ножнами), обнажил длинный, тонкий и, судя по всему, очень острый клинок. На лезвии, заботливо поднесенном едва ли не к самым глазам Лута, иностранными буквами была выгравирована надпись «to V.V. from S.H. with gratitude».

Довольный эффектом и снова приобретший утраченное было превосходство криптозоолог вернул лезвие в ножны и отчески наставительным тоном продолжил:

— Не делайте такое удивленное лицо. Могли бы и догадаться, что если совсем не старый (можно сказать, в расцвете юности и здоровья) человек постоянно ходит с зонтом, да еще в любую погоду, то это не просто так. Кусаев, неужели вы подумали, что я мог оставить вас одного, безоружного защищать дом от опасного взломщика? Вы совершенно меня не знаете!

— Уж конечно, вы находились поблизости, чтобы на это посмотреть. У меня еще не было таких равнодушных нанимателей, барин, — мрачно, но совершенно искренне признался Лутфи.

— Если бы вы были чуть умнее, Кусаев, я бы подумал, что это сарказм. А так приходится списывать все на слуховые галлюцинации, — с этими словами Брут милостиво разрешил своему слуге идти спать, так и не затруднив себя объяснением произошедшего.

— А он сам не запрыгнет?

— Кусаев, это земляной дракон, и от нее он не отрывается: не летает и даже не прыгает. Так что поднатужьтесь. Не звать же нам Глафиру — стыдно, право слово.

— Я бы позвал, барин, — отбросив гордость, признался Лут, вот уже целую минуту пытавшийся запихнуть чешуйчатую задницу дракона на сиденье хозяйской коляски. Когда из генеральского дома везли этот шипастый тюфяк, было хорошо: два дюжих лакея, не моргнув глазом, погрузили Ватрушку, а по приезде мифологическое недоразумение вывалилось из экипажа само. Ни Кусаеву, ни тем более его худосочному хозяину не тягаться с теми лакеями. К тому же ситуацию усугублял знакомый дворник, который курил на углу переулка и осенял себя крестным знаменем каждый раз, когда его взгляд падал на картину у входа в двадцать первый дом.

— Дрюшка, смотри! Крокодила грузят! — в довершение прочего раздался детский крик выше по улице.

— Ну все, — уныло вздохнул криптозоолог. — Сейчас они нам здесь устроят...

Видимо, подобная ситуация имела место не в первый раз.

— Придется принимать отчаянные меры, — резюмировал доктор и грозно пошел на дворника. При виде такой решимости работник метлы поперхнулся самокруткой и стал отступать за угол, но был пойман за фартук.

— Ой, матушки светы! — вдруг по-бабьи запричитал бородатый. — Изыди, ведьмак! Именем Богородицы, святой заступницы...

Ведьмак никуда исходить не собирался, а, деловито обшарив карманы дворника, извлек оттуда коробок спичек.

— Вот тебе, Сильвестр, на опохмел, — взамен изъятого сэра Бенедикт кинул дядьке монету. — Чтоб чертовщина всякая не мерещилась.

Дворник икнул, прекратил молитву и, кажется, даже передумал бить земные поклоны в сторону ближайшей церковки.

Вернувшись к экипажу, все еще пыхтящему от натуги Луту и дракону, который вроде как уже успел заснуть, удобно устроив морду на подножке, Брут без предупреждения чиркнул спичкой. Тут же оказалось, что Ватрушка вовсе даже не спит: монстр издал трубный рев, от коего в соседних зданиях затряслись стекла, и, лягнув опешившего слугу в грудь, моментально очутился в экипаже. Криптозоолог поспешил затушить огонь, чтобы земляной дракон от испуга не удрал на другой конец улицы.

Кусаев оказался на мостовой и некоторое время сидел там, обиженно потирая ушибленное место. «Тоже мне, любитель животных», — подумал он, но, вероятно, подумал слишком громко, потому что хозяин тут же откликнулся.

— Кусаев, вам такому обращению с животными еще учиться и учиться. Не задерживайте нас, забирайтесь в экипаж. Ненавидеть меня можно и по дороге.

Расчет Лута на то, что все недомолвки и неясности в поведении сэра Бенедикта разъяснятся в генеральском доме, не оправдался. По прибытии в оный криптозоолог приказал слуге ждать в экипаже и моментально был утянут встрепенувшимся драконом вверх по лестнице меж помпезных колонн. Кусаеву оставалось только рассматривать кариатид под балконами, а так как представляли они из себя баб малопривлекательных и было их ровным счетом четыре, парень быстро сомлел после бессонной ночи.

Разбудил его звон разбитого стекла. Лут встрепенулся, схватился за вожжи, пытаясь принять бодрый вид, и только после стал оглядываться по сторонам. Зрелище разворачивалось захватывающее: через разбитое окно третьего этажа на крышу сноровисто полз не кто иной, как воспитатель генеральских детей. Молодой человек едва успел протереть глаза (а вдруг примерещилось?), как из-за угла соседнего здания вывернула казенная пролетка, доверху набитая городовыми, как телега крестьянина репой, и остановилась около генеральского дома. Бравые широкоплечие молодцы посыпались на мостовую.

— Окружай! Митрофан, заходи сбоку! Живьем брать, гадину!

Услышавший эти крики немец горным козлом припустил по крыше.

— Красиво бежит. — Мечтательный голос хозяина заставил Лута захлопнуть рот. Сэр Бенедикт лихо запрыгнул в коляску, отобрал у Кусаева поводья и тронул лошадь, напевая себе под нос какую-то зловещую песенку про пир василисков. Криптозоолог лучился довольством и только что не посвистывал.

Меж тем дом генерала был уже взят в кольцо темных мундиров, а навстречу им мчалась вторая пролетка, на этот раз с военными, да еще в сопровождении конных стражников. Где-то позади скромный

немецкий учитель, словно завзятый акробат, перепрыгнул с одной крыши на другую. Раздался выстрел. И крик:

— Кто разрешил стрелять? Руки пообрываю — без рук на каторгу пойдешь!

Брут делал вид, что наслаждается солнечным днем, и неспешно правил коляской.

Лутфи сгорал от любопытства и поэтому, видя, что хозяин в прекрасном настроении, рискнул спросить:

— За что это они с ним так, барин? Украл чего?

— Куда уж там, — благосклонно сказал сэр Бенедикт, явно жаждущий восхищения. — Всего лишь пытался застрелить слугу некоего криптозоолога...

«Некий криптозоолог» бросил самодовольный взгляд на своего слушателя, чтобы проверить, достаточный ли эффект произвели его слова, и самодовольство сменилось разочарованием. Слуга доктора, не вынеся потрясения, в очередной раз отключился.

— Жаль... А я был совсем не прочь рассказать эту историю еще раз.

Боттом второго теста

Фуцанлун лежал в кабинете, горестно опустив тупоносую морду на передние лапы. Ему было холодно и одиноко. Хозяин — единственное родное существо во всем доме (да что там, во всей этой чужой стороне) — уехал и оставил питомца одного.

Пестрая самка Хозяина и собственных-то детенышей не особенно привечала, а уж на бедного дракона и вовсе смотрела, собрав белую морду с яркой пастью в презрительные складки. Зашипит: «Склизкая ящерица! Прочь от меня, монстр!», перья расправит, хорошо, если еще накопытником вслед не кинет, — вот и вся ласка.

Ватрушка (это его так Хозяин кликал), надраконившийся понимать чужой язык, в ответ не огрызается, только подумает: «Сама ты монстр». А чем не монстр? Шкуры меняет чуть ли не по три раза на дню, да ладно бы еще нормальные были, как у всех. Так нет же, яркие, что иной раз взглянешь — голова кружится. А запах! Приторный, удушливый. Напоминал этот запах фуцанлуну плотоядные цветы с его родины. Как только Хозяин терпит, любушкой, красавицей своей называет?

Эта любушка из всех существ на свете только одному человеку и рада. Приходит к ним в дом раза три в неделю этакий гуттаперчевый тип, шерсть самке на голове помоем, а затем чешет, чешет, чуть ли не по часу, и в длинные колбаски на голове складывает. Вот после него «любушка» так и светится, так и поет и от зеркала по полдня не отходит.

Детеныши тоже фуцанлуна не любили, а после пары-тройки недоразумений так и вовсе побаивались. Ну и пусть их — все равно на Хозяина не похожи. Старший — длинный и нескладный, смотрит свысока и даже (о, ужас!) осмеливается дерзить Хозяину. А ведь к лапам должен его лнуть и без разрешения головы не поднимать. Пробовал дракон за это как-то прирыкнуть на паршивца, да получил от самки по морде складным крылом, что она все время в руках вертит. Ну что ж, пусть растит сама.

Хозяина только жалко. Вон этот звереныш сейчас в кабинет крадется. Глазами зыркнул на Ватрушку — и к родительскому схрону

шась, пошебуршал с секунду, извлек оттуда тяжелую золотую луковицу на цепочке да спрятал в карман. Дракон даже не пошевелился, вступаться за хозяйское добро не стал. Пусть его, не в первый раз уже. Наиграется — вернет. Да и Хозяин эту вещицу не очень-то жалуется, если и достает, то только тогда, когда со своей самкой по вечерам куда-то выходит.

Другое дело те шесть колесиков — фуцанлун любовно посмотрел на нижний ящик стола, — их его повелитель мог перебирать часами. Вставит в какую-то машинку, а та ну стрекотать, что цикады. И становится Ватрушке от этого стрекота сразу как-то тепло и уютно. За них, за эти колесики, дракон хоть кому руку откусит.

Младший детеныш Хозяина Ватрушке тоже не нравился — болезненный какой-то, хлипкий, скулит то и дело. И все таскает с собой этого отвратительного кота — наглаживает. Тьфу! От шерсти мяукающей твари у дракона першило в горле, а выплюнуть на ковер при хозяйке ни-ни — враз чем-нибудь зашвырнет. Вот и приходилось фуцанлуну тайком пробираться в гардеробную и отхаркивать комки шерсти в детенышеву обувь — в этом случае бранили Маркиза, но швырять в него ничего не швыряли.

Первое время дракон все не мог понять, почему в этой стае так любят мохнатого? И на руки его берут, и за ухом треплют. У него, у Ватрушки, нет этого отвратительного волосяного покрова, кожа гладкая, блестящая, вся в изогнутых завитках — но рук к нему никто не тянет. Наоборот, обходят стороной. Подсмотрел, как Маркиз об ноги хозяйке трется, решил и сам попробовать — может, подберет к нему стая. Выбрал нужный момент, подскочил к самке и провел своим замечательным твердым гребнем ей по нижним лапам, что она под блестящими шкурами прячет, — то-то крику было, то-то ору. Самка чуть потом его на улицу не выставила.

Одна и есть на свете радость — Хозяин. Он появился в жизни Ватрушки внезапно, когда несчастный фуцанлун уже потерял всякую надежду под палящим солнцем на шумном портовом рынке, куда дракона притащили выловившие его в джунглях мелкие желтокожие люди. Покупателей на приземистое некрасивое чудовище было маловато, да и те больше присматривались и норовили потрогать зуб.

Но вот подошел Хозяин, всплеснул руками и, обратившись к своему спутнику, сказал: «Погляди-ка, Филарет Пантелеич, какие у

этой ящерицы на спине завитки чудные! По форме ну точно как моя нянька, господь упокой ее душу, ватрушки пекла». Так появился у Ватрушки новый господин и новое имя. Фуцанлун сразу понял, что купил его человек необычный, должно быть, вожак в своей стае, потому как ходил он всегда на шаг впереди других, а те ему кланялись или так нелепо вскидывали верхнюю лапу к голове.

Ватрушка, насмотревшись на такое поведение, сам попробовал поднимать переднюю лапу — выходило неловко, приземистый дракон едва не падал, но чего не сделаешь после одобрительного смеха Хозяина и его друзей: «А ты, пожалуй, не хуже любого пса будешь. Вернемся в Великороссию, в зоосад не отдам, оставлю дом охранять».

Что-что, а охранять дракон умел — у них, у фуцанлунов, это в крови.

Так Ватрушка поселился в кабинете своего господина. Поиграть удавалось редко, но тут уж ничего не поделаешь. Бывает, засидится Хозяин допоздна над какими-то бумажками, что и дракон рядом у его ног зевать начнет. А Альберт Марсельевич (это имя у Хозяина такое) бесстрашно сунет руку ему в пасть — хватить за язык: «Так-то ты свое сокровище охраняешь». И смеются оба: Хозяин гулким басом, Ватрушка — вертя тупоносой башкой и будто бы отфыркиваясь. То-то хорошо!

Дверь скрипнула. Дракон лениво поднял голову, ожидая вновь увидеть нескладного детеныша, крадущегося, чтобы положить золотую луковицу на место. Но это был вовсе не хозяйский сын. Ватрушка встрепенулся, поднялся на лапы и глухо заурчал.

В драконье логово зашел высокий человек, которого фуцанлун не любил. Пахло от него как-то совсем иначе, чем от других, — чужаком. И опасностью... Вроде бы он должен был следить за детенышами хозяина, только вот в бывшей стае Ватрушки такие самцы ходили на охоту и дрались за право быть вожаками, а не приглядывали за гнездом.

Дракон инстинктивно чувствовал, что нельзя пускать это существо в хозяйский кабинет, и встал поперек дороги, угрожающе оцетинив подвижные пластины на хребте.

— Какой милый услужливый ящер, — рассмеялся человек. За дальнейшими его движениями фуцанлун уследить не сумел — слишком быстро и ловко действовал чужак. В несколько секунд лапы

дракона были оплетены ремнями так, что чудовище не могло двигаться.

— Пстой пока на стреме, — похлопал его по спине воспитатель. — Ты же никому не скажешь?

Ватрушка завыл, хотя и знал, что в этом доме никто, кроме Хозяина, на выручку к нему не кинется. А Хозяин сейчас далеко... Уезжая утром, Альберт Марсельевич крепко обнял питомца, что делал только перед долгой отлучкой.

Чужак тем временем быстро прошел к столу, вытащил из кармана взятый невесть где ключ, открыл нижний ящик, достал оттуда драгоценные зубчатые колеса и засунул за пазуху.

— Ну вот и все. — Он подошел к дракону. — Сейчас я тебя развяжу, а ты веди себя как хороший мальчик.

Ватрушка и правда повел себя спокойно — не дергался. Но как только чужак убрал последний ремень, что есть сил боднул врага по ногам. Тот от неожиданности повалился на пол. Зубчатые колеса выпали и раскатились по комнате.

— *Verdamnte Scheisse!*

Вот теперь самец был явно зол, но фуцанлун уже знал, как поступить: так же, как если бы кто-то превосходящий силой угрожал свежей кладке в гнезде. Дракон подхватил с ковра шершавым языком ближайšie колеса и с усилием проглотил. Зубцы царапали глотку (это вам не гладкая скорлупа яиц), но ради Хозяина можно было и потерпеть.

Чужак взвыл не хуже, чем недавно сам фуцанлун, и что есть силы рванул к последнему колесу, откатившемуся довольно далеко. Ватрушка и тут не оплошал: наступил злодею на переднюю лапу своей, закованной в костяной панцирь чешуи. И пока человечешко хрипел и извивался, ящер добрался до последнего колеса, чтобы поступить с ним так же, как с его собратьями. Затем дракон сел, обвил себя хвостом и удовлетворенно икнул, чтобы тут же не отрыгнуть проглоченное.

Чужак смотрел на него выпученными белесыми глазами и уже даже не пытался ругаться. Неизвестно, что бы он решил предпринять, но тут под окном кабинета послышался шум кареты. Это наверняка вернулась самка Хозяина — и злодей с белым перекошенным лицом был вынужден убраться за дверь.

Ватрушка планировал хранить колеса до возвращения Хозяина, а потом отрыгнуть их ему прямо на колени. То-то обрадуется! Поймет, что нет у него друга вернее и преданнее! Но судьба распорядилась совсем по-иному. Утром следующего дня в доме началась настоящая суматоха. Чужак и самка Хозяина затеяли вокруг дракона какие-то странные танцы: вскидывали руки и причитали.

— Генрих, вы уверены, что вам не показалось?

— Мальвина Фирсовна, вы мне не верите? Блестело у него что-то в пасти. Может, цепь. Вы нашли часы?

— Нет! — страдальчески выла самка. — Что же делать? Через неделю прием!

— Нужно резать. Нужно звать ветеринара, — бросался рублеными фразами опасный человек.

Фуцанлун понял не все, но, когда к нему привели странную черную человеческую самку, очень обрадовался происходящему. Не каждый день встретишь новое существо, да еще такое интересное!

Он не сразу и сообразил, что перед ним именно самка. Самки двуногих без длинных шкур не ходили. Но потом принялся — и оказалось, что пахнет от нее родным гнездом и зверьем, а вовсе не человеком, и еще теми плотоядными цветами, запах которых носила на себе хозяйка, вот какая странная штука. И конечно, разве можно не пойти за таким дивом, ежели позовет? Любопытно же!

Логово у черной самки по имени доктор или сэр Бенедикт было маленькое, чудное и благоухало так, будто через него когда-то прошли все обитатели родных Ватрушкиных джунглей. Но опасаться было нечего, приехал сюда и один из хозяйских детенышей — тот, что постарше.

Сначала фуцанлун подумал, это для его сопровождения. А потом, после долгого разговора, который завела удивительная человечиха, понял: это не просто самка, а одна из самых старых человеческих самок (поэтому и шкура у нее темная, не рябит). Старые земляные драконы занимались обучением молодняка в стае. Вот и эта, хоть Ватрушка и не понял ни слова, преподала мелкому зверенышу важный урок.

— Итак, мой блистательный лицеист! «Честь, достоинство и разум!» — Черная самка как-то нелепо взмахнула длинными конечностями. — Никогда не учился в военном лицее, но всегда

подозревал, что девиз его Князьгородского отделения — всего лишь позолоченные буквы, купленные на деньги богатых родителей. Почему же я не должен резать вашего питомца?

Услышав это, детеныш сначала нахохлился, а затем покраснел, став багровым, как задница японской макаки, которую когда-то продавали вместе с фуцанлуном на одном базаре в порту.

— Просто не режьте его, и все! — воскликнул срывающимся голосом мальчишка. — Разве вам его не жалко?!

— Вопрос не в том, жалко ли его мне, а в том, жалко ли его вам... — Черная самка подошла к детенышу вплотную и уперла ему в грудь палец с длинным ногтем. — Неужели вам не досталось ни капли от крови отца, знаменитого правдолюбца?

У мальчика из глаз потекла вода, и он стал отчаянно размазывать ее лапами по щекам.

— Не глотал он часы! — Всхлип, почти такой же, каким жалуются маленькие драконы, когда им холодно и одиноко. — Это я их взял!

— И что с ними сделали? Надеюсь, не продали? — Самка тут же успокоилась и с видимым отвращением отошла от сына Хозяина. Ватрушке же, наоборот, стало его жалко.

Разве можно быть равнодушным, когда маленький фуцанлун замерзает? Драконы никогда не бросают в беде даже чужих малышей, никогда не дают им плакать в отсутствие родителей. Ящер подошел к мальчику и положил ему голову на бедро, аккуратно потерся, чтобы не задеть выступающими гребешками, — научился уже, не без этого.

— Нет, оставил в залог. — Снова шмыганье и всхлип. — Я думал, что успею вернуть, прежде чем заметят. А тут этот Генрих Франсович! Я не хотел, честно! Но Аполлошка говорит, раз нет денег, давай часы, пока не расплатишься! Я больше в карты играть не буду, вот вам крест! Хотите святыми поклянусь? Только не режьте отцову ящерицу!

— Смотри-ка, какой выдающийся защитник ящериц, — ухмыльнулась черная и вытянула из кармана какие-то бумажки. — Вот, пойдите выкупите эти злосчастные часы, и чтоб к вечеру они были у меня! Да стойте, стойте, господин Кайманов! Не так шустро! Вон там рукомойник в углу — умойтесь сначала, а то на смех поднимет вас ваш Аполлошка.

— Хочешь, скажу, как я догадался? — ласково заворковала самка, любовно протирая ворсистой тряпочкой завитки на шкуре фуцанлуна.

Ватрушке было не интересно, но тряпочка приятно скользила по коже, и он от удовольствия полуприкрыл тяжелые веки: пусть ее болтает, все они, самки, до болтовни большие охотницы. — Сначала меня удивил рисунок девчонки: на нем и генерал, и его сын были изображены с золотой луковицей часов в кармане. У детей, конечно, фантазия особенная, но на такие мелочи не распространяется. Значит, пигалица не раз видела, как ее брат надевал часы Кайманова либо очень похожие на них. Я подумал, что это странно: у такого сопляка, пусть даже и генеральского сыночка, своих золотых часов быть не может, да и родитель вряд ли позволяет ему носить императорский подарок. Вывод: паршивец таскает их без спросу. Ну а уж когда я сказал, что тебя придется резать и, возможно, операции ты не переживешь, выражение лица выдало мальчишку с головой. Вот умница!

Говорливая человечиха почесала дракона за ухом в последний раз и, отойдя к столу, стала смешивать какие-то жидкости, не закрывая пасти:

— Резать я тебя, конечно же, не буду — слава богу, имею некоторое понятие о физиологии фуцанлунов. Но вот одну микстурку выпить все же придется, надо же мне узнать, что за вещь у тебя в зобу и почему до нее так хочет добраться тот подозрительный гувернер. — Темная фигура загремела склянками. — Тебе он тоже не нравится? Скользящий тип. Выправка военная, хоть и пытается сутулиться, чтобы это скрыть. Языки знает отменно — чистейший русский, без акцента, не менее безупречный английский — поверить, что такой подался в няньки, пусть и к генеральским отпрыскам, довольно сложно. А вот что подался в няньки к самому генералу... Взгляд у него цепкий. Подобный человек должен знать о каждом шаге своего воспитанника, в том числе и о махинациях с часами, — я в этом уверен. Тогда вопрос: если он знает, что часов ты не глотал, то почему молчал, когда заговорили об операции? Могу только предположить, что он видел, как ты проглотил нечто другое. И это другое ему очень нужно. Я прав, ваша чешуйчатость?

Ватрушка, естественно, не ответил, и старая самка повернулась к нему спиной, начав смешивать в стеклянной колбе дурно пахнущий раствор.

Если бы фуцанлун знал, что это такое, ни за что не стал бы глотать горькую гадость. И детеныш у черной самки тоже хорош — еще и шею ему массировал. «Нет, — решил дракон, обиженно свернувшись в самом дальнем углу комнаты, — иметь дело с человеческими детенышами категорически нельзя».

Что забрали зубчатые колеса — ладно. Поиграются и отдадут. Безошибочное чутье подсказывало ящере, что в таких вопросах самке можно было доверять.

После неприятной процедуры она положила шестеренки на середину стола, посмотрела на них с секунду и, не удовлетворившись слишком доступным местом для такой ценности, снова взяла в руки, убрала в ящик стола и заперла на ключ. Задумчиво погладила замок.

— Все слишком просто, — пробормотала старая и покосилась на угрюмого фуцанлуна. — Пожалуй, ты отдохнешь в другом месте, а за тебя покараулит Кусаев.

Почувствовав, что к нему обращаются, дракон нехотя поднял голову с лап.

— Нет-нет, даже не возражайте, ваше драконье величество. Мой слуга будет безмерно рад такой возможности.

К счастью, Ватрушка был существом отходчивым. Да и черная самка, казалось, чувствовала за собой какую-то вину, потому что посреди ночи, когда дракону не спалось в чужом незнакомом доме, вдруг позвала фуцанлуна гулять в сад.

Ватрушка хотел сначала повредничать для приличия, цапнуть ее пару раз за непривычно худую ногу. Но сдался, стоило коварной соблазнительнице распахнуть окно. Оттуда повеяло такой свежестью и ароматом ночных цветов, что фуцанлун, будто замороженный, перемахнул через широкий подоконник, хотя сроду ни на что выше ступеней не залезал. В доме Хозяина его не так-то часто выпускали гулять, да еще по ночам.

Самка потушила в логове свет, а затем перелезла за ним следом, держа в руках темное одеяло и свою палку. Оказалось, что дракона звали вовсе не гулять.

— Как вы относитесь к ночевкам на свежем воздухе, о величайший из драконов? — почтительно спросила старая.

Ватрушка относился прекрасно. Он уже и позабыл, каково это — спать на улице, слушать ночные шорохи, стрекот насекомых и уханье

птиц. Правда, в городе ночь была совершенно другой — откуда-то издалека доносился стук копыт по асфальту, а за соседским забором сдавленно хихикал женский голос и что-то шептал мужской.

Черная самка выбрала кусты погуще, завернулась в одеяло и подтянула к себе под теплый бок дракона.

— Ну-ну, не надо об меня тереться, что еще за нежности? — тихим шепотом возмутилась она, когда фуцанлун решил показать ей свое удовольствие от происходящего. — Ваша чешуйчатость, что же вы ластитесь ко мне, будто я самка? Погоди-ка... Нет... Не может быть!

Дракон ничего не понял, но лег поближе, чтобы было теплее, а неугомонная завертелась вновь, будто блохи ее кусали.

— Ну вот посмотри, у меня кадык и щетина. И... хотя, впрочем, этого тебе я показывать не буду... Выдумал тоже, самка! На вот хорошенько понюхай.

Самка зачем-то сунула Ватрушке под нос свою длинную конечность. Старая и костлявая, наверное, мерзла. Дракон вздохнул и в благородном порыве положил на конечность голову, подышал, согревая дыханием.

Человечиха протяжно застонала, видно от благодарности и облегчения, и успокоилась. А Ватрушка почти сразу уснул.

Спустя какое-то время чуткий сон фуцанлуна прервал легкий толчок в бок.

— Не храпи, о сотрясатель земной тверди. Гостей спугнешь, — прошептала черная.

И впрямь, помимо них в саду кто-то был. Дракон подслеповато пригляделся, но тщетно. А когда принялся — сразу опознал. Чужак это! Больше никто так резко не пахнет мылом. Вот он поковырялся чем-то в щели между рамами, растворил их почти бесшумно и скользнул внутрь.

— Приготовься: как ползет обратно, надо его попугать. Пусть лицо покажет, чтоб уж наверняка. Я захожу слева, а ваша чешуйчатость справа.

Самка достала из одеяла палку, раздвинула ее у того конца, на котором была вырезана собачья голова: сверкнул узкий тонкий клинок. Но когда чужак ползет обратно, они так и не дождались, потому что из дома послышался шум и какие-то невнятные голоса.

— Ах ты ж, богатырь былинный! — выругалась человечиха.

Она вылезла из кустов, в три огромных скачка достигла распахнутого окна, подпрыгнула и тоже скрылась внутри дома. Ватрушка за такой резвостью ну никак не мог поспеть. А когда подошел к окну, оказалось, что еще и внутрь самостоятельно залезть не в состоянии.

Вот что у них там происходит?

От беспокойства он издал два или три протяжных трубных рева, но, когда его голос подхватили все окрестные собаки, решил, что этим делу не поможешь. Да и ждать пришлось недолго: спустя всего несколько минут из окна вывалился чужак. Вот тут Ватрушка не оплошал — с разбегу врезался ему толстым лбом в ногу. Уж как недостойный потом хромал до калитки — любо-дорого посмотреть.

А на следующий день черная самка повезла Ватрушку обратно. Сперва дракон упрявился, не очень-то и хотел ехать, потому как у доктора в гнезде ему понравилось, несмотря на вредного детеныша и какой-то мелкий комок шерсти, который с грозным кличем «кы-ы-ыш!» постоянно щекотал его рогами. Но тут самка совершила скверную шутку: чуть не подожгла ящеру хвост. Вот и доверяй после этого человекам!

Ватрушка сначала, конечно, испугался и залез в коляску, но потом насупился — так и лежал на сиденье, прикрыв морду лапами, пока не подъехали к хозяйскому дому.

Еще издали фуцанлун уловил знакомый запах, приподнялся, забыв об обиде, и, не обращая внимания на то, что за ним на поводке мертвым грузом тащится вредная самка, во весь дух припустил по лестнице вверх. Ворвался в прихожую, сбив с ног дворецкого, пролетел через парадную залу, напугав горничную, и шмыгнул в хозяйский кабинет — минуты не прошло. Мог бы и еще быстрее, но черная самка по пути столкнулась с расписной вазой в коридоре, колонной и второй горничной — так что это все ее вина.

А в кабинете уже сидел Хозяин... Ватрушка бросился к нему, но, не добегая шага, припал на брюхо.

— Ах, вот ты где! Чего ж хозяина не встречаешь? — обрадовался Альберт Марсельевич. — Или позабыть уже успел?

Какое позабыть! Обижаешь, повелитель! Ватрушка преданно облизал протянутые к нему руки и даже за палец немного прикусил —

нечего на верных друзей наговаривать.

Но тут Хозяин заметил черную самку и отстранил дракона:

— А вы, сударь, кто? И по какому вопросу?

— Бенедикт Брут, криптозоолог, — слегка поклонилась человечиха, уже успевшая привести себя в порядок после эдакой гонки. — Пришел вернуть вам вашего питомца и еще одну небольшую, но очень ценную пропажу.

— У меня ничего не пропало. Все на месте.

В голосе Хозяина послышалась тревога, и Ватрушка подошел ближе, чтобы защитить в случае опасности. Но никакой опасности не было. Старая лишь достала из кармана платок, развернула его и протянула те колесики, которые недавно отрыгнул фуцанлун.

— Кто вы такой? На какую страну работаете?! — зазвенел голос Хозяина, как когда-то в шторм на корабле. — Британский шпион?

Альберт Марсельевич полез к себе в стол и извлек сначала железную штуковину, которой дракон всегда побаивался, потому что она была способна извергать огонь, а затем точно такие же колесики, как те, что проглотил фуцанлун.

— Увы, смиренный подданный Великорусской империи, — неподдельно вздохнула самка, глядя в дуло наставленного на нее оружия. — Нет у вашего превосходительства нюха на шпионов, не то что у этого великолепного дракона.

Ватрушка ощутил, что на него обратились взгляды людей, и несмело вильнул шипастым хвостом.

— То, что находится в вашем столе, всего лишь умелая подделка.

Хозяин побагровел.

— Судя по выражению лица вашего превосходительства, вы до сих пор не улавливаете суть дела. Позвольте, я объясню все в хронологическом порядке, по-военному, так сказать. — Странная самка без разрешения уселась в кресло для посетителей и закинула одну нижнюю лапу на другую. — Начнем с шокирующего, но очевидного факта: воспитатель ваших детей — агент (скорее всего, немецкой) разведки.

— С чего вы взяли? — Хозяин дернул огненной штуковиной, но самка не испугалась. — Все мое окружение проверено.

— Выскажу предположение, что ваше превосходительство заняты сейчас разработкой новой системы шифрования, — легкий жест в

сторону шестеренок, лежавших на столе, — и заданием Генриха было незаметно скопировать все ваши разработки. Знаете, шпионы так устроены, что их прямо тянет на подобные вещи, как мух... пчел на мед. Не будем его в этом винить — против природы не попрешь.

Хозяина перекосило еще больше.

— Так он сделал копии?

— Не совсем. Давайте все же придерживаться последовательного повествования. Генрих и вправду сделал попытку выкрасть ваше изобретение, и, если бы не этот доблестный фуцанлун, краса и гордость всего драконьего племени, ему бы это непременно удалось. Да простит мне ваше превосходительство маленькую ремарку, прочие ваши близкие не отличаются особенной бдительностью. — Увидев, что Хозяин теряет терпение, умная человечиха предусмотрительно замахала руками. — Хорошо-хорошо, продолжу без ремарок. Ватрушка проглотил детали будущего шифровального аппарата раньше, чем до него успел добраться немец. Но надо отдать должное и Генриху: не стал бы он шпионом, если бы не проявлял долю изобретательности. Этот змей напел вашей супруге, что дракон проглотил золотые часы, подаренные вам императором, и потребовал вскрыть живот несчастному. Чего стоит жизнь одного из редчайших драконов, если на кону подарок его императорского величества?! Вашей почтенной второй половине привили правильную систему ценностей.

Хозяин инстинктивно потянулся свободной рукой к шкуре Ватрушки.

— Именно в этот трагический момент на сцене появился ваш покорный слуга, — громко заклекотала самка и слегка поклонилась. — И, конечно же, моментально оценил ситуацию, забрал дракона подальше от скользких лап оборотня, заставил Ватрушку срыгнуть проглоченное, сделал с колес копии, немного изменив порядок зубцов, и позволил вашему иностранному проныре их украсть и скопировать еще раз — в общем, проявил себя знатным молодцом или преданным подданным своей страны, как вашему превосходительству больше нравится. И все это, заметьте, за крайне умеренную плату.

Альберт Марсельевич отложил огненную пугалку.

— А что же случилось с часами?

— Тут я, к сожалению, не могу удовлетворить ваше любопытство. Замечу только, что для родного сына следует нанимать более ответственного воспитателя, чем иностранный шпион. А теперь позвольте откланяться, меня ждут мои милые чудовища. — Черная самка соскочила со стула. — Нет, не надо, не провожайте. У вас сейчас, должно быть, совсем другие заботы.

Уже у самой двери она вдруг снова обернулась.

— И, ваше превосходительство, позвольте последнее замечание: я не любитель орденов и почетных грамот и, как скромный человек, предпочитаю нескромные банковские чеки.

После того как за настырной закрылась дверь, Хозяин восхищенно пробормотал: «Каков шельмец!» — и, растеряв всю свою солидность, бросился к блестящим раковинам в углу, которые иногда прикладывал к уху, чтобы разговаривать.

Криз

Граф Персиков-Уваровский в защитном колпачке на усах, его жена, урожденная княжна Абrikосова, в чепце и папильотках, их дети — две опухшие ото сна девочки восьми и десяти лет, гувернантка Эмилия Карловна в халате, но с лорнетом, дворецкий Герасим Зосимович в ливрее поверх ночной рубашки и горничная Дуся столпились вокруг белого фарфорового унитаза, прислушиваясь к бульканью воды.

— Вроде бы нет, — несмело сказал граф.

— Ш-ш-ш-ш, — шикнула на него графиня так, что многочисленные папильотки в ее волосах интенсивно затряслись.

— Кажется, что-то булькает, — пискнула гувернантка.

— Ой! — прикрыла рукой рот горничная.

— Булькает! Булькает! — радостно подхватили девочки и запрыгали.

— Герасим, проверь, — капризно приказал хозяин унитаза и всего дома.

Дворецкий нервно пожевал пухлые губы, сделал вид, что закатывает правый рукав, но быстро передумал.

— Вот что, ваше сиятельство, я, кажется, знаю, о ком идет речь в газете, давайте лучше пошлем лакея за специалистом.

За три дня до...

I

Ранним утром Модест Дионисович Хлыщев, вполне уже солидный мужчина сорока одного года от роду, одетый в легкомысленный, но остромодный костюм в клетку с увядшей фиалкой в петлице, висел на ограде дома 216 в Пекарском переулке, вцепившись в железные прутья витой решетки. В таком преглупом положении он провел уже минут десять и даже был обруган

дворником, грозившимся позвать городского, но позиций не сдавал, лишь лицо его, слегка помятое после ночных гуляний, все больше принимало выражение, которое скорее подошло бы несчастному орангутангу в клетке.

Господин этот был небезызвестен в Князьгороде. Семейство Хлыщевых издревле занималось торговлей вином, сырами, орехами и сухофруктами. Дед Модеста Дионисовича даже в шутку назвал своего наследника в честь бога виноделия, чтобы вырос из него легкий в общении человек, достойный продолжатель династии. Но, видно, судьба этого славного рода не сильна была в греческой мифологии. Оттого-то Дионис Лукич вышел субъектом на редкость угрюмым и хватким, что бульдог, сам же сына своего и наследника назвал Модестом, дабы вырос скромным и почитающим родителей. Снедали солидного купца странные опасения: вдруг во втором поколении легкомысленное отчество возьмет да и испортит мальчику характер.

Любой, кто видел Модеста Дионисовича со стороны в это утро, мог подтвердить, что родительские опасения оказались не напрасны: похоже, судьба не знала не только греческой мифологии, но и латыни.

Но вот на пороге дома появилась высокая фигура, затянутая в полосатый спортивный костюм.

— Пс-с-с, пс-с-с, — стал издавать призывные звуки Модест Дионисович, одновременно подтягиваясь на перекладинах ограды. — Бенья...

Полосатый оглянулся, совершенно определенно заметил Хлыщеву, но тут же сделал вид, что никакого господина в клетчатом на заборе нет, ибо рыцари Британской империи не отзываются ни на какое «пс-с, пс-с», а уж имя «Бенья» и вовсе оскорбляет аристократический слух сэра Бенедикта Брута.

— Бенья! — решил, что его призыв был недостаточно громок, висевший.

Чья-то рука тут же схватила его за шиворот.

— А нут-ка, пройдемся, господин хороший, до околоточного. Я ж предупреждал, неча тут прыгать, как обезьян в клетке. Ишь, винным духом-то разит!

Модест Дионисович обернулся и вновь увидел дворника. От того, к слову, тоже потягивало не утренним чаем, но разве возразишь?

— Оставьте, Сильвестр. Это ко мне, — раздалось из-за забора. Полосатый любитель утренних упражнений все же сжалился над знакомцем.

— Кто бы сомневался, — буркнул дворник, отходя в сторону. — Они, когда к барыне ходили, вид имели поприличней. Тьфу!

Мужик был хамского сословия и явно не разбирался в вопросах уместности костюма. Поэтому Модест Дионисович не стал тратить на него время, задиристо одернул пиджак модели «Галант» из французского сукна и повернулся к человеку в полосатом трико.

— Беня, поклянитесь, что оставите меня в живых, что бы я вам сейчас ни сообщил! — полушутливо потребовал ранний гость, ослепительно улыбаясь. Как известно, в каждой шутке есть доля выстраданной правды. Полосатый обитатель дома в Пекарском переулке, помимо того, что был законченным мизантропом, так к тому же еще выбрал профессию криптозоолога. А оттого за любое обиженное чудище мог зарыть злодея в землю по самую шляпу.

— Не получится, я еще не завтракал... Но, учитывая вашу резвость и решетку ограды, вы все равно успеете убежать, — не остался в долгу тигр в клетке. — Выкладывайте уже!

— Там эта ваша амфисбеня...

— Амфисбена! — рыкнул полосатый.

— Неважно, мне так проще запомнить, — отмахнулся от незначительного замечания Модест Дионисович. — Короче, эта ваша двухголовая монстра... с ней что-то не то, она все время спит.

— Спит? Странно, — протянул криптозоолог, и гонец, принесший дурную весть, тут же выдохнул: значит, голову рубить не будут. — Не хотите позавтракать?

— Нет, пожалуй, откажусь... — ответил Хлыщев, еще больше удивленный таким необычайным радушием.

— Что так?

— Ну как же... Анфиса Ксаверьевна... Знаете, я ведь делал авансы... Нехорошо-с...

— А вот Калина Ипатьевич женился на дочке галантерейщика — и ничего, даже приглашение на свадьбу прислал.

— Так если б и я женился... Но увы, место все еще вакантно...

— Тогда ждите, я за вами позже заеду.

Никого ждать Модест Дионисович, конечно же, не стал (не мальчик уже после бессонной ночи стрекозлом скакать), едва переступил порог своей холостяцкой квартиры, так и повалился спать, да еще поругивался, когда надоедливый лакей Мурзик пытался стащить с него, спящего, штиблеты.

Проснулся ночной кутила оттого, что его в четыре руки тащили с кровати, сквозь заспанные веки увидел смуглое лицо с раскосыми глазами и тут же вскинулся (опять кредиторы?), пытаясь припомнить, занимал ли какие суммы у арабов.

— Плесните в этого зас... заспанца из кувшина водой, — раздался знакомый иронический голос. — Поистине живительная влага.

— Беня? — Глаза Модеста Дионисовича наконец-то широко раскрылись.

— Кусаев, не смотрите так удивленно, просто этому человеку сложно выговаривать слова длиннее четырех букв и уже нечего терять в жизни, — угрожающе пояснил давешний обитатель дома в Пекарском, сменивший полосатое трико на угольно-черный костюм похоронного агента с фантазией.

— Уберите от меня вашего сарацина, — проворчал разбуженный, отпिनываясь от загорелого парнишки, все еще держащего его за ногу. — Дайте трудовому человеку поспать...

Закончить фразу Модест Дионисович не успел, ибо тут же щедро получил воды из кувшина — чуть не захлебнулся.

— Вы такой же трудяга, как я Беня. Поднимайтесь.

— Кто это еще такой?! — с возмущением спросил Хлыщев, смахивая остатки воды и кивая на обидчика, державшего кувшин наготове.

— Мой новый камердинер — Лутфи Кусаев.

— Лут... Лут... Судя по выражению глаз, в его имени потерялась буква «п». Хотя скорее всего, это ваше тлетворное влияние...

— Уж вам ли рассуждать на такие темы? Поднимайтесь уже. У меня через два часа пациент.

— Так езжайте без меня, я и ключ дам. — Модест Дионисович попытался снова улечься в постель, но обнаружил, что на подушке теперь мокро.

— Господин Хлыщев, я доверил вам ценную криптиду, и не только ее одну. Вы уверены, что хотите не оправдать мое доверие?

— Так бы сразу и сказали, что напоминаете о деньгах. — Хозяин квартиры вдруг сладко потянулся и стал вылезать из кровати. — Кстати, почему вы мне их все-таки ссудили?

— Кратковременное помрачение рассудка: в тот день я отравился, — будничным тоном сообщил криптозоолог, усаживаясь в кресло напротив кровати.

— Вот уж неправда! — Модест Дионисович спустил ноги прямо в домашние туфли, подставленные расторопным Мурзиком.

— То есть условие не устраивать свой клуб в доме Анфисы Ксаверьевны вам ни на что не намекнуло?

— Такая мелочь могла обойтись и дешевле...

— Ну тогда, возможно, я просто делаю мудрые финансовые вложения, и некоторые из них должны быть с повышенной долей риска и прибыли.

Модест Дионисович не слушал, застыв как замороженный перед раскрытым гардеробом.

— Скажите, Бенья, сегодня солнечно? И распустилась ли уже гортензия?

— Вы еще галстук выберите в цвет глаз!

— Красный? В этом сезоне не ношу.

— Барсик, или как вас там?! — обратился к лакею сэра Бенедикт, не впечатленный хладнокровной шуткой.

— Мурзик, — поправил Хлыщев.

— Макар, — уточнил лакей и, увидев на лице криптозоолога недоумение по поводу того, как в голове его хозяина добротное «Макар» могло превратиться в вредное «Мурзик», уточнил: — Макар Мурзенко. А Барсик — это лакей из клуба.

— Вот что, Макар Мурзенко, ведите своего хозяина умываться, а мой камердинер пока приготовит ему костюм.

— Бенья, не делайте этого! У парня ко мне счеты! — кричал из ванной обитатель квартиры, пока, судя по звукам, верный и необидчивый Мурзик плескал ему в лицо водой.

— Ну хотите, я сам выберу? — услужливо предложил сэра Бенедикт и тут же с усмешкой услышал в ответ, что Лутфи Кусаев, вообще-то, Модесту Дионисовичу нравится и заслуживает всякого

доверия, даже такого безоговорочного, которое надобно для выбора костюма.

Лут, облеченный властью распоряжаться чужим внешним видом, сунул крючковатый нос в гардероб и понял, отчего хозяин одежды вглядывался в его бездны с таким отрешенным лицом. Выбор цветов и фасонов просто оглушал, особенно после шкафа криптозоолога, в котором царила непроглядная полночь и только что филины не ухали (зато один раз с пронзительным писком вылетела чупакабра, умудрившаяся сбежать из собственной клетки).

— Кусаев, вы не в музее, — вернул зачарованного камердинера на землю голос Брута.

Лут быстро схватил вешалку с золотисто-коричневым костюмом в едва заметную точку, ибо сам втайне уже давно мечтал сменить рабочую одежду на нечто похожее, и добавил к нему кремового цвета рубашку с шелковым шейным платком.

Уже через десять минут они совместными с Мурзиком-Макаром усилиями упаковали во все это великолепие Модеста Дионисовича и даже успели выставить того за порог квартиры.

От дома, где квартировал Хлыщев, до коляски криптозоолога было всего несколько шагов, но и за это незначительное расстояние владелец загадочного клуба и одежных богатств успел поймать свое отражение в витрине шляпной мастерской, что располагалась на первом этаже, и ослепительно улыбнуться самому себе.

Молоденькая мастерица за стеклом, пытавшаяся приладить на болванку соломенное канотье, вдруг уронила товар на пол и залилась нежным румянцем, но обладатель убийственно белого зубного ряда не обратил на это ни малейшего внимания.

— У вашего камердинера вкус не в пример лучше вашего. Но чего-то не хватает... — протянул Модест Дионисович, глядя на свое отражение. — Может быть, успеем заглянуть к цветочнику?

Сэр Бенедикт усмехнулся как-то особенно ехидно, вдруг согнулся пополам, выдрал пробившийся по краю мостовой молоденький лопух и, воткнув сию бутоньерку в петлю на лацкане спутника, ободряюще хлопнул того по плечу:

— Вы улавливаете аллегорию?

— Значит, не зайдем, — покорно сказал Хлыщев, видимо уловив.

Не так давно появившийся, но уже весьма знаменитый клуб Модеста Дионисовича расположился в красивом особняке на набережной одного из каналов реки Серебристой. Дом возвели пару лет назад, оттого и смотрел он на улицу широкими окнами с резными ставнями в стиле ар-нуво, а решетчатая ограда единственная в квартале не охранялась каменными львами или иным каким бездарно изображенным чудищем. Пожалуй, только это возмутительное обстоятельство вызывало неудовольствие сэра Бенедикта, как одного из главных инвесторов сего коммерческого предприятия, в остальном же к постановке дела придаться было практически невозможно.

Так хотелось верить Хлыщеву...

— Отчего он так яростно пучит глаза? — тут же спросил доктор, с удивлением и опаской разглядывая лакея, поспешившего к ним на входе, чтобы принять зонт и шляпу.

Модест Дионисович даже вздрогнул от неожиданности. Сам он в это время ревниво поглядывал на Лутфи, единственного нового человека в их компании, еще не знакомого с клубом. Произведет ли обстановка впечатление на дикого «сарацина» или нет? Как не произвести? Где еще в Князьгороде сейчас увидишь столько стекла и мозаики? А фонтан посередь главного зала? Такое место не стыдно и в Петерграде открыть.

Но шельмец посматривал на все сонными узкими глазенками и даже не думал раскрывать их в приступе изумления.

И впрямь не то что вышколенный лакей Барсик... Когда это придирчивый иностранец успел опустить свою планку так низко?

— Для обучения персонала я нанял распорядителя из «Монблана». А ну-ка, Барсик, как он вас муштровал? Каков секрет обращения с важными господами?

— Пожирай глазами командира! — бодро отрапортовал лакей с очередным кошачьим именем, теперь уже пуча круглые глаза на хозяина. — Он тебе слово — а ты смотри на него как на ясно солнышко!

Сэр Бенедикт проникся и спросил уважительно:

— Распорядитель-то никак из армейских?

— Десять лет солдат муштровал да еще десять при покойном великом князе состоял. Это вам не просто так полотенчико на локте держать.

— А не ведет ли он индивидуальные занятия? — Брут с сомнением посмотрел на своего слугу, кивнул на пучеглазого Барсика и изрек: — Вот, Кусаев, перенимайте положительный опыт.

К счастью, озабоченность образованием собственного камердинера быстро отступила на второй план, стоило криптозоологу заметить гигантский аквариум, расположившийся у дальней стены.

— Почему он стоит в таком странном месте? — Сэр Бенедикт едва ли не перескакивал через ломберные столики, несясь навстречу своей драгоценной пациентке. — Я зачем вам его дал?

— Затем, видимо, что в гостиной Анфисы Ксаверьевны нет места для большого аквариума, — не спасовал Модест Дионисович, демонстрируя все тридцать два замечательных зуба и не меньшую скорость передвижения по залу с препятствиями.

— Я дал вам эту дорогую криптоиду...

— ...купленную за пять рублей после смерти ее предыдущего владельца, — припомнил нынешний счастливый обладатель аквариума.

— ...чтобы вы достойно оформили клуб и могли привлечь этой диковиной самых тонких ценителей экзотики.

— Но как же привлекать, если она все время спит?

Собеседники достигли аквариума почти одновременно и приникли к его весьма обширному стеклу.

В воде мерно покачивалась, поджав короткие лапы, тускло-серая амфибия с человеческую руку длиной. Странное чудовище обладало двумя головами, расположенными по обеим сторонам туловища, и ничем в своем внешнем виде не наводило на мысль, что его можно использовать для украшения зала в дорогом и модном клубе.

Сэр Бенедикт приблизил лицо к краю аквариума, потянул носом и вдруг спросил:

— Вы воду пробовали?

— Был у нас гость, что под утро пытался пить из аквариума. Но я бы сказал, что это частный случай, — с неудовольствием признался Модест Дионисович, державший свое заведение по высшему разряду.

— Кстати, очень даже зря... — Криптозоолог подошел к хрустально посверкивающей пирамиде, сложенной из только что вымытых бокалов, снял под осуждающими взглядами официантов верхний и, видимо вознамерившись повторить подвиг неизвестного гостя, зачерпнул содержимое аквариума.

— Вкусно? — недоверчиво спросил сморщившийся хозяин. — Бенья, если что, я для вас бы и токайского красного не пожалел.

— Бодрит, — с видом знатока оценил Брут. — Амфисбена выделяет особый яд, который в малых дозах действует как отличное отрезвляющее средство и избавляет от похмелья.

— Да неужели? — обрадовался Модест Дионисович, до этого момента украдкой прижимавший пальцы к левому виску, подхватил второй бокал и тоже зачерпнул из аквариума, несмотря на явно осуждающий взгляд одной из голов амфибии. — М-м-м, тиной отдает...

— Зная ваши способности, я предполагаю, что вы могли бы сделать из этого неплохой аттракцион и удвоить продажи спиртного, — намекнул ушлый иностранец.

— И не только тиной, — еще задумчивее сказал Хлыщев, от удивления пропустив мимо ушей не только дельный совет, но и такое редкое чудо, как комплимент криптозоолога.

Сэр Бенедикт также попробовал еще раз, покатав воду на языке, будто действительно пытаюсь раскрыть букет винного вкуса.

Взгляд «Амфисбени» из аквариума стал сумрачным, будто криптоида начала подозревать, что распробовавшие напиток партнеры сейчас осушат емкость, считающуюся ее домом, до дна.

— Спирт! — вынес свой вердикт Модест Дионисович.

— Спирт, — подтвердил Брут. — Тогда неудивительно, что амфисбена такая вялая... Кусаев!

IV

После великодушного предложения «перенять опыт» Лутфи, не будь дурак, так и остался стоять около двери рядом с выпучившим круглые глаза Барсиком. Впрочем, уже через пару секунд глаза эти

перестали казаться такими круглыми и вернулись к обычному человеческому, а не кошачьему виду.

— Ты зенки-то пучь-пучь, но своего не упускай, — щедро поделился с новоприбывшим полученной мудростью лакей.

— А? — удивился Кусаев, от такой науки позабыв, что раскрытыми надо держать глаза, но никак не рот.

— Эх, ну и повезло тебе, пацан. С твоим хозяином не пропадешь, — искренне позавидовал Барсик. — Наш-то в долгах как в... во французских костюмах.

От такого неожиданного заявления Лут раскрыл рот еще шире, и на загорелом лице его стало явно написано, что если уж с кем и пропадешь, то это с сэром Бенедиктом.

Но беспечному Барсику было невдомек, сколько шипастых, клыкастых, ядовитых и всяко-разно смертельно опасных тварей успел перевидать его молодой собеседник за время своей недолгой службы.

— Слышал, он тебя на «вы» называет, — уважительно протянул лакей. — Как это ты так, брат, себя поставить сумел? Поделись секретом.

Кусаев приосанился, одернул пиджачишко и только собрался в красках описать, какой незаменимый из него помощник, как в поле его зрения попали Бенедикт Брут и Модест Дионисович, с энтузиазмом распивающие один аквариум на двоих.

— Чего это они? — севшим голосом спросил Барсик и с недоумением потянул себя за рыжие вихры.

Лут, повидавший еще и не такое, отнесся к происходящему с показным хладнокровием, а для укрепления только что обретенного авторитета пояснил:

— Чайный гриб знаешь?

Лакей кивнул.

— Ну вот.

— Так она же живая!

— А ты хочешь воду пить после мертвой? — резонно ответил Кусаев, перенявший у нового хозяина не столько ценные сведения по обращению с криптидами, сколько ироничный тон.

— Кусаев!

Голос Брута заставил Лутфи вздрогнуть и осознать, что в ближайшие пять минут он неминуемо лишится не только

вышеупомянутого авторитета, но и остатков собственного достоинства.

Его самые мрачные предчувствия не замедлили оправдаться.

— Кусаев, достаньте амфисбену и помойте ее, пока работники клуба осушают аквариум.

Деваться было некуда. Памятуя о том, что в спину смотрит Барсик, Лутфи молча снял пиджак, закатал рукава рубашки и, открыв саквояж криптозоолога, в котором с недавних пор появилось и его собственное отделение, достал оттуда длинный фартук.

— Где вы взяли этого парня? — уважительно спросил Модест Дионисович, наконец-то по достоинству оценив нового камердинера.

— Просто повезло, — сквозь зубы процедил сэр Бенедикт, и, кажется, из присутствующих только Кусаев уловил неоднозначность интонации.

— А я думал, что подобные сокровища просто так на дороге не валяются.

— Валяются, еще как валяются... — На этот раз сарказм Брута можно было резать ножом и подавать на тарелках как острое блюдо.

По опыту, выстраданному Лутфи за прошедшие несколько недель, прежде чем подходить к незнакомому чудищу, следовало сперва выявить наиболее опасный его конец, будь то хвост или пасть с клыками. Но именно Амфисбеня (Кусаеву по определенным причинам очень нравилось прозвище, изобретенное Модестом Дионисовичем) нарушила стройность с такими опасностями выведенной теории: голов было две.

С какой стороны ни возьмись — вцепится. Прямо как некий криптозоолог, в честь которого и была названа эта уродина.

— А она не кусается? — осторожно спросил Лутфи.

— Кусаев, ну что вы, — очень ласково ответил сэр Бенедикт, так что камердинер вновь поймал на себе завистливый взгляд Барсика. — Вы только посмотрите, у нее же и зубов нет.

Парнишка и впрямь глянул в один из приоткрытых ртов чудовища, но вид гладких рыбьих десен со щеточкой усиков на конце успокоил его не больше, чем приторный тон доктора.

Наконец, поразмыслив пару секунд, Лут выдохнул, резко опустил руки в аквариум и схватил амфибию за туловище, аккуратно на равном расстоянии от голов. Хотелось зажмуриться, но парень строго-

настрою запретил себе такую глупость — последнее дело закрывать глаза перед лицом опасности... вернее перед мордой, особенно когда этих морд две.

Амфисбена, казалось, даже не заметила, что ее вытащили из воды. Она вяло двигала лапами и так и не удосужилась открыть хотя бы один из четырех глаз.

— А где ее можно помыть? — уточнил Лутфи, осторожно спускаясь с лесенки, которую держал для него ошеломленный Барсик.

— Да хоть в фонтане. — Сэр Бенедикт указал на впечатляющее сооружение посреди зала, которое в дневное время лениво журчало струйками воды.

— Пойдите, — вмешался Модест Дионисович. — Зачем же в фонтане? Он не для этого здесь стоит!

— То есть вашим пьяным гостям в нем купаться можно, а бедной маленькой амфисбене, которую они отравили, нет?

— Ну если так ставить вопрос...

— Зачастую ответ зависит только от правильной постановки вопроса. Кусаев, мойте, а я пока прослежу за заменой воды.

Лутфи послушно направился к фонтану, неся вялую криптоиду на вытянутых руках. Пожалуй, амфисбена начинала ему нравиться.

Дно фонтана оказалось сплошь выложено мелкой мозаикой, изображавшей веселую пляску многочисленных козлоногих существ и полуголых дев. Стоило опустить амфибию в прозрачную воду, как монстра начала лениво двигать конечностями. Шевеление было слишком неспешным, чтобы отвлечь Кусаева от разглядывания занятных сцен между фавнами и нимфами, поэтому он замер не меньше чем на минуту, притворяясь, что усердно купает страшилище.

— Вашему камердинеру определенно нравится мой фонтан, а вы говорили, пошлость, — заметил Модест Дионисович сзади, и даже по голосу было слышно, что ферт улыбается своим фирменным оскалом.

— Это как раз подтверждает то, что я был прав, — отрезал сэр Бенедикт, и Лутфи встрепенулся.

Досадуя и на себя, и на языкатого хозяина, парнишка начал усердно полоскать Амфисбеню в бассейне, благо та и не думала сопротивляться. Через пять минут активных водных процедур Кусаев собрался было уже вытащить криптоиду наружу, как вдруг по гладкой мелкочешуйчатой шкуре проскользнули два зеленых огонька... Затем

полыхнула красная полоска, голубая — и уже через секунду амфисбена запереливалась разными цветами так, что Лут чуть не упустил ее в фонтан, но вовремя спохватился.

Затаив дыхание, камердинер поднял сие чудо перед глазами и замер на несколько секунд, любуясь. В этот момент, сам того не осознавая, он до мельчайших подробностей скопировал поведение сэра Бенедикта, имевшего обыкновение таким образом восторгаться небольшими и по разным причинам симпатичными ему криптидами.

— Кусаев, надеюсь, у вас нет еще и эпилепсии. Не подумайте, что я черствый, просто амфисбене противопоказано падать с большой высоты. — «Сердобольный» хозяин и тут не упустил случая, чтобы сыронизировать. Зря старался. Как ни странно, уже по окончании первой недели службы засыпать на ходу Лутфи стал гораздо реже. Нервная система его пробовалась на прочность ежедневно, если не ежечасно, и оттого становилась все закаленной.

— Она такая... такая... интересная! — с несвойственной ему восторженностью воскликнул камердинер, пропустив мимо ушей почти все реплики криптозоолога.

— Это будет странно, но я с вами не соглашусь, — ответил сэр Бенедикт. Отсутствие восхищения пациентом действительно было настолько не в стиле доктора, что Кусаев даже оглянулся на хозяина. — Это просто красивая живая лента, без особого интеллекта. Я дал ее господину Хлыщеву единственно для того, чтобы он эффектно разграничил пространство.

Когда Лут обернулся к амфисбене, она вновь изменилась и теперь излучала совершенно однотонный цвет.

— А что означает желтый... сэр? — с любопытством спросил он.

Узнать этого слуга не успел, ибо раздался странный чмокающий звук, будто кто-то открыл банку.

Кусаев с удивлением опустил глаза и увидел, что криптида, точно гигантская пиявка, присосалась к его незащитному предплечью.

— Желтый цвет означает, что она хочет есть, — как ни в чем не бывало сообщил криптозоолог, но Лутфи уже ничего не слышал, плавно оседая на пол.

— Очень впечатлительный молодой человек, — сообщил всем присутствующим сэр Бенедикт, наклонившись и почесывая амфисбену под жабрами, отчего та с уже знакомым смачным чмоком отлипла от

руки камердинера, оставив на ней лишь слабый розоватый след. — Но я его тренирую в меру своих скромных возможностей.

— Я вижу, — ошеломленно откликнулся Модест Дионисович. — Бенья, можно я к вам на практику буду отправлять провинившихся? Зачем нам этот «Монблан» с его распорядителем?

Впечатленный Барсик инстинктивно замотал рыжей головой, что нет, дескать, нельзя, и криптозоолог неожиданно с ним согласился:

— Боюсь, что мое наставничество вам не по карману.

Он взял амфисбену словно свадебный рушник и торжественно погрузил ее в пока еще пустой аквариум.

Первым, что увидел Лут, придя в себя, была жмурящаяся от удовольствия амфибия.

Бледный и слегка вспотевший Барсик лил на монстру воду из ведра, а та вновь переливалась всеми возможными цветами, будто сумасшедшая радуга, заключенная в аквариум.

— Кусаев, я рад, что вы к нам все же присоединились, — приветствовал его Брут. — Не объясните причину вашего столь продолжительного отсутствия?

Вид у доктора был наигранно озабоченный, он даже приподнял стекла голубых очков, чтобы лучше видеть лицо своего камердинера.

— Я думал, она меня...

— Она вас что? Засосет? Проглотит целиком?

Лутфи смешался.

— Кусаев, надо проявлять чуть больше любопытства ко всем встречающимся на вашем пути криптоидам. Они же интересуются вами...

— Как? Пробуют на вкус?

— Ну что ж поделать, если это их способ познавать окружающий мир. Вы уже после аукциона, на котором мы приобрели амфисбену, могли бы уделить внимание столь необычному существу. И сейчас бы знали, что она добывает себе пищу, фильтруя воду. И эта ценная информация помогла бы вам избежать очередной шишки на затылке.

Лут потрогал голову и, нащупав набухающий бугор, поморщился, но скорее не от боли, а от особенно нудных нотаций хозяина.

— А все, что вас заинтересовало, это кусается ли амфисбена. Любой школяр спросил бы больше.

— Беня, да бросьте. Парнишка только-только пришел в себя, а вы сразу на него насели, — усовестил компаньона Модест Дионисович, помогая Кусаеву подняться на ноги. — Проявите деликатность.

— Уж извините, таким недугом не страдаю, — развел руками криптозоолог.

V

Следующее утро сэра Бенедикта не только к его собственному удивлению, но и к шумному неудовольствию дворника Сильвестра началось точно так же, как и предыдущее.

И уже через час криптозоолог снова стоял перед длинным аквариумом в клубе Модеста Дионисовича, а хозяин заведения оправдывался словно школяр, второй раз за неделю разбивший стекло в классе:

— Я уже всем официантам сказал следить, чтобы никто не сливал лишнего в аквариум, и сам приглядывал! И ничего, никто ни с бутылкой, ни даже с бокалом не подходил! Разглядывать разглядывали, по стеклу стучали, но и только. А между тем — опять! Пьяный сонный Амфисбенья, и от воды водкой тянет... Моей водкой! И еще... все лакеи почему-то пить повадились из вашего аквариума! Дурной пример заразителен!

— То есть, — резко перебил его криптозоолог, — вы хотите сказать, что это амфисбена сама начала вырабатывать спирт? Предаваться мечтам, конечно, не вредно, ведь тогда все мои вложения в нее оправдались бы тысячекратно, но давайте будем реалистами. Вы и ваш персонал просто крайне невнимательны.

— И что же делать? Беня, приходите вечером в клуб, а? Покараулите...

— Покараулю. — Сэр Бенедикт великодушно кивнул. — И не я один. Меняйте воду. Кусаев!

Если криптозоолог ожидал, что Лутфи испугается подойти к амфисбене во второй раз, то не на того напал. Парень расставил руки пошире и схватил криптоиду почти у самого основания голов с каждой

стороны — таким образом эта тварь не сможет сделать ни одного неконтролируемого движения.

Вытянув Амфисбеню из аквариума (а в такой растопыренной позиции это было довольно непросто), Кусаев торжественным шагом направился к фонтану. Следом семенил Барсик, впечатленный смелостью своего нового знакомца, не затрепетавшего прикоснуться к монстре после печального опыта.

— Слушай, мы вчера воду в аквариуме пробовали, — доверительно сообщил он Луту, наклоняясь вместе с ним к фонтану. — Невкусная...

— Зато полезная, — парировал молодой знаток чудовищ, закусивший губу от напряжения: полоскать криптиду в таком растянутом положении было ой как нелегко. — На вот, поддержи.

Барсик с ужасом взглянул на протянутую в его сторону одну из голов амфисбены.

— А если она меня того?

— Да не бойся, оно еще полезней, — тут же нашелся Кусаев, решивший завербовать себе помощника любой ценой. — Вон у меня на руке посмотри, бородавка была, и синяк чуть пониже, после этой твари все как рукой сняло.

Не было, конечно же, у предприимчивого Лутфи на руке никакой бородавки, а синяк — тот сам за давностью из зеленого стал желтым. Но если уж говорить честно, то и никакого особого вреда (не считая приступа нарколепсии и слегка уроненного авторитета) беззубый укус ему тоже не принес.

Лакей замялся на пару секунд, но, видно, любопытство все же пересилило, и он аккуратно перехватил правую голову амфисбены у Лута.

Дальше дело пошло веселее. Освободившейся рукой Кусаев старательно намывал бока и спину чудовища, пока по шкуре вновь не забегали цветные искры.

— Очухалась, — сообщил он, но это скорее было предупреждением, чем радостной новостью. Камердинер перехватил доставшуюся ему голову покрепче, чтобы не упустить того момента, когда чудовище приобретет однотонный окрас.

И вот Амфисбеня стала желтой...

Не веря своим ушам, Лутфи услышал знакомый чмокающий звук и тут же скосил глаза на другой край чудовища.

Там обнаружился Барсик, с преглупым видом прижимавший ошалевшую криптиду к своему голому боку, задрав рубаху и форменный жилет.

— Ты что, дурак? — спросил Кусаев и даже покрутил пальцем свободной руки у виска.

— А чо сразу дурак? — обиделся лакей. — Мне родинка на боку мешает.

Свободная рука Лута перестала крутить обидный жест и легла ему на лоб, изображая полнейшую безысходность. Хотел парнишка вернуть любимое Брутово «дурная голова тебе мешает», но вовремя сообразил, что все началось с другой дурной головы — его собственной.

— Да что ты переживаешь, вчера твой доктор под жабрами ее почесал, она и отлипла, — успокоил его Барсик.

Лутфи потянулся чесать, но где их там найдешь, эти жабры? Пока сосредоточенно ощупывал шкуру, так увлекся, что упустил момент, когда вторая голова все еще ярко-желтой амфисбены вдруг вывернулась из его захвата.

Чмокающего звука не последовало...

Все потому, что на этот раз в пасть криптиде попала Лутова штанина. Монстру, впрочем, это несколько не смутило, и она с энтузиазмом стала втягивать ткань в себя.

Купание амфисбены вышло долгим, и аквариум был заполнен чистой водой раньше, чем в нем вновь обосновалась его обитательница.

Сэр Бенедикт удовлетворенно покивал, не обращая внимания на нешуточную борьбу, происходящую около фонтана. Модест Дионисович же то и дело обеспокоенно поглядывал ему через плечо.

— Не обращайтесь внимания, мой камердинер еще осваивается. Если не хочет учиться на чужом опыте, пускай приобретает свой. — Криптозоолог на всякий случай продегустировал чистую воду из аквариума и задумчиво потер подбородок.

— Но это не опасно?

— Разве что для амфисбены... Принесите мне соль, — неожиданно потребовал доктор.

— И лимончик? — подсказал Хлыщев, уже ничему не удивляясь.

— Нет, только соль. Да не в солонке, а побольше...

Когда требуемый продукт был доставлен, криптозоолог зачерпнул горсть прямо из мешка и щедро высыпал в аквариум.

— Это еще зачем? — спросил хозяин заведения.

— В соленой воде амфисбены становятся агрессивны и бурно реагируют на каждое враждебное действие, — пояснил сэр Бенедикт.

— Она и так не слишком дружелюбна. — Модест Дионисович кивнул на криптоиду, умудрившуюся одним концом вцепиться в штанину Кусаева, а вторым в бок Барсика. Но Брут показательно игнорировал происходящее, хотя вид странно сцепленных, ругающихся и приплясывающих слуг был как минимум занимателен.

— Как только в аквариум попадет что-то из спиртных напитков, криптоида даст вам знать.

— Каким образом? — с понятной опаской спросил Хлыщев.

— Вы не пропустите, — убедил его Брут.

— Ой, Беня, давайте уж лучше вы не пропустите, — взмолился владелец клуба.

— Раз обещал, приду, — уверил его криптозоолог. — Надо же мне посмотреть на щедрого собутыльника вашей криптоиды.

— Только вам одному нельзя...

— Возьму Кусаева. — Сэр Бенедикт кивнул через плечо, где его камердинер, кажется, уже нащупал у амфисбены жабры, и это обстоятельство внушало надежду, что на вечер Лутфи сможет отправиться не в связке с Барсиком.

— Вас должна сопровождать дама, таков обычай клуба.

— Что за нелепое заведение! — возмутился Брут и даже замахал руками, хотя в обычном состоянии приступов жестикуляции с ним не случалось.

— Беня, вы что, не знали? Женщина — двигатель торговли!

— Вы путаете с рекламой!

— Я не путаю, я смотрю вперед. Посетитель со спутницей дает в три раза больше прибыли. А уж атмосфера соперничества и кутежа, которую создают дамы... не стоит и рассказывать...

— Кутежа? — поразился сэр Бенедикт.

— Вы же не думаете, что к нам приводят жен и матерей? — дробно засмеялся Модест Дионисович. — Не вздумайте приглашать

Анфису Ксаверьевну, знаю я вас. Ну-ну, не пугайтесь вы так и не волнуйтесь. Неужели я не найду для своего бизнес-партнера барышню?

— К-какую еще б-барышню?! — Брут вытер белоснежным платком лоб и даже начал заикаться.

— Веселую... — многозначительно сказал Модест Дионисович и подмигнул.

— Ну если веселую... — Криптозоолог резко успокоился и разрешил: — Так и быть, ищите.

VII

Впервые за прошедшие два дня Модест Дионисович появился в Пекарском переулке как полагается солидному господину: не на своих двоих, а на извозчике, да еще в сопровождении очаровательной спутницы. Теперь он мог себе позволить снисходительно посмотреть на дворника Сильвестра, да еще и кинуть ему пятак (специально припасенный для этой бдительной бородатой рожи). На, дескать, человек высокого полета прошлых обид не помнит, к слабостям ближних своих относится с пониманием (не то что некоторые сиволапы).

— Милейший, сообщи-ка сэру Бенедикту, что его карета подана.

Мужик пятак поймал и даже в карман сунул, но нужного воздействия сие обстоятельство не оказало.

— А ты с забора еще разок покричи, авось выйдет, — посоветовал он, хотел плюнуть себе под ноги, но удержался — жалко стало выметенного тротуара.

— Ну ничего, мы подождем. — Хлыщев ослепительно улыбнулся. — Коня вон яблоками покормим, хороший конь-то, ест много. Пищеварение у него, значит, отличное.

Сильвестр все же плюнул, забранился в бороду и, махнув на «барсучье отродье» рукой, пошел по направлению к флигелю. Но тут дверь отворилась, и на крыльцо, как всегда в нужный момент, вышел сэра Бенедикт, облаченный в неизменно черный костюм. Видимо, для того, чтобы подчеркнуть, что выход вечерний и не сбавлять градуса

ошеломления, производимого его персоной, весь наряд криптозоолога был обшит по швам короткими черными перышками, в свете заходящего солнца отливавшими металлической зеленью.

Став свидетелем такого шокирующего явления, дворник заругался еще сильнее (на этот раз в словесном потоке то и дело проскакивал «выхухоль басурманский») и заторопился в обратную сторону, суетливо оглядываясь через плечо.

— Ату его, Беня, ату! — веселился Модест Дионисович, едва не подпрыгивая на сиденье коляски.

Сильвестр, оказавшийся меж двух огней, погрозил в его сторону метлой и засеменял вдоль по переулку.

— Беня, вы каждый раз поражаете меня смелостью своего костюма, — сказал Хлыщев, благоразумно не уточняя, приятно или нет. — Вы не боитесь привлечь к себе ненужного внимания сегодня?

— Я на это надеюсь, — сообщил Брут, запрыгивая в коляску и косясь из-под фиолетовых очков на сидевшую в ней даму. — Некоторые вещи надеть может не каждый.

— И как только наш несовершенный мир умудрился породить такого совершенного человека, как вы?

— Сам удивляюсь. Это и есть моя спутница на сегодняшний вечер? — с сомнением спросил криптозоолог.

Понять его интонацию было несложно: обещанная веселая барышня отчего-то казалась совсем не веселой. Девушка была маленькая и довольно милостивая, вот только низко посаженные бровки и обиженно изогнутый ротик создавали впечатление, что чаровница все время хмурится. Любого другого иностранца сей факт непременно поставил бы в тупик, а то и вовсе расстроил, но Брута характеристика, выданная Модестом Дионисовичем, явно устраивала.

— Позвольте представить: мадемуазель Жоли, — торжественно объявил Хлыщев.

— Модя, вы же обещали мне, что он безобидный, — капризным голоском протянула девица, окидывая наряд Брута оценивающим взглядом. Сама она была одета не менее экстравагантно, но с гораздо большим вкусом. Перья, украшавшие верхнюю часть ее туалета, шли ей несомненно больше, чем доктору, а уж золотая сеточка на голове, державшая модную прическу, и вовсе придавала барышне некоторую схожесть с картинками эльфов и фейри из волшебных сказок.

— Мадемуазель Жоли испытывает большое почтение к старости и даже посещает курсы сиделок и медицинских сестер, — игриво пояснил Модест Дионисович. — Мы с вами станем для нее привлекательны разве что лет через сорок.

— С таким образом жизни вы не доживете, — фыркнула разборчивая финтифлюшка.

— Чем же мой образ жизни отличается от вашего, мадемуазель?

— Вы до скончания века будете кутить по вечерам, а я окончу курсы и открою агентство по найму сиделок, у меня уже и бизнес-проект есть, и Савва Мефодьич обещали вложиться... если не помрет... Но я уж за ним пригляжу.

Вид у хмурой маленькой барышни стал настолько сосредоточенным и решительным, что улыбнулся даже черствый криптозоолог.

— А говорят, что капитализм пагубно влияет на юные души. Вот вам пример, когда он ее спасает. Хотя... вам, Жолечка, больше подошла бы кондитерская или кофейня.

Спасенная капитализмом душа тут же фыркнула:

— Что я, по-вашему, мещанка какая?!

— О, я же говорил, — полушутливо-полувосхищенно сказал Модест Дионисович. — Таковую на конфектах не проведешь.

А пока Модест Дионисович, невеселая веселая барышня и их идеальный во всех отношениях спутник тряслись в коляске, клуб готовился к вечернему наплыву гостей. Натиралась мебель, расставлялись посуда и бокалы. Певичка на сцене, лениво помахивая розовым боа, разминала голос, примеряясь к акустике нового для себя зала.

Незабвенный Мурзик и удивительно похожий на него Барсик (в миру Боря Мурзенко, получивший свое прозвище только за то, что другая кошачья кличка была уже занята его двоюродным братом) с заинтригованными физиономиями прилипли к аквариуму, за стеклом которого переливчатой розово-синей лентой дрейфовала амфисбена.

— ...а потом, — восторженно вещал Барсик, — они из него воду пили и нахваливали, что, дескать, на вкус не хуже водки.

— Бреешь, — скривился второй лакей, — она ж тиной пованивает.

— Вот-вот, чтоб не пованивала, доктор ее солил.

Мурзик сунул нос в аквариум и тут же сморщился.

— Видно, недосолил.

— Да что ты понимаешь в барских яствах? — Барсик подбоченился с видом знатока. — Икра вон тоже не пирожками с мясом пахнет, но ты ж ее соленую только так из кадки на кухне тягаешь.

— Так-то оно так... Попробуем?

Барсик и сам, понюхав аквариум, покривился, но отказываться не стал. Сказано же — полезная чудища. Ждать, чтобы еще и вода после нее на вкус была как беленькая, это уже и вправду перебор.

— Ну давай... Только соли еще принесу.

К счастью или к сожалению, это как посмотреть на дальнейшие события, соли на кухне оставалось еще предостаточно, целых полмешка. Лакеи накидали амфисбене аж две горсти, когда амфибия внезапно стала ярко-оранжевой.

— Довольно, пожалуй, — по-своему истолковал посланный цветовой сигнал Мурзик.

Но дегустации аквариума так и не суждено было состояться, явился Никифор Трифионович — въедливый и глазастый распорядитель вечера — и погнал двух дармоедов, вернее дармохлебов, заниматься работой.

Лишь бедная амфисбена, глотнувшая сначала спирта, а затем соли, противоестественно заметалась по аквариуму.

VII

Перед входом в клуб Жолечка в который уже раз хмуро оглядела своего спутника. Вот ведь чурбан замороженный, ни руку при выходе из коляски не протянул, ни локоть на лестнице не подставил.

И как прикажете при таком-то небрежении появиться в зале?

Все сама, все сама!

Девушка вздохнула, решительно поджала губки и, обхватив предплечье индифферентного субъекта обеими ручками (чтоб не вырвался), повисла на нем, прижимаясь нестандартным для маленькой фигурки декольте.

Иностранец вздрогнул и даже сделал попытку освободиться, но Модя вовремя подмигнул, и смелая барышня усилила хватку.

Пусть и Анжелика, и Корделька видят, а пуще того — Гаврила Глебович (будет знать, как на певичек заглядываться), что у Жоли сегодня кавалер особенный. Ни одна ведь еще целого «сэра» не приводила! А что разодет в петушиные перья — это пускай, главное, бриллианты на запонках посверкивают.

Стол им достался на зависть, ровнехонько посередине зала недалеко от фонтана. Девушка поспешно приземлилась на место — во-первых, продемонстрировала свою независимость, а во-вторых, ждать от замороженного, что тот пододвинет ей стул, не приходилось, только в глупом свете себя выставишь.

Вы посмотрите на него: сел, а глазами не на Жолечкин наряд косит. Неужели на Кордельку, что сегодня без корсета пришла, по новой европейской моде? Эффект, конечно, сногшибательный, надо будет тоже попробовать... А, нет... не на Кордельку, на оранжевую монстру свою в стеклянной банке. Ну что ж, Модя предупреждал, что субъект со странностями.

Барышня только примерилась, как бы начать разговор, чтобы подвести спутника к теме фазанов и земляничного ликера, как вдруг странный «сэр» сам нервно забормотал:

— Неужели переборщил? Но как же так? Похоже, спокойного вечера не предвидится.

— Страсть как люблю фазанов! — не выдержала Жолечка, провожая строгим взглядом блюдо, только что проплывшее мимо ее вздернутого носика. Сидеть за пустым столом было невыносимо. Да и Модя куда-то усвистал еще на входе, не дозовешься.

— Фазана нужно заработать, — в тон ей ответил холодный иностранец, наконец-то уделив внимание и даме.

— А обещали, что приставать не будете. — Девушка чуть смущенно улыбнулась, зная, как такой резкий переход от мнимой суровости (уж дал боженька личико так дал) к легкому кокетству действует на мужчин.

— Мне тоже обещали, что вы ко мне приставать не будете, что вы по старичкам, — парировал безобразный сухарь.

Барышня фыркнула, такого галантного рыцаря, какой достался ей сегодня, было еще поискать. Вот они, девоньки, последствия

феминистского движения! Если все господа такими станут, как дальше жить-то?

Вообще-то, конечно, в остальном идея эмансипации была Жолечке по душе. Куда лучше, когда сама за себя в ответе, а то передают от отца к мужу как призовую корову, а ты стой в стойле и не бодайся.

За свободный образ жизни решительная барышня готова была и пободаться.

Ну а старички?

А что старички? Жолечка ж не дура. Прежде чем хвостом перед кем-то крутить, найдет дом (по дому-то и состоятельность видать), даст какой горничной рублевик, та как на духу и расскажет, охоч ли барин до дворовых девок. Ежели прислугу по углам не зажимает, значит, Жолечкин клиент: природное в нем все уже отболело, а мужчины, они на то и мужчины, что норовят свою удаль показать, даже когда уж и место на кладбище присмотрено.

Всего-то и убытку с таких, что щипок или шлепок — через корсет с юбками и не почувствуешь. Да, в этом плане с корсетами расставаться пока было рано...

Зато прибýtка от тех, что вошли в свою зимнюю пору, о-го-го сколько. Старички не скаредничают, чай, не Хеопсы, чтоб с собой все нажитое богатство зарывать.

— Хотите фазана? — вдруг сказал замороженный, перестав вертеться словно на иголках. — Найдете мне компанию, где пьют больше всего в зале, — будет вам фазан.

— Ой-ой-ой, а мосье у нас выдумщик, — не без тени сарказма махнула в его сторону ручкой Жоли, подскочила словно мячик и придвинула свой стул ближе, будто ее приглашали. Новый клуб она знала как свои пять пальцев, пусть публика тут и молодая, но и перспективных завсегдаев хватает. — Значит, так. На те, где шумно и весело, не обращайтесь внимания, там шампанское...

— Шампанское не подойдет, — категорично отверг сразу три-четыре стола иностранец. — Может, эти?

— Не-е-ет, там Лола и Мими окучивают заезжих банкиров, напитки крепкие, но девочки крепче, так что кончится это довольно скоро, после того как кавалеры сомлеют.

«Сэр» махнул рукой — дальше.

— В тот угол даже не смотрите, это тихушники, весь вечер будут мусолить дела и один бокал коньяка на зануду. А вон там играют в преферанс.

— И что, много пьют? — тут же заинтересовался кавалер.

Жолечка вздохнула, похоже, сегодня ее сопровождал вовсе не рыцарь, а скрытый бухатырь.

— После каждой партии, такой уж у них порядок. Да и стопочки вон особенные. Модя говорил, в такие в Константинополе чай наливают, название еще у них какое-то неприличное.

— Сами вы... — Иностранец вовремя осекся. — Армуду они называются.

— Кто бы говорил, — огрызнулась барышня, и бровки ее совсем сошлись на переносице.

— Что ж, мадемуазель Жоли, как мне ни жалко прерывать наш светский разговор, но самое время передислоцироваться.

— А?

— Быстренько встали и переместились, вы же у нас девушка шустрая. И даже если нет, фазаны достаются только шустрым. — «Сэр» подхватился с места сам, не забыл сцапать зонт, который отказался отдавать лакеям еще на входе, и понесся на другой конец зала.

Жолечка, чтобы не торчать за пустым столом в одиночестве, помчалась догонять своего прыткого кавалера.

— Можете заказывать своих фазанов, мадемуазель, — разрешил иностранец, когда они расположились за дальним столом.

— И клубнику с шампанским! — тут же потребовала Жоли справедливую компенсацию за несолидную беготню и перемену столов.

— Да хоть все десертное меню, если сумеете раньше меня определить, кто из игроков умудряется уклоняться от их алкогольного ритуала, — щедро пообещал «сэр». За новым столом он сидел вальяжно, нога на ногу, но востроглазой девушке было заметно, что напружинился замороженный господин не хуже гончей на рукоятке его зонта, того и гляди от усилия ледок потрескается.

Жолечка уже ничему не удивлялась, только понятиливо кивнула. Что и говорить, задачка была не из легких: четыре столика по четыре

человека за каждым, если кто-то и умудряется жульничать с выпивкой у всех на виду, то делает это весьма виртуозно.

— Может, подождем, пока они встанут? — предложила девушка, начиная увлекаться этой странной авантюрой.

— Встанут?

— Ну да, у них перерыв почти после каждой партии. В основном отходят вон туда, — она показала на стену с аквариумом, — и курят.

— Нет, мадемуазель, ждать перерыва нам категорически нельзя, это чревато катастрофой.

— Ой, подумаешь, спасаем судьбы мира. — Девушка всплеснула руками и в этом же движении умудрилась сделать знак официанту. — Тогда, как говорит фройляйн Эркер, надо применить психологию.

Последнее слово Жолечка произнесла с неправильным ударением на немецкий манер.

— Это ваша... хозяйка? — Кавалер явно не мог подобрать подходящего слова, барышня даже умилилась на секундочку.

— У-у-у, какой вы не джентльмен, даже странно, что англичанин. Фройляйн Эркер — это наша преподавательница на курсах. Она утверждает, что притворщика очень легко определить. Чаще всего он переигрывает.

— Да что вы говорите. — «Сэр» отчего-то неловко потянул за край воротничка, будто галстук под ним был застегнут серебряной заколкой с крыльями гарпии слишком туго. — По-вашему, нам стоит искать показательно пьяного?

— Громкого, смешливого, да все что угодно.

— Тогда мои два столика слева, а ваши справа, — разделил поле для наблюдений бесцеремонный кавалер. — Не перепутайте.

— Это вы не перепутайте, — эхом откликнулась Жоли, которую спутник начал уже порядком забавлять. — Я бы, в отличие от вас, красивую девушку с соглядатаем не спутала.

И, сама себе удивляясь, она вдруг потянулась и погладила под столом своего «сэра» стройной ножкой в чулочке цвета «романтический рассвет». Так называемый рыцарь Британской империи подскочил и стукнулся о столешницу.

— Я-а вас п-попрошу без...

— ...ногоприкладства? — подсказала Жолечка, умиляясь еще больше. Ну хороший же? И чего Модя говорил, что вредный?

— Не п-проявлять личной инициативы! — Казалось, еще немного — и лицо «сэра» станет одного цвета со скрытыми столом чулками.

— А я думала, вам нравятся шустрые барышни, — парировала Жоли, премило надувая губки.

И только тут немножко размороженный кавалер нашел способ утихомирить девушку.

— Официант! Шампанского, фазанов, фруктов! Что угодно, лишь бы даме было чем заняться!

С шампанским дело пошло веселее. Жолечка поглощала клубнику, ждала обещанного фазана и стреляла глазками в картежников. Двое или трое отстреливались в ответ. Этих можно было сразу списывать со счетов.

Спустя минут двадцать появился фазан и двое кандидатов на роль мошенников у нее и один у рыцаря.

— О, мои партию заканчивают, — радостно возвестила барышня, — сейчас пойдут на перекур.

— Придется обыскивать всех троих. — «Сэр» решительно поднялся с места.

— Можно их просто понюхать, — предложила Жолечка, тоже подскакивая.

— Как вы себе это представляете?

— Не знаю. Модя говорил, что вы у нас умный, вот и придумайте что-нибудь. Делимся по справедливости. А это значит вам один, а мне двое! — И она пошла прочь от стола танцующей походкой.

«Сэрчик» постоял, помялся и направился вслед за ней.

С первым картежником Жоли обошлась просто — наклонилась к нему и прошептала на ушко:

— А вы дам в игру принимаете?

Очень быстро выяснилось, что не только нет (разве кое-кто предложил давать уроки игры в частном порядке), но и алкогольную повинность подозреваемый выполнял вполне прилежно. Девушка отскочила от стола с быстротой лани, глянула, как там «сэр». Похоже, он выбрал ту же тактику, вот только косились на бедняжечку при этом ну очень странно.

Второй Жолечкин стол уже поднялся на перекур, и барышня, недолго думая, заметалась как пойманная птичка среди игроков.

— Ой, господа, ой! Что-то у меня голова кружится, — засмеялась она и как бы невзначай приземлила свою ручку на плечо второго подозрительного субъекта, жгучего пышноусого брюнета. Легкие пальчики игриво прошли по бакенбардам. — Ах, какой у вас парфюм! Дайте угадаю, от Ралле?

Черноусый невежливо схватил барышню за оба локтя и отодвинул со своего пути. Жолечка только язычком цокнула и, сделав за его спиной круглые глаза, знаком показала своему «сэру»: «Это он!»

Ах, что за лицо стало у Бенечки (так, кажется, его зовут)! Целеустремленное, страстное! Никакой он, оказывается, не замороженный!

Вон как протолкался сквозь всех картежников, только чужие ребра захрустели, и черноусого за шиворот у самого аквариума хватить!

— Попались, господин хороший.

Тут бы вышибал звать, а за ними и городского, вот только дальше случилось нечто невообразимое. Чудовище в аквариуме позади «сэра» и черноусого вдруг стало ярко-красным да как стукнет одной из голов по стеклу. Сильно, глухо, только чудом трещины не поползли.

Бенечка обернулся, и на лице его уже не было недавнего превосходства.

Предчувствуя нечто страшное, Жоли завизжала. И под этот визг ее, под оборвавший игру оркестр и умолкнувшую на полуноте певичку красная тварь вскарабкалась на стенку аквариума и совершила неуклюжий, но очень меткий прыжок, приземлившись прямо на грудь черноусого мошенника.

Вес у страшилища, судя по всему, был немалый, да и всеми четырьмя лапами оно работало так, что лесная кошка позавидует. Черноусый с расцарапанной физией уж от страха и на спину начал заваливаться. Хорошо, Бенечка в сторону вовремя отскочил, а то бы и ему досталось.

Кругом крики, визг, грохот падающих стульев и топот ног. На этом фоне сама Жоли визжать перестала. Схватила с ближайшего стола букет роз из вазочки (все руки исколола) и швырнула в сторону чудища.

— Прочь пошла, гадина!

А то еще «сэра» поцарапает, как его потом на танцполе покажешь-то, в некондиции?

Гадина на удивление вняла, слезла с черноусого и, вихляя всем туловом, медленно окрашивающимся в оранжевый цвет, поползла по направлению к сцене.

Паника в зале только усилилась, народ устремился к выходу. Не подавились бы только... Девочек жалко, и в особенности Кордельку, которая сегодня без корсета.

А «сэр»? «Сэр» ничего, застыл на секунду в ошеломлении, а потом как выдаст:

— Вы понимаете, что это значит, Жоли?!

Жолечка понимала, что это значит конец хорошему вечеру.

— Тут же целое научное открытие! — одухотворенно продолжил кавалер. — Амфисбена может различать человеческие лица!

Обиженная барышня фыркнула. Вот тебе и благодарность.

— Вы лучше бедному Моде скажите, кто будет доставать ваше научное открытие из фонтана.

— *А дэм ит!* — «Сэр» вновь переменился лицом и кинулся вслед за чудищем, на ходу крича: — Присмотрите за мошенником, чтоб не сбежал!

Ну вот, теперь Жоли еще и охранница. Она подошла к черноусому, смиренно вытянувшемуся на полу, пощупала пульс на шее, как учили на курсах, проверила, дышит ли. Дышал и даже слабо шевелился. Личность только расцарапана, да не слишком сильно, девки и то краше дерут. Вздохнув, барышня пару раз решительно ударила господина по щекам, а когда тот захлопал глазами, попыталась посадить, поддерживая за руки...

Под тканью пиджака очень близко к локтю прощупывалось нечто странное... Кошелек?

Да нет. Предмет переливался как пузырь, а от этого пузыря по рукаву к кисти шло продолговатое уплотнение вроде шланга. И раструб в манжете...

Так-так... Обманщик Жолечка не переносила с тех пор, как обобрали ее, зеленую курсистку, по приезде еще на вокзале Князьгорода.

— Боря! — закричала она, подзывая лакея, несмело высовывавшегося из кухни, и показала на пострадавшего. — Посмотри, какие изобретатели к вам ходят!

Модест Дионисович вышел из гримерной артистов позади сцены, напевая на мотив модной шансонетки: «Беня разберется, Беня все решит...», когда у него под ногами прошмыгнуло что-то длинное и оранжевое.

Владелец клуба даже не сразу понял, что происходит, он еще пребывал в приятном размягчении после личного знакомства с танцовщицами кордебалета, в процессе которого умудрился перецеловать все восемь прекрасных ручек, а некоторым и не только ручки... Поэтому крики и визг Модест Дионисович поначалу принял за рано разошедшееся веселье и только потом почувствовал неладное.

Прозрению во многом способствовала Амфисбена, пробежавшая у него под ногами во второй раз.

В этот-то момент Хлыщев и пожалел, что не разрешил криптозоологу взять с собой Кусаева. Кто теперь, спрашивается, будет ловить монстру? Оглядев пустой зал вокруг сцены (оно и понятно, когда по нему туда-сюда носится двухголовое чудище), Модест Дионисович должен был с неудовольствием признать, что, кроме него, некому.

Брут за свой ненаглядный подарок, чего доброго, еще потребует свои вложения назад.

Хлыщев закатал рукава, согнул колени и бодро засеменил вслед за амфибией.

— Беня, Беня, Беня, — причитал он голосом бабки, собирающей цыплят.

Задача оказалась не из легких. Амфисбена двигалась непредсказуемо. Обладая неоспоримым преимуществом в виде двух голов, она в любой момент могла остановиться и сменить направление, даже не разворачивая тела. Короткие лапы с удивительной легкостью передвигались как вперед, так и назад.

Очень скоро выяснилось, что металась амфибия не бессмысленно, а с вполне определенной целью — найти место, где ей станет лучше, а за последние двое суток таковым был фонтан. Увидев, что целеустремленная бестия припустила к низким бортикам гордости его зала, Модест Дионисович совсем переполошился.

— Нет, нет, нет, только не это! — Перспектива купания в новом костюме его совсем не прельщала, поэтому Хлыщев ускорил свое перемещение по залу и только тут заметил бегущего в параллельном ряду столов криптозоолога. На какую-то долю секунды они пересеклись взглядами (паническим и сосредоточенным), а затем слаженно взвыли, увидев, как амфисбена переваливается через выложенный мозаикой бортик.

Сэр Бенедикт подскочил к фонтану первый, немного пометался вокруг, а затем схватился за голову.

Подоспевший Модест Дионисович с удивлением обнаружил, что Амфисбени в воде нет.

— Это фонтан открытого или закрытого типа? — шагнул в сторону ошеломленного Хлыщева криптозоолог и взял его за лацканы пиджака. — Быстро!

— Беня, ну откуда же я знаю...

— В нем отвод воды или фильтр? — Хватка стала сильнее.

— Отвод. — Появившийся из-за спины Мурзик сообразил быстрее, чем хозяин. — Мы его раз в неделю сливаем, иногда и чаще, если гости изволят... развлекаться... Но разве такая дурища пролезет в трубу?

— *Холи крэн!* Дурищи пролезают туда, куда умным ход закрыт, — отрезал сэр Бенедикт. — Куда сливаете?

— Ну, знамо дело, в канал...

Криптозоолог продемонстрировал, что прекрасно осведомлен не только в английской, но и в русской ненормативной лексике.

Мурзик и его хозяин только слаженно захлопали глазами.

— Берите фонари! — скомандовал доктор.

— Что?

— Идем искать!

Искать амфисбену как раз и не понадобилось. Все посетители, в панике выбежавшие из клуба на улицу, теперь столпились вдоль канала, будто по нему собирались провозить самого государя императора. Публика возбужденно кричала и показывала пальцами, так что не заметить тускло мерцающее оранжевым цветом в темной воде чудовище было практически невозможно.

— Светите в воду, она поплывет на свет! — Брут бесцеремонно растолкал кучку зевак и перевесился через ограду канала.

— Боюсь, что вон с тем фонарем нам не сравниться. — Модест Дионисович мрачно указал на противоположный берег, где гигантской красной люстрой светился ресторан «Шанхай».

Мерцающая в черной воде амфисбена и вправду еще минуту покрутилась на месте, а затем направилась в сторону китайских пагод, отражавшихся в воде, будто вняла рекомендации Хлыщева.

Сэр Бенедикт бросил свой фонарь и, ни слова не говоря, побежал к маленькому горбатому мостику, ведущему на другую сторону канала, на ходу стягивая с себя пиджак.

Модест Дионисович с Мурзиком переглянулись и бросились вслед за ним, но догнать длинноногого криптозоолога, спешащего на помощь чудовищу, было им не под силу. Брут в мгновение ока оказался на другой стороне, едва ли не перескочил через согнутую в приветственном поклоне голову метрдотеля (так, что бедняга мазнул длинными тонкими усами по мостовой) и скрылся в глубине ресторана, лавируя между испуганными официантами.

К моменту, когда Хлыщев с лакеем подбежали ко входу, метрдотель уже пришел в себя и был полон решимости воспрепятствовать дальнейшему проникновению участников странного ночного забега в свое заведение. Низенький плотный человечек, похожий на фарфоровую статуэтку в этажерке с безделушками, грудью встал на входе, растопырив длинные рукава зеленого халата.

— Мурзик, разберись! — приказал Модест Дионисович и, пока китаец пытался выбраться из тесных русских объятий схватившего его в охапку лакея, проскочил в ресторан, попутно перевернув стойку с меню.

Сэр Бенедикт к тому времени был уже у резного красного ограждения, за которым начинался канал. Криптозоолог пару раз пробежал туда-сюда, а затем вдруг скинул туфли и полез через парапет.

Весь ресторан слаженно ахнул, дамы и господа повскакивали с мест. Кто-то закричал:

— Держите его, он же сумасшедший!

А сумасшедший согнул колени и солдатиком сиганул в воду, чем вызвал еще одну волну панических возгласов.

Хлыщев подбежал к ограждению, перевесился через него, но канал был темен и молчалив, даже круги на воде почти успокоились.

— Бенья! Бени! — тоскливо позвал Модест Дионисович вниз.

Никакого ответа.

Хлыщев вздохнул, перекрестился и тоже стал стягивать с себя пиджак.

Прыгать, слава богу, не пришлось. Раздался плеск, и на поверхности канала показалась голова криптозоолога, одной рукой он прижимал к себе нечто длинное и извивающееся, завернутое в темный пиджак.

— Ну что же вы, собрались геройствовать, а теперь даже руки не подадите? — спросил сэра Бенедикт, с трудом выбираясь на узкий кусок пологого берега, одетого в гранит.

— Я сейчас! — пообещал Модест Дионисович и полез вниз. Спустившись, он с сомнением оглядел запеленатую как младенец амфисбену. — Бенья, а может, вы того, как-нибудь вплавь до противоположного берега доберетесь? Там толпа собирается.

Хлыщев кивнул наверх, где в свете красных гирлянд торчали силуэты множества любопытных голов.

— Я нет. Но могу предоставить это деяние вам, — сдавленным голосом ответил Брут, у которого зуб на зуб не попадал от холода.

Модест Дионисович поднял голову, сложил ладони рупором и прокричал:

— С ним все в порядке, господа, не волнуйтесь! Лучше бросьте сюда плед или одеяло!

— Ну вот, первая здравая мысль за сегодня, — одобрил сэра Бенедикт.

— Это не для вас, а чтобы вынести Амфисбену и не перепугать весь ресторан.

— Я понял, что одеяло не для моего здоровья.

— Не так уж вы и замерзли, если способны на сарказм.

Пледа в ресторане, видимо, не нашлось, потому что через пару минут на голову полузамерзшего криптозоолога спустился широкий халат зеленого цвета, расшитый золотыми драконами, — похоже, что тот самый, который красовался на метрдотеле.

Спустя полчаса сэра Бенедикт, все еще в китайском одеянии, которое удивительно ему шло, отогревался чаем с коньяком и задумчиво наблюдал, как амфисбена в аквариуме меняет свой цвет с

оранжевого на изумрудно-зеленый с золотым проблеском, к слову, очень похожий на цвет его халата.

— Это ж надо еще приноровиться. — Модест Дионисович прицепил к предплечью приспособление, изъятое у черноусого мошенника. Конструкция состояла из мягкого резервуара (похожего на пузырь животного происхождения), резиновой трубки, ремней крепления и белого раструба необычной формы, который должен был прятаться в манжете. Хлыщев черпнул рюмкой воды из злополучного фонтана, попробовал незаметно залить себе в рукав, но тут же заругался. Ловкости в пальцах не хватало, и бóльшая часть жидкости потекла по костюму, а не внутри его. — А вообще, изобретение, конечно, хорошее, надо взять на заметку.

Из подсобки вернулась Жолечка со склянкой йода в руках. Хмурая барышня только что обработала царапины связанного по рукам и ногам скатертью предприимчивого игрока (Барсик с Мурзиком расстарались).

— Что вы намерены с ним делать? — с любопытством поинтересовалась она. — В полицию сдадите?

— Ну что ему полиция? — отмахнулся Модест Дионисович, из чисто научного интереса уже наливший в прикрепленную у локтя емкость воды и пытавшийся незаметно слить ее в аквариум. — Ну не пил... Соврет, что здоровье не позволяло, да откупится. Я лучше его до утра в чуланчике подержу, пусть напугается. А когда выпущу, скажу, что уже сообщил всем игрокам о его прекрасном изобретении. Там такие люди, у-у-у, вы не представляете... Будет бежать наш Кулибин аж до польской границы.

Жолечка скорчила гримаску и красноречиво провела ребром ладони по шее.

— И правда сообщите? — поинтересовался Брут, все еще не спуская глаз с амфисбены.

— Ну что я, себе враг, что ли? Кто после этого ко мне играть пойдет, если сюда такие сомнительные личности просачиваются? — подмигнул ему сквозь стекло хитроумный владелец клуба и тут же без перехода посетовал: — Да что за чертовщина?! И в аквариум тоже не течет!

— Вы все неправильно делаете, — просветил его сэр Бенедикт. — Ваш, как вы выразились, Кулибин гораздо выше ростом. Поэтому ему

достаточно было положить руку на край аквариума и слегка приподнять локоть.

— Ну а водку в рукав он как сливал?

— Вы армуду возьмите, а не рюмку, — подсказала Жоли, запомнившая звучное слово.

— Все такие умные, куда деваться, — пожаловался Модест Дионисович амфибии. — Одни мы с тобой здесь для украшения пространства.

Криптозоолог приподнял одну бровь.

— Да-да, Беня, вы для этой роли не годитесь, у вас вон волосы выются, — кивнул на начавшую подсыхать после купания шевелюру доктора Хлыщев.

Странное дело, прическа сэра Бенедикта, познакомившаяся с водой, утратила не только гладкость, но и будто бы стала тона на два светлее, не черной, а каштановой.

— И правда, кудрявенький, — тут же умилилась Жолечка. — Давай причешу.

— Мадемуазель, оставьте меня в покое! — замахал на нее руками криптозоолог. — Я больше не нуждаюсь в ваших услугах, ни в парикмахерских, ни в каких-либо других!

Барышня поджала губы, с громким стуком поставила пузырек йода на ближайший стол, развернулась и решительно пошла к выходу из зала.

— Такая девушка, — неодобрительно покачал головой Модест Дионисович. — Беня, в растворе йода и то больше сочувствия, чем в вас... Жжется, но лечит.

— Я тоже... лечу, — несколько сконфуженно откликнулся криптозоолог и резко сменил тему: — На вашем месте я бы сейчас не о барышнях думал. Скоро по городу поползут слухи о том, что из клуба сбежало чудовище...

— И что же мне делать?

— Конечно же, их подтвердить! Немедленно пишите сообщение в газету.

— Но мы же поймали Амфисбеню. — Модест Дионисович постучал по стеклу, и криптоида ответила ему резкой вспышкой зеленых огоньков на чешуе.

— Кто сказал? — притворно удивился Брут. — Амфисбене надо будет какое-то время отдохнуть вдали от людских глаз. А «официально» выловить мы ее можем дня через три-четыре. Как думаете, много народу придет сюда на нее посмотреть?

Вырезки из утренних газет

«Доверенный источник сообщает, что вечером прошлого дня из аквариума Нового клуба сбежала редкая криптида, известная в международных научных кругах как амфисбена. Чудовище проникло в канализацию, а из нее в канал реки Серебристой.

Санитарные службы города рекомендуют жителям домов, расположенных на канале, быть бдительными и сообщать о малейших странностях в водных коммуникациях властям.

Убитый горем владелец амфисбены принес гражданам города свои глубочайшие извинения и сообщил, что к поиску и поимке криптиды будет привлечен единственный на данный момент специалист-криптозоолог в Князьгороде».

«Инцидент в ресторане "Шанхай"»

Вчера вечером неизвестный господин весьма эпатажной наружности стал причиной переполоха среди публики в ресторане "Шанхай", выбрав именно это экзотическое место нашего города для сведения счетов с жизнью.

По свидетельству очевидцев, отчаявшийся мужчина перелез через ограду и бросился в реку в надежде покончить таким образом с собственным более невыносимым существованием. По счастью, к месту происшествия вовремя подоспел М. Д. Хлыщев, небезызвестный всему городу владелец Нового клуба. Пока растерянные гости ресторана с испугом взирали на место утопления, господин Хлыщев не побоялся прыгнуть в воду и спасти неудачливого самоубийцу.

Оба — и спаситель, и спасенный — чувствуют себя хорошо.

Нашему корреспонденту первому удалось получить комментарий от явившегося гражданам города пример бескорыстного героизма М. Д. Хлыщева. По его словам, неизвестный посетитель его заведения

совершил свой прыжок на почве неразделенной любви. Виновницей опрометчивого поступка стала роковая разбивательница сердец мадемуазель Жоли, также являющаяся частой гостьей Нового клуба.

Отметим, что владелец "Шанхая" в благодарность за спасение не только утопающего, но и репутации своего ресторана подарил господину Хлыщеву три выступления шоу китайских танцовщиц, которые и состоятся в Новом клубе на следующей неделе».

Тест третий. Ховала и духи

Иннинг третьего теста

— Акулина Никифоровна, душенька, вы просто ушам своим не поверите, что мне рассказала подруга, вернувшись из Лондона!

— Ах, Пегги, не томите!

— Она побывала на представлении Джона Маскелайна!

— Кого?

— Это фокусник, разоблачающий на сцене медиумов и насмехающийся над спиритическими сеансами.

— О господи, до какой только низости не опустятся эти европейцы, чтобы устроить шоу и получить за это деньги.

— Вы считаете?

— Пегги, я, конечно, не могу ручаться за британских коллег, но еще ни один русский медиум не был пойман на мошенничестве.

Тест третий. Ховала и духи

I

— Шелковый жилет с искрой, три пары перчаток, шейный платок — пусть будет белый, достаньте сразу несколько и не забывайте каждый раз отдавать их в стирку, — приказания сэра Бенедикта неслись из туалетной комнаты.

Стоило им затихнуть, Лутфи посчитал это за знак, что хозяин приступил-таки к бритью, и тут же с головой нырнул в просторный шкаф. Чуть ли не с первого дня этой новой странной службы гардероб «барина» стал источником нескончаемых развлечений для молодого человека. Не то чтобы он был в восторге от всех оттенков черного, но вот посмеяться над фасоном и вычурностью вытасченного из самого дальнего угла наряда был совсем не прочь. Чего здесь только не было:

перья, блестки, камни, фигурные застёжки, набивные плечи, узкие талии, длинные фалды, разрезы в самых неожиданных местах и даже пышный воротник, как у клоунов в цирке, — похоже, что всего несколько месяцев назад криптозоолог своим видом мог посрамить самую экстравагантную вдову.

И на этот раз, прежде чем приготовить нужный жилет, Кусаев не отказал себе в удовольствии извлечь на свет божий нечто с квадратными плечами и серебряными пряжками в виде оскаленных морд. Хозяин бреется долго и тщательно — так что времени разглядеть находку было вполне достаточно. Лутфи вертел шедевр изощренного портновского искусства и так и этак, но никак не мог взять в толк, куда крепятся все эти бесконечные ремни: вещь будто кроили по заказу буйного отделения в сумасшедшем доме.

Юноша с подозрением оглянулся на слегка приоткрытую дверь, а затем в мгновение ока развернул сюртук и просунул руки в рукава. Смелый естествоиспытатель превратился в черного многолапого паука, но ситуация с пряжками яснее не стала. Он попытался застегнуть одну наугад и, видимо, серьезно промахнулся, потому что морду железного грифона заело. Хищная тварь никак не желала отпустить из своей пасти зажатого кольца.

Лутфи похолодел. А затем покрылся испариной, когда из коридора донесся голос Анфисы Ксаверьевны:

— Бенедикт, к вам посетитель!

— Проводите его в мой кабинет, я сейчас выйду! — откликнулся Брут.

Кусаев попытался взять себя в руки. Уснуть сейчас было бы совсем уж нелепо: барин выйдет в комнату и обнаружит собственного слугу, лежащего на полу в хозяйском сюртуке. Лутфи принял рискованное решение выскочить в кабинет, а оттуда уже в коридор, где можно будет попытаться стянуть проклятую одежду через голову. Анфиса Ксаверьевна если и увидит, то только посмеется, сдавать Бруту, конечно же, не станет.

Но, вот незадача, посетитель, объявленный домовладелицей, уже оказался в кабинете. При виде перепуганного Лута, в туче развевающихся хлястиков, он выпучил глаза и с решительностью греко-римского борца встал на самом проходе, растопырив в стороны мясистые конечности.

— Вы господин Брут! — Вопросительная интонация в восклицании отсутствовала.

— Я не...

— Конечно, это сэр Бенедикт Брут. Посмотрите, какой профиль, какие скулы, какое чувство стиля. Знаменитый криптозоолог несказанно рад вашему визиту.

Лутфи замер при первых же звуках этого обманчиво спокойного голоса, втянул голову в плечи и медленно повернулся, чтобы увидеть настоящего сэра Бенедикта, застывшего в проеме с другой стороны комнаты. Хотя можно было и не поворачиваться — такими переливами ядовитых интонаций владел всего лишь один человек во всей Великороссии.

— А вы? — спросил расслабившийся посетитель.

— А я, вероятно, слуга сэра Бенедикта, — саркастически скривил губы Брут. — Разве вы не видите отпечатка простонародного добродушия на моем лице?

Посетитель растерянно кивнул.

— Что же вы, барин, — передразнил Кусаева новоявленный простак из народа. — За конторку-то садитесь, чай, гость важный пожаловал. Торопятся, небось.

Несмотря на всю нелепость ситуации, пародия Лута задела. От Глафиры понабрался говора хозяин. Еще не подозревая, чем все может обернуться, молодой человек позволил сэру Бенедикту усадить себя за стол. На стуле напротив тут же примостил свой широкий зад клиент и важно водрузил перед собой тяжелый ящик.

— А я вам тут эту... саламандру принес... Дымит, проклятушая, — пояснил мужчина в ответ на вопросительный взгляд Лута.

Повисла пауза. Посетитель поерзал и красноречиво подвинул ящик ближе к мнимому криптозоологу. Сзади слугу по плечу одобрительно похлопала тяжелая рука сэра Бенедикта.

Лутфи молчал, надеясь, что ситуация разрешится сама собой. Но не тут-то было, Брут не хотел отказываться от намерения довести фарс до победного конца. Со словами: «Давайте я подсоблю, барин» — он открыл замок на ящике и ловким движением поднял крышку.

Изнутри потянулась тоненькая струйка дыма, будто от тлеющей ветоши.

— Вы поаккуратней с ней, доктор, она с утра сегодня не в духе, — счел за благо предупредить посетитель, разгоняя ладонью дым над столом.

Лутфи не двигался, не двигался и криптозоолог... в отличие от хозяина саламандры. Решив по возможности ускорить встречу доктора со своим питомцем, он нетерпеливо постучал по коробке, а затем и вовсе потряс ее. Оттуда незамедлительно выскочила маленькая синеватая ящерка и, споро передвигая короткими лапами, заспешила по столу навстречу свободе. От неожиданности Кусаев не успел совладать со своими рефлексами и моментально прихлопнул беглянку сложенными в «ковшик» руками. Брут и посетитель одновременно дернулись, чтобы остановить это безрассудство, но было уже поздно... Руки незадачливого молодого человека обожгло невыносимым холодом, отчего кисти свело и скрючило, словно у больного артритом.

Как ни странно, первым закричал не Лутфи и даже не разозленный криптозоолог или возмущенный клиент: голос подавала ящерка, разразившаяся воинственным клекотом.

Свои обожженные ладони Кусаев держал в тазу с теплой водой. Боли не было, но сэр Бенедикт удовлетворенно пообещал, что это ненадолго, до тех пор, пока не вернется чувствительность.

— Это ж надо догадаться — схватить саламандру голыми руками, — бурчал себе под нос криптозоолог, вертя между пальцев, затянутых в кожаные перчатки, злосчастную ящерицу.

Хозяин чудовища сидел на стуле присмиревший и все еще не успевший как следует свыкнуться со столь быстрой сменой ролей хозяина и слуги. После очередного кульбита в руках Брута саламандра то ли кашлянула, то ли чихнула, выдав целое облачко сизого дыма.

— Ну что, доктор? — робко спросил посетитель.

— *Фест оф олл*, я не доктор. — Сэр Бенедикт приподнял очки с оранжевыми стеклами над переносицей. — Во-вторых, поздравляю с грядущим пополнением в семействе.

Мужик, который представился купцом Свешниковым, глуповато захлопал глазами.

— Ваша саламандра готовится произвести на свет потомство, — пояснил непонятливому криптозоолог, — поэтому и дымит.

— Что же мне делать? — совсем растерялся негоциант.

— У вас в доме есть камин?

— Да.

— Вот разожгите его пожарче и положите свою питомицу туда. С остальным она справится сама. *Май литл бьюти*. — Брут любовно почесал ящерице животик.

— А если без камина?

— Если без камина, то, когда придет время, саламандра разожжет огонь сама. А уж где и как это случится, решать не вам. Надеюсь, ваш дом застрахован на случай пожара?

Свешников перекрестился.

— Доктор, а может быть, вы это... того... как-нибудь сами...

— Поработаю акушеркой? — с удовлетворением спросил Брут.

Купец часто-часто закивал.

— За подобные услуги я беру очень дорого... К тому же мой слуга уже пострадал...

Посетитель с неожиданной готовностью вытащил из кармана толстый кошель.

Саламандру до поры до времени выставили в сад, чтоб и впрямь не подожгла дом. Лутфи же сидел напротив хозяина и покорно терпел, когда тот бинтовал ему уже начинающие ныть руки.

— Кусаев, я давал вам свой справочник по криптидам?

— Да, барин.

— И что сказал с ним сделать?

— Вызубрить.

— И? Какого носорога вы хватаетесь за саламандру голыми руками?

— Я еще не успел дойти до буквы «с», барин.

Сэр Бенедикт в изнеможении потер виски.

— Честно говоря, Кусаев, вы не блещете.

Лутфи не стал уточнять, чем именно.

— И раз уж временно выведены из строя и не сможете работать руками, — вкрадчиво продолжил доктор, — то предлагаю вам увеличить нагрузку на голову, коль уж это самое слабое место. Мне прислали последнее издание «Настольной книги дворецкого», недавно переведенное на русский. Как ни прискорбно это осознавать, но вы, мой сонный друг, не подходите даже под определение камердинера ни по каким критериям. Если б вы только знали, какой дворецкий был у

меня в Англии: золото, а не человек. Но, к сожалению, он не пожелал ехать за мной в Великороссию — в дикую незнакомую страну.

— Как я его понимаю, — еле слышно сказал Лутфи, рассматривая свои забинтованные руки.

— Вы не патриот, — упрекнул его Брут, не допустивший и мысли, что слуга имеет в виду вовсе не Великороссию.

В кабинет вернулась Анфиса Ксаверьевна, только что вежливо проводившая клиента к выходу, так как криптозоолог и его помощник занялись перевязкой последнего.

— Бенедикт, я вынуждена вас расстроить: мне придется повысить аренду за флигель со следующего месяца, — ласково, будто справляясь о том, хорошо ли спал квартиросъемщик, сказала домовладелица.

— Анфиса Ксаверьевна, побойтесь бога, я и так уже плачу за эту лачугу столько, будто это флигель при Букингемском дворце! — моментально встал на дыбы Брут.

— В таком случае почему бы вам не попробовать снять себе угол именно там? Уверена, королева будет в полном восторге от вашего милейшего характера. И от дымящегося ящика с саламандрой в саду.

— Анфиса Ксаверьевна, ну оставьте же мне хоть лучик надежды!

— Бенедикт, мы же с вами давние приятели, поверьте, я бы не пошла на это без нужды. Но в следующем году у Матюши поднимется плата за лицей. Где взять денег бедной вдове? — Женщина покаянно склонила голову, но на ее лице не проскользнуло и тени печали. — Вот если вы мне поможете найти арендатора на дом — тогда, конечно, о повышении платы не может быть и речи.

— Анфиса Ксаверьевна, — укоряющее и безнадежно сказал сэр Бенедикт. — Продать вам надо было сразу же этот дом.

— Экий вы, Бенедикт, смешной. Где же мы с сыном станем жить, когда он получит должность при генерал-губернаторе? Родовое гнездо все ж таки.

— А если не получит?

— Получит-получит, не беспокойтесь. Уж я позабочусь. У меня уже все просчитано. Вам тут записочку, кстати, принесли, пока клиент сидел. — Анфиса Ксаверьевна как ни в чем не бывало вручила доктору сложенный листок бумаги.

— Страшная женщина, — подытожил криптозоолог, когда дверь за домовладелицей закрылась.

— Барин... — Лутфи неуверенно запнулся, — сэр, а почему Анфиса Ксаверьевна не может сдать дом? Хороший дом-то.

— А потому, Кусаев, что некоторые сначала делают, потом думают. Говорил я ей не пускать бродяжек на постой. Так нет же: «Фу, Бенедикт, какой вы черствый! Это не по-христиански. Они почти чистые, сами понюхайте! Ночь в кухне поспят, а утром уйдут». Вот, а теперь весь переулочек в курсе, что по ночам в доме Феликса Любчика бродит его призрак! И конечно, кто крайний? Естественно, черствый и далекий от христианского сострадания сэр Бенедикт!

Брут резко оборвал себя на полуслове, верно сообразив, что вкладывает слишком много эмоций в этот рассказ, и, опомнившись, развернул записку.

— Собирайтесь, Кусаев. Мы едем на встречу с моим другом.

Лутфи недоверчиво посмотрел на хозяина, не в силах поверить, что у такой занозы могли быть друзья.

II

Около криптозоологического отделения Князьгородского зоосада сэра Бенедикта поджидал «почетный караул». Как мы уже помним, ко всем клиентам, лично встречающим его персону, Брут относился весьма и весьма благосклонно, поэтому он приосанился и подплыл к витым кованым воротам на высоких волнах самолюбования. Перед входом стояли подтянутый человек в мундире участкового пристава и молодой, но уже весьма тучный городской. За прошедший месяц в доме криптозоолога Лутфи успел навидаться всяких клиентов и пациентов, но чтоб Брута вызывала полиция — такое было впервые.

— Бесогонов, — слегка приподнял шляпу сэр Бенедикт.

— Брут, — без всякого уважения кивнул полицейский и показал на своего сопровождающего. — Это городской Клопцов. А я смотрю, у вас новый камердинер. Какой уже по счету, десятый или одиннадцатый? Наверное, вчера только взяли? У малого пока еще не проступило отчаяние на лице.

Лутфи очень внимательно посмотрел на мужчину, которого хозяин назвал Бесогоновым. Чиновника можно было бы назвать человеком

совсем обыкновенной внешности, если бы очевидно бурное прошлое не оставило на нем множества весьма красноречивых отметин, как то: сломанного носа, белого шрама через бровь и воинственно выдвинутого вперед подбородка. Это было лицо забияки, не боявшегося поработать кулаками. Прямая фигура, браво закрученные усы и глубокие залысины на все еще пышной пшенично-рыжей шевелюре дополняли картину.

— Кусаев работает у меня уже месяц, — равнодушно, как о малозначительном факте, сообщил сэр Бенедикт. И теперь настала очередь уже пристава присматриваться к Луту. — Вас должно беспокоить совсем другое: что-то в последнее время наша полиция все чаще и чаще не может обойтись без моей помощи. Или дело не в полиции, а в том, что вы стареете, Бесогонов?

Кусаев мигнул: после такого обмена любезностями он всерьез начинал верить, что хозяин действительно приехал на вызов друга. Они недоуменно переглянулись с Клопцовым.

— Ладно-ладно, покуражились — и хватит, — примирительно сказал пристав. — А у нас тут, между прочим, возможный труп. Директор зоосада на себе волосы рвет. На себе и на стороже, который, как всегда, ничего не видел. Не опасаетесь, что, когда волосы на этих двоих закончатся, в ход пойдут шкуры ваших обожаемых монстров?

— Судя по тому, как вы жаждали увидеть мою персону, подозревать представителей рода человеческого никто не хочет?

— Брут, не прикидывайтесь, будто ваши пациенты пушистые милашки, мы оба знаем, что это не так.

— При всем уважении, Порфирий Аверьянович, чтобы стать жертвой этих «пушистых милашек», надо быть либо самоубийцей, либо идиотом.

— При каждой встрече вы с жаром доказываете мне, что и тех и других вокруг пруд пруди.

Сэр Бенедикт пожевал губами, отчего-то бросил взгляд на своего камердинера и сдался перед лицом очевидности.

— Убедили. Ведите.

Пристав не заставил себя упрашивать. Все четверо прошли через кованые ворота зоосада и сразу свернули в его криптозоологическое отделение.

Еще не далее как век назад самый обыкновенный жираф считался в Князьгороде невероятной диковиной. Теперь же, с прогрессом науки и техники, даже гидрой никого не удивишь. Криптоотделение размерами нисколько не уступало основной части зоосада и давно уже утратило свою новизну и привлекательность. Горгулью или мантикору можно было увидеть и в центральном парке города на прогулке. Ради чего, спрашивается, выкладывать кровные пятьдесят копеек за это сомнительное удовольствие?

На территории зоосада сэр Бенедикт занервничал, закрутил головой, и видно было, что ему, словно непоседливому ребенку, хотелось бросаться к каждой клетке с криком: «Мама, мама, смотри, какой монстр!» Похоже, что только болезненное чувство значимости собственной персоны не позволяло ему это делать. Бесогонов скупно улыбался, понимающе качая головой.

Но вдруг криптозоолог действительно бросился к одной из клеток, схватился за прутья и стал вглядываться внутрь вольера.

«Арысь-поле», — прищурившись, прочитал Лутфи табличку на решетке.

— Брут, бросьте, это совсем не то животное! — начал раздражаться пристав.

— Конечно, не то животное! — не менее раздраженно ответил сэр Бенедикт. — Вы посмотрите, что написано на вольере!

— Арысь-поле, — пожал плечами представитель закона.

— А кто сидит внутри?! — Криптозоолог указал пальцем на крупное и крайне испуганное существо в вольере. — Обыкновенная рысь! Как они могут так бессовестно обманывать посетителей?

Возмущению доктора не было предела.

— Пойдемте, Бенедикт, вы выскажете все это лично директору зоосада, — осторожно, как психического больного, похлопал его по плечу Бесогонов.

Иностранец возмущенно стряхнул руку пристава.

— Непременно.

Теперь вся процессия уже почти бежала вперед, следуя за разгневанным криптозоологом. Полицейские многозначительно переглядывались. Лутфи вздыхал, прикидывая, не придется ли ему отгаскивать хозяина, чтобы спасти жизнь директору зоосада. Но когда они увидели директора, оказалось, что героических поступков на

сегодня от молодого человека не потребуется. Калистрат Вильгельминович Меховой был человеком настолько показательно безобидным, так любил всех (что примечательно, не только людей, но и животных), с таким неподдельным восторгом и благодарностью воспринял появление сэра Бенедикта, что Брут, как ни подбирался, не смог найти повода и места, чтобы укусить. Наконец, он сдался и спросил, кто в зоосаде отвечает за подбор и распределение животных.

— В криптозоологической части Филарис Грачикович Бессмертный, — ответил директор. — Вон он перед входом в администрацию. После происшествия сам не свой, так что, господа, зададите ему вопросы чуть позже, когда он хоть немного придет в себя. Бредихин был его лучшим зрителем. О господи, что я говорю! Какое там «был»! Еще же совсем ничего не ясно!

Расстроенный своей оговоркой директор повел их вглубь зоосады показывать клетку, где произошло несчастье. Они миновали заведующего криптозоологической частью, который в самом деле был сильно бледен и выглядел полубезумным.

Нужный вольер оказался небольшим и содержал в себе только скалу причудливой формы. Животного нигде не было видно. На земле ближе к середине клетки лежали изодранные остатки чьей-то одежды, местами покрытые отвратительными бурыми пятнами.

На табличке перед клеткой было написано странное слово «Дрекавак».

— Одежду обнаружили утром, — пояснил пристав. — Аристарх Бредихин, который приходил раньше всех, чтобы кормить животных, пропал. Его нет ни на квартире, ни в зоосаде. Другие служащие заходить в вольер отказываются наотрез. Что там за зверь, никто толком объяснить не может. Заведующий отделением в прострации, поэтому пришлось вызвать вас.

— То есть меня запустить внутрь не жалко? — подвел итог Брут. — Открывайте вольер.

— Да что ж вы, батюшка, туда так ползете? — всплеснул руками директор.

Сэр Бенедикт изогнул черную бровь.

— Желаете составить мне компанию?

— Возьмите хоть мой револьвер, — внезапно расщедрился Бесогонов.

— Порфирий Аверьянович, вот от вас не ожидал. Как же честь нашей доблестной полиции?

— Брут, вы на понт меня не берите. Не для того вас сюда вызывали.

— Ну раз так, то, пока я буду в вольере, подробно расспросите-ка господина директора, как выглядит дрекавак. Если он даст точное описание, это будет неслыханный прорыв в криптозоологии.

Доктор бесстрашно зашел в распахнутую перед ним дверь вольера и первым делом осторожно поворочил концом зонга остатки одежды.

— Вынесите их сюда, Брут! — крикнул пристав.

Но сэр Бенедикт только остановил его жестом раскрытой ладони — успеется еще — и углубился в имитацию скал, скрывшись из вида. Его не было всего несколько минут, потом из вольера послышался возглас удивления.

— Ну все, я иду за ним, — решительно сказал Бесогонов, вытаскивая револьвер.

Но и на сей раз геройствовать не потребовалось. Доктор показался из-за скал, неся на плече нечто странное, похожее на шарообразную седую коалу, множество глаз которой были расположены венчиком по окружности всей головы. Игнорируя удивление и испуганные возгласы присутствующих, сэр Бенедикт со своим необычным спутником направился прямо к выходу из вольера.

— Брут, не глупите! Что вы собираетесь делать? Неужели вынести это чудовище сюда? Оно же опасно!

Криптозоолог даже не мигнул: вылез из вольера, прикрывая голову странного существа рукой, чтобы оно не стукнулось о прутья. Снаружи вокруг этой парочки образовалось пустое пространство. Даже Лутфи счел свою веру в профессиональные навыки хозяина не столь глубокой.

— Стыдно, господа, — произнес сэр Бенедикт. — Разве ж это дрекавак? Господин Меховой, это, по-вашему, дрекавак?

Директор зоосада испуганно пожал плечами, неотрывно пялясь в оранжевые глаза «коалы», которых оказалось ровным счетом двенадцать.

— Это, господа, ховала. Прошу любить и жаловать. А дрекаваков, вероятнее всего, не существует в природе. В этом, Калистрат Вильгельминович, вы можете убедиться, если наведете некоторые

справки. Согласно поверьям, дрекаваки — духи, которых никто никогда не видел.

— Но в вольере постоянно что-то кричало. Вот у нас даже и стихотворение по этому поводу есть, — возразил директор и, собравшись с мыслями, продекламировал:

— Буря мглою небо кроет,

Вихри снежные крутя.

То, как дрекавак, завоет,

То заплачет, как дитя.

Сэр Бенедикт дернул глазом и настороженно спросил:

— Пушкин?

— Пушкарев, — поправил Калистрат Вильгельминович.

— Неужели Александр Сергеевич? — усмехнулся пристав.

— Зачем же? — не понял Меховой. — Полуэкт Евстратьевич — наш завхоз. У нас, знаете ли, поэтический кружок при зоосаде — тоже люди не далекие от культуры.

— Вот что, — криптозоолог решил покончить с фарсом, — ваш Пушкарев такой же поэт, как эта свистелка — дрекавак.

Доктор извлек из кармана и вручил хлопающему удивленными глазами директору трубочку с просверленными в нескольких местах дырками.

— Что это?

— Именно об этом я и хотел спросить вас. Этот инструмент был установлен в вольере.

Меховой простодушно подул в безобидную с виду трубочку, и та вдруг отозвалась протяжным хриплым воем. Все вздрогнули, включая многоглазого ховалу на плече у криптозоолога.

— Чувствую, местный городской уделяет зоосаду недостаточно внимания, — со значением произнес Бесогонов.

Сопровождавший его Клопцов вытянулся по стойке смирно и, кажется, даже перестал дышать.

— Но что же тогда стало с Бредихиным? — робко спросил директор, вертя в руках свистульку и не зная, куда ее теперь деть.

— Вот это уже пускай полиция разбирается. Я могу сказать только то, что в данном вольере нет никого, способного съесть человека.

— А с этим вашим чудищем что? — Пристав указал на двенадцатиглазый пушистый шар, вцепившийся в плечо Брута.

— А ховалу я забираю с собой до окончания расследования. Мало ли что ваши молодцы сотворят с бедным существом.

— Не позволю! — вдруг показал характер Меховой. — Это собственность зоосада!

— Покажите мне бумаги, где написано, что ховала принадлежит зоосаду. Если таковых нет, то я сдам животное на ваше попечение не раньше, чем закончится дело.

— Непременно. — Директор решительно пригласил всех вернуться в здание администрации.

— Странная ситуация, — пробормотал Бесогонов. — Что вы обо всем этом думаете, доктор?

— Я не доктор.

— Да ладно вам, Бенедикт. Вы уже наверняка что-то сообразили. Либо бросайте все эти выходки с картинным раскрытием преступлений в самом конце, либо официально работайте как частный детектив.

— Не волнуйтесь так, Порфирий Аверьянович, я не собираюсь носить шапку охотника на оленей и курить трубку. Предоставлю это удовольствие вам.

— И на что я только надеялся, — усмехнулся пристав. — Вы неисправимы.

Брут пропустил замечание мимо ушей.

— Вэл, раз уж мы в этом адском логове — их администрации, — пойдемте поговорим с ответственным за криптозоологическое отделение. Человек, сообразивший продемонстрировать в вольере простую свистульку вместо неуловимого дрекавака, должен довольно быстро оправляться от шока.

Но заведующий с замечательной фамилией Бессмертный как сквозь землю провалился: никто не знал, где он и тем более когда появится снова. Поэтому полицейским и Бруту осталось довольствоваться осмотром личного шкафчика пропавшего Бредихина.

Шкафчик оказался местом примечательным: помимо одежды там были обнаружены несколько книг изотерического содержания, фотография некой прелестной особы с огромными томными глазами (надпись на обороте: «Каждый вечер с нетерпением жду вас в клубе. Акулина») и квитанция из клуба «Шепот вечности» с проставленной отметкой об оплате за прошлый месяц.

— Вижу, культура среди служащих прямо-таки бьет ключом, — заметил сэр Бенедикт. — Не зоосад, а интеллектуальный резерв страны.

— Что это за клуб такой? Из тех самых?

— Если под «теми самыми» вы подразумеваете спиритические клубы, то да. — Криптозоолог почесал под подбородком зажмурившегося всеми двенадцатью глазами ховалу. — На квитанции указано количество сеансов, и вы заметили книгу «Свет и тени спиритизма»?

— Да-да-да, — закашлялся Бесогонов. — Именно их я имел ввиду. Откуда у вас такая осведомленность?

— Это поветрие давно захватило Европу. Вот и в Великороссию уже, оказывается, успело просочиться.

Вернулся директор с еще более виноватым видом, чем прежде.

— Показывайте документы на ховалу, — потребовал криптозоолог. — Что, нет документов? Ай-яй-яй, какая административная небрежность. Я увожу животное с собой.

Господин Меховой собрал последние душевные силы и почти что с трогательной робостью надвинулся на Брута:

— По какому праву? Вы частное лицо. А всех незарегистрированных криптид население обязано сдавать в зоосад.

— Хорошо, пойдем сложным путем. Неоформленного ховалу у вас изымает полиция. И... Порфирий Аверьянович, вы же не собираетесь держать его в управлении до выяснения всех обстоятельств?

— Упаси боже, — замотал головой пристав.

— ...И передает мне на передержку. Так вам более понятно?

Директор совсем сдулся, внезапно превратившись в грустную игуану, и со словами: «Ну что ж, если так, господа... тогда я ничего. Вы только не обижайте его, ладно?» — уполз в свой кабинет.

— Вот вроде бы неплохой человек, а за халатность судить надо бы, — взгрустнул Бесогонов, крутя пшеничный ус.

— Именно такому типу служащих и нельзя доверять административных должностей, — ответил криптозоолог. — Будут обмануты, обведены вокруг пальца. Помяните мое слово: лет через пять загремит на каторгу.

— Вы намекаете, что пропавший Бредихин проворачивал здесь какие-то свои аферы?

— Стал бы я на что-то намекать. И нам пора прощаться, а то государство что-то слишком бесцеремонно тратит сегодня мое время. Но вы, Бесогонов, не поленитесь сходить в спиритический клуб — наверняка узнаете много нового.

— Постойте, — чиновник неожиданно вцепился в зонт сэра Бенедикта, — почему бы вам не пойти со мной?

— Потому что меня ждут пациенты, а их хозяева платят в разы больше, чем царь-батюшка.

Лицо пристава неувовимо переменяло выражение.

— Вы правы, предложить сверх того мне нечего. Но зато есть что отнять. — Хитрец выразительно посмотрел на ховалу, задремавшего на плече у доктора.

— С каких пор полиция промышляет шантажом?

— С тех пор, как стала прибегать к вашим услугам, — в тон ответил Бесогонов.

III

Послали городского выяснить, где же находится спиритический клуб «Шепот вечности». И хотя в зоосаде никто о такой диковине не слышал, искомое заведение располагалось совсем рядом, на соседней улице в полуаварийном здании, предназначенном под снос.

На стук в доме долго не отвечали. И вообще, создавалось впечатление, что это обветшавшее строение было нежилым.

— Бесогонов, мы с вами совершили глупейшую ошибку, придя в спиритический клуб утром.

— Какое утро? Сейчас одиннадцать часов!

— Скажите это призракам. Боюсь, что заведение открывается не раньше чем стемнеет.

На этот раз Брут ошибся, потому что за облезлой дверью раздались шаркающие шаги, что-то лязгнуло, открылось смотровое окошечко, и в нем появился круглый сомнамбулический глаз.

— Клуб закрыт.

— Полиция. — Бесогонов сунул в окошко свою карточку с печатью. — У нас есть несколько вопросов, мадам.

— А что, разве спиритические клубы запрещены законом? — Голос женщины казался хриплым, будто бы прокуренным, с ноткой назревающего скандала.

— Пропал член вашего клуба Аристарх Бредихин. Есть основания полагать, что его нет в живых.

Сэр Бенедикт удивленно вздернул бровь, ясно давая понять, что лично он подобных оснований не видит.

Но ложь полицейского сработала — дверь открылась. Перед ними стояла маленькая женщина с непропорционально крупной головой, полуседыми взлохмаченными волосами и глазами ночной совы. Кружева на ее серого цвета платье были настолько ветхими, что казались ровесниками самого дома.

— Пристав Бесогонов. С кем имею честь?

— Наина Самсоновна Душеприказчикова, основательница и владелица клуба «Шепот вечности».

— Это ваша настоящая фамилия? — спросил чиновник, доставая из кармана блокнот и карандаш. Он, как человек рационального склада, не верил в подобные счастливые совпадения.

— Да как вы смеете оскорблять женщину! — Наина Самсоновна топнула ножкой, отчего с потолка тут же посыпалась штукатурка, а от стены отошел пласт обоев.

— Мадам, вы что, и докторов обвиняете, если они уточняют ваш возраст? Идет расследование, оставьте капризы для своих гостей. Вы назвали свою настоящую фамилию?

— Нет.

— И как же вас зовут?

— Авдотья Зосимовна Выдра.

— Понятно.

— Что вам понятно?! — тут же вспыхнула хозяйка.

Бесогонов пропустил реплику мимо ушей, сказывались годы практики. Именно из-за этой практики Бруту так ни разу и не удалось даже зацепить полицейского острым словом, не говоря уже о том, чтобы ранить.

— Отлично, госпожа Выдра. Вы позволите нам войти? Полиция на пороге не украшает ни один дом.

Женщина неохотно посторонилась, и они прошли в рассыпающуюся на глазах прихожую.

— Есть ли в здании еще кто-то кроме вас?

— Моя дочь, Акулина, и прислуга.

После короткого коридора вся компания оказалась в небольшой гостиной, которая если и могла претендовать на некоторую роскошь, то только при свечах. Дневной свет беспощадно выставлял напоказ выцветшие обои, потрескавшуюся штукатурку и потертую обивку мебели. Центр комнаты занимал круглый стол. На стенах висело множество картин, масок и чучел животных — видимо, все это изобилие было призвано прикрыть наиболее неприятные трещины и пятна.

— Как давно в последний раз Бредихин появлялся в клубе?

— Вчера, если не ошибаюсь. Вам лучше спросить у моей дочери. Сеанс вела она. Она у меня пишущий медиум.

— Простите?

— Пишущие медиумы — самый безвредный вид медиумов, Порфирий Аверьянович, — откликнулся криптозоолог с другого конца комнаты. — До тех пор, конечно, пока не начинают издаваться.

Все обернулись к сэру Бенедикту и застали его в неожиданной позе: доктор забрался на стул и пытался снять со стены голову какой-то крупной кошки с зеленоватым мехом.

— Брут, чем, черт побери, вы заняты? — озвучил общую мысль пристав.

— Ищу клеймо таксидермиста.

— Оно на оборотной стороне, — ответил ему от двери женский голос.

Доктор даже не обернулся посмотреть, кому он принадлежал. А между тем в дверях комнаты появилась молодая девушка роковой наружности, обладавшая разительным сходством с фотокарточкой, обнаруженной в шкафчике пропавшего служащего зоосада. Судя по всему, это и была дочь хозяйки.

— Порфирий Бесогонов. — Пристав тут же распрямился, стукнул каблуками и протянул к прелестнице руку. — Не женат.

— Акулина. — Девушка слегка пожала протянутую руку, но целовать свою не позволила, хотя полицейский тянулся и от предвкушения даже шевелил пшеничными усами.

В этот момент что-то упало, и все снова оглянулись на криптозоолога. Сэр Бенедикт сидел на стуле в обнимку с головой кошки, вид при этом у него был больной и испуганный.

— Моя арысь! Что вы устроили в чужом доме?! — совершенно справедливо возмутилась госпожа Выдра.

— Вам нехорошо? — с неподдельным участием кинулась к Бруту ее дочь.

Доктор отшатнулся от девушки, как иные отшатнулись бы от столь любимых им василисков. Лицо сэра Бенедикта сначала побледнело, потом позеленело — Лутфи даже испугался, что сейчас хозяина вывернет наизнанку.

На помощь пришел Бесогонов. Со словами: «Простите великодушно» — он мягко оттеснил барышню и буквально закрыл от нее криптозоолога.

— Но что случилось? — недоумевала девушка.

— Дух кошки, — невпопад вставила ее мать, закуривая длинную папиросу.

Во всей этой неразберихе испуганный ховала соскочил с плеча криптозоолога и запрыгал в неопределенном направлении. Лутфи, разрывавшийся между долгом помочь хозяину и попытками уследить за монстром, в конце концов решил, что раз Брут остался на попечении пристава и двух женщин, то животное — на его совести.

За неполный месяц, проведенный в услужении у доктора, молодой человек худо-бедно научился справляться с его чудовищами. Тут главное — следить за всеми конечностями и отверстиями, потому что никогда не знаешь, чем эти гады поцарапают, откуда плюнут — ну и вообще, как проявят свое крайнее нерасположение.

Лутфи вовремя выбежал в коридор, чтобы увидеть, как зверюга надкусывает чахнувший кактус в напольном горшке. Он ловко стянул с себя старенький пиджачишко, накинул его на многоглазую коалу, собрал края и в таком импровизированном мешке занес обратно в гостиную. Кактус, правда, успел изрядно пострадать, но кто заметит полусъеденное растение в этом умирающем доме?

В зале Бесогонов все еще отгонял барышню от зеленоватого сэра Бенедикта.

— Человеку же плохо! Почему вы не даете ему помочь?

— Милая Акулина... простите, как вас по батюшке?

— Никифоровна.

— Так вот, Акулина Никифоровна, доктору плохо именно из-за вашего присутствия.

— Я не доктор, — нашел в себе силы подать голос криптозоолог.

— Так что вы ему очень поможете, если отойдете в дальний конец комнаты.

— Но это смешно, — фыркнула девушка. — Вы просто морочите мне голову.

— Ай-яй, — пристав поцокал языком. — Грешно смеяться над человеческими слабостями. Брут, напомните мне, как называется эта ваша фобия?

— Нет у меня никакой фобии, — сдавленным голосом ответил сэр Бенедикт. Он был уже не так бледен и поднимался на ноги, приводя свою одежду в порядок.

— Ах да, гинофобия.

Девушка вряд ли поняла заумное слово, но, видя, что гостю становится лучше, так и осталась на другой стороне комнаты. Брут же, едва оправившись, надвинул на нос съехавшие оранжевые стекла очков и, кося одним глазом на барышню, стал вертеть чучело кошки в руках.

— Простите моего приятеля, он, как видите, все еще не в себе, — извинился пристав.

— Ошибаетесь, — откликнулся Брут, — гораздо более в себе, чем все здесь собравшиеся.

— Главное, пусть не испортит чучело, за него сто рублей плачено, — деловитым тоном сказала хозяйка, поджигая новую папиросу. — Курите?

— Что вы — берегусь. Я еще не женат. Сто рублей, говорите? Значит, ваше заведение приносит доход?

— На жизнь хватает, — уклончиво ответила госпожа Выдра-Душеприказчикова. — Вы, случайно, не из налогового управления?

«Не только на жизнь», — отметил про себя Лутфи. Чтобы снять особняк в центре города, пусть даже и разваливающийся, малой деньгой не обойдешься. Да и шутка ли — купить чучело какой-то драной кошки за четыре его месячных оклада?

— Я вам уже сказал, что пришел по поводу Бредихина.

— Аристарх был у нас вчера, — признала Акулина.

— Вы не заметили ничего странного в его поведении?

— Нет, ничего. Он отсидел сеанс как обычно. Потом о чем-то переговорил с мамой и ушел.

— О чем вы говорили с Бредихиным, Авдотья Зосимовна?

— О чем можно говорить после спиритического сеанса? — Хозяйка выдохнула дым, сделала паузу, дабы нагнать побольше мистического, и приблизилась к приставу. — Конечно, о высоких материях.

— А подробнее? — не поддался Бесогонов.

— Да глаз он давно положил на Акулинку. Говорил что-то про серьезные намерения и отсрочку оплаты членских взносов. — Выдра фыркнула и стала задумчиво перебирать ветхие кружева на своем платье. Неожиданно, будто забывшись, она вытащила откуда-то колоду карт и снова спрятала в складках. — А вы, господин пристав, не хотите вступить?

Бесогонов на секунду опешил от наглости вопроса.

— Поверьте, мадам, полиция пока еще не в таком отчаянном положении.

— Они успели скатиться только до сотрудничества с криптозоологом, — вставил свои пять копеек Брут, которого перестало интересовать чучело дохлой кошки. Судя по всему, он уже успел удовлетворить свое нездоровое любопытство и теперь пристраивал мохнатую голову обратно на стену.

— А зря. — Шурша юбками, хозяйка обошла вокруг пристава, взяла со столика графин, понюхала — сморщилась. И тут же без раздумий опрокинула его себе на ладонь. Вылившуюся жидкость втерла в виски и за уши. По комнате распространился едкий запах коньяка. — Если Аристарх действительно покинул мир живых, то через два дня мы попробуем выйти с ним на контакт. Думаю, полиции было бы очень полезно побывать на этом сеансе.

Порфирий Аверьянович закашлялся, бросил взгляд на дочку хозяйки, но наткнулся на совершенно безмятежный взор.

— Боюсь, что полиция не может оперировать информацией, полученной от духов.

— Отчего же? — неподдельно удивился сэр Бенедикт. Он слез со стула и, наконец, встал рядом со следователем как подобает. — Мы обязательно будем с господином приставом. Надеюсь, вы не много

возьмете с нас за этот сеанс? Должны же мы знать, на что подписываемся.

— Брут, вы сошли с ума, — прошипел полицейский. — Меня начальство со свету сживет.

Криптозоолог его проигнорировал.

— А теперь вынуждены откланяться. О нет, мисс, — увидев, что Акулина собирается двинуться в их сторону, доктор предусмотрительно поднял палец, — даже не думайте трогаться с места, мы сами найдем выход. Кусаев, ховала?

Лутфи с готовностью показал хозяину импровизированный кулек, из которого на них мигали двенадцать оранжевых глаз. Сэр Бенедикт кивнул и вышел в коридор.

— Брут, вы в своем уме? Какой, к чертовой бабушке, спиритический сеанс? Вы хотите выставить всю полицию в комичном свете? Газетчики порвут нас на лоскуты! — дал волю эмоциям пристав, когда они оказались на улице.

Криптозоолог невозмутимо вынул ховалу из Лутова пиджака, что-то пошептал на ушко присмирившему зверьку и снова водрузил его на свое плечо.

— Не хотите — не ходите. Дело добровольное.

Бесогонов собрался было возмущаться дальше, но, услышав, с какой легкостью отступился сэр Бенедикт, заподозрил неладное.

— Брут, признавайтесь, что такое вы там увидели? На кой черт вам вообще сдалась эта кошка?

— Поверьте мне, не стоит отказываться, когда вас приглашает столь экстравагантная особа.

— Я и забыл, что вы у нас большой специалист по дамам, — не упустил случая уколоть пристав. — Предупреждаю, доктор, не вздумайте снова скрывать факты от следствия.

— Идемте, — невозмутимо сказал сэр Бенедикт.

— Куда?

— Конечно, к таксидермисту.

— Брут, я, честное слово, когда-нибудь не выдержу и пристрелю вас из табельного оружия.

— Послушайте, я, конечно, понимаю, что вы больше смотрели на барышню, нежели по сторонам, но неужели вас несколько не смутило,

что в зоосаде сидит поддельная арысь-поле, а на стене у этих милых дам висит настоящая?

— О... — только и смог выдавить полицейский чиновник, прикидывая, какие горизонты для следствия открывало это сообщение.

Таксидермист, к которому привел своих спутников сэр Бенедикт, видимо, был чужд таким новомодным западным веяниям, как маркетинг и реклама, потому что над его замутненными временем и пылью окнами располагалась вывеска «Шушельник». Криптозоолог без тени сомнения толкнул дверь, в которую побоялся бы войти почти всякий порядочный горожанин, если, конечно, у него не было пистолета в кобуре. Такая устрашающе облезлая дверь могла вести только в сомнительный притон.

Впрочем, Лутфи и Бесогонов незамедлительно пожалели, что дверь вела не в притон. Внутри пахло мокрой шерстью и дохлыми мышами. Со всех стен и полок на посетителей таращились оскаленные морды и блестящие стеклянные глаза. Под потолком радостно летала счастливая моль, по благосклонности судьбы оказавшаяся в своем мольем раю. На бреньканье входного колокольчика вышел ветхозаветный старик с растрепанной бородой, будто сшитой из чьей-то шкуры. У деда были поразительно длинные и красивые пальцы, которым позавидовал бы любой пианист.

— Шта, господин хороший, опять кака тварь твоими стараниями издохла? — без приветствия обратился он к Бруту, сразу давая понять, кто тут безусловный чемпион по части мизантропии и хамства.

— И вам не хворать, Антип Христофорыч, — бодро откликнулся криптозоолог. — Верите ли, вот всех людей не люблю, а вас обожаю за честность.

Но старику вдруг стало не до ответа, он встретился глазами с ховалой и замер, едва не разинув рот.

— Подумать только... и каких тварей не носит земля. И шта, у нево в черепушке двенадцать глазниц? — наконец определился с подсчетами чучельник.

Сэр Бенедикт моргнул, видимо, эта занимательная мысль не приходила ему в голову.

— Вероятно. Никогда не видел череп ховалы.

— Так, как помрет, приноси, вместе и посмотрим.

Бесогонов нетерпеливо кашлянул: пристава не покидало ощущение, что он присутствует при разговоре двух маньяков.

— Нельзя ли ближе к делу?

— У нас с вами, господин хороший, делов пока нету. Выберите себе чучело, тогда и поговорим, — резко оборвал его старик.

Бесогонов только хмыкнул и, подмигнув Луту, шепотом сказал:

— Теперь мы знаем, в кого превратится твой господин лет через тридцать.

Меж тем, пока Лутфи с интересом заглядывал в пасть гиппогрифа, Бесогонов сооружал бойкий чуб мантикоре, а затем оба норовили примерить себе чьи-то бивни, явно отданные не вполне добровольно предыдущим хозяином, криптозоолог и владелец лавки нашли общий язык.

Сэр Бенедикт начертил на клочке бумаги три извилистые линии, и чучельник закивал.

— Знаю, знаю. Как не знать? Они переманили у меня самых крупных клиентов. «Сыромятников и Кац». Магазин в самом начале Дубовой аллеи. И думается мне вот шта, господин хороший... дело там нечисто.

По сравнению с лавкой чучельника в магазине Сыромятникова и Каца дело было очень даже чисто. Слишком чисто.

Наши герои в полнейшем удивлении прошли по отполированным до блеска белым мраморным полам, и зеркала в позолоте на стенах отражали каждое их движение. Лутфи сразу же застеснялся своих старых потрепанных башмаков. Вдруг на такой белизне следы останутся? Сраму не оберешься. Сэр Бенедикт же, наоборот, плыл вперед с таким видом, словно был уверен, что каждый оставленный им след будет немедленно огорожен и завтра же начнет собирать первых паломников. Уверенность, впрочем, быстро иссякла, когда навстречу им выпорхнула приятная особа в строгой белой блузе и предложила чаю или кофе, пока не придет управляющий.

Управляющий магазином был из тех персонажей, что сгибаются перед посетителем едва ли не под прямым углом, но при этом наметанным взглядом успевают оценить благосостояние клиента, с точностью до количества знаков в сумме на его банковском счете.

Предусмотрительно успевший забежать в управление и переодеться в партикулярное платье пристав, а также слуга доктора

управляющему явно не понравились, но вот сэр Бенедикт, помимо дорогих перстней на пальцах утяжеленный еще и таким экстравагантным аксессуаром, как ховала, вызвал нешуточный интерес.

— Прошу вас, располагайтесь. Мы готовы выполнить самые экзотические заказы наших клиентов. Это ведь у вас ховала на плече?

— Да. Как вы узнали? — с профессиональной ревностью прищурился криптозоолог.

Но управляющий сделал вид, что не услышал вопроса.

— Я готов слушать ваши желания и исполнять их словно джинн из лампы.

Бесогонов с сомнением оглядел абсолютно пустой и противоестественно чистый зал.

— Мы думали выбрать на месте среди представленных товаров.

— Нет, нет и еще раз нет! «Сыромятников и Кац» так свои дела не ведут. Мы никогда не ограничиваем выбор клиента и всегда выполняем заказ.

— Интересно. — Сэр Бенедикт повертел в пальцах зонт. — И птицу гамаюн достать сможете?

— Конечно.

— И аспида?

— Несомненно.

— Но это все криптиды, обитающие на территории Великороссии, их запрещено держать в частных руках.

— Живыми, — многозначительно уточнил управляющий.

— И где же вы берете мертвых?

— Мы не вправе разглашать имена наших контрагентов. Так что вы будете заказывать?

Сэр Бенедикт со спутниками так и не заказали чучело, но, похоже, это нисколько не расстроило бойкого управляющего. Ни облачка разочарования не промелькнуло на его розовом, как у младенчика, лице. Более того, он любезно предоставил Бруту экипаж компании и клятвенно заверил, что каждый божий день будет ждать повторного визита дорогого клиента.

Во флигеле на Пекарском Лутфи наконец с отвращением развернул свой пиджак: вся подкладка была испачкана в липкой слюне ховалы.

— Где ж это ты так изгваздался? — всплеснула руками горничная.

— Глаша, — сделал умильную физиономию Лутфи.

— И не проси — мне вчера хозяйского сюртука хватило! В рыбьей чешуе! И ведь, чай, не рыбной ловлей промышляет!

— Это он сиррушу зуб больной вырывал. Ну, Гла-а-аша. А я тебе пряник печатный куплю.

— Не Глаша, а Глафира Патрикеевна. — Девка уперла руки в боки, встав в позу сахарницы, но по всему было видно, что сейчас сдастся. — А пряник медовый? С орехами?

— Медовый, с орехами и изюмом, — закивал Лутфи.

— Ну ладно, давай постираю.

Сбагрив Глаше пиджачишко и помаявшись от безделья с полчаса, Лутфи сдался и открыл рукопись, которую с утра навязал ему хозяин. И как оказалось, не зря открыл: в этом фолианте можно было почерпнуть много такого, о чем сам сэр Бенедикт наверняка и не подозревал. Если правильно повернуть дело...

Размышления молодого человека прервало появление на кухне Анфисы Ксаверьевны, и он тут же вспомнил про странный утренний эпизод, который уже давно требовал объяснения.

— Что, досталось тебе сегодня? — участливо спросила домовладелица, кивая на пострадавшие Лутовы руки.

— Не больше обычного, — храбро пожал плечами юноша. — Анфиса Ксаверьевна, а что такое «гинефибия»?

— Не «гинефибия», а «гинефобия», — рассмеялась хозяйка. — Это боязнь женщин. Видишь ли, наш сэр Бенедикт обладает не только всевозможными достоинствами, но и некоторыми слабостями.

— А чего он вас с Глафирой не боится?

— Мы с Глашей для него недостаточно привлекательны. Наш блистательный доктор приходит в трепет только от благовоспитанных юных красавиц. Сознание, подобно тебе, конечно, терять не станет, но вот внезапные головокружения и тошнота — это пожалуйста. Так что думаю, Бенедикт будет крайне благодарен, если ты оградишь его драгоценную персону от всяческих посягательств прекрасного пола.

Лутфи красноречиво хмыкнул: что-то он пока не замечал, чтобы криптозоолог пользовался какой-то бешеной популярностью, чтобы его понадобилось от нее ограждать.

— И не надо хмыкать, — назидательно произнесла Анфиса Ксаверьевна. — Красивых дурочек на свете столько, что и на твоего хозяина хватит.

— А чего он их так боится-то?

— Да кто его знает. Рассказывал мне, как его однажды заперли на ночь в султанском гареме. Только я не верю — наш сэр Бенедикт еще и не такого понараскажет.

— Может, он их ненавидит?

— Кусаев, бросьте свои инсинуации и займитесь каким-нибудь полезным делом. Я люблю женщин, а они обожают меня, и не надо досужих домыслов.

Лутфи вздрогнул. Анфиса Ксаверьевна заговорщически поднесла палец ко рту. Они и не заметили, как в дверях кухни появился криптозоолог с довольно агукающим ховалой на плече.

— Глафира!

— Чаго? — высунулась Глаша из прачечной. Как Лутфи уже успел убедиться, эта отчаянная девка не только не испытывала трепета перед грубияном-хозяином, но и отваживалась дерзить в ответ. Сэр Бенедикт все спускал ей с рук. И вот почему...

— Знакомься с новым постояльцем! — Доктор со значением показал ей на ховалу.

— Ой, батюшки-светы! Это что же за чудо такое! — с детским восхищением воскликнула Глаша и бесстрашно потянула руки к пучеглазой криптиде. — Иди сюда, моя красавица.

Лутфи и Анфиса Ксаверьевна переглянулись и пожали плечами. Даже просто симпатичным ховалу можно было назвать с большой натяжкой.

— Это ховала. Ученые до сих пор спорят, отнести их к медведям или к паукообразным.

Даже упоминание о пауках не поколебало восторга горничной.

— А как зовут?

— Насколько я знаю, никак.

— Тогда буду звать ее Марусей.

— Это самец.

— Значит — Марусь, — вновь не смутилась Глаша.

Лута такое распределение ролей вполне устраивало. Он как бы невзначай выставил свои руки, чтобы доктор видел, стыдился и работы ему никакой не поручал. И криптозоолог действительно увидел: он с минуту пялился своими белесыми глазами на кисти слуги, а затем решительно отобрал свеженареченного Маруся у Глафиры.

— Кусаев, хватит прохлаждаться. Вычешите зверя, чтоб ни колтуна не осталось. Глафира, потом проверишь.

— Да я сама...

— Нет, пусть это сделает Кусаев. А ты подай чаю.

Молодой человек покорно протянул руки к многоглазой коале, надеясь, что вид этих мумифицированных конечностей заставит сэра Бенедикта передумать быстрее, чем любое слово протеста. Но хозяин даже глазом не моргнул — сунул животное и был таков.

Пришлось чесать.

К счастью, ховала не особо и сопротивлялся. Похоже, ему даже нравилось: все руки Луту облизал, да так, что промокли бинты. Теперь снимай и наново наматывай. Хорошо еще, что ожоги стали болеть значительно меньше. Вместе с обслюнявленной тканью пластами отходила почерневшая кожа, а под ней (удивительное дело!) на ладонях уже успела образоваться новая — нежно-розовая. Вот что значит не об утюг или кастрюлю ожегся — о саламандру! Обычный ожог заживал бы не меньше недели.

— Кусаев, собирайтесь! Через десять минут мы идем к новому клиенту. Нечего рассиживаться! — Пронзительный голос криптозоолога в буквальном смысле пронзал не только стены и двери, но и уши Лута.

Молодой человек потянулся за пиджаком, но его рука замерла в воздухе... Пиджачишко-то, изрядно обслюнявленный ховалой, унесла Глафира. А гардероб у парнишки был не то что у сэра Бенедикта: каждой твари по паре — не разгуляешься.

Кусаев шумно почесал затылок, повертел в изувеченных руках инструкцию для дворецких. Как там сказано в первой главе? Внешний вид слуги не должен бросать тень на его хозяина?

Нет, никакую тень бросать Лутфи, конечно, не собирался. Много ли с нее проку, с тени? А вот устроить кратковременное солнечное затмение — это пожалуйста.

Когда начинающий камердинер наконец появился в кабинете Брута, криптозоолог на несколько секунд потерял дар речи, что, согласитесь, случалось с ним не часто.

— Кусаев, я, кажется, довольно четко сказал, что мы идем к клиенту. Какое слово вы умудрились расслышать как «паперть»? Мой бизнес пока еще не настолько плох и, надеюсь, никогда так плох не будет!

Да, признаться, старый Лутов пиджак вызывал некоторое потрясение. Парнишка хранил его только для грязной работы и до сего момента даже не думал, что эти без пяти минут лохмотья могут сгодиться на что-то иное.

— Так мой пиджак ховала эта ваша обсосала, — с непритворным возмущением и некоторой нарочитой грубостью возмутился он, а потом для пущего контрасту добавил: — Сэр.

Это краткое «сэр» из уст форменного оборванца и добило доктора. Брут поморщился.

— За что?! — спросил он куда-то в потолок. — Так, Кусаев, планы меняются. Со мной вы не идете, а встретите меня через час перед магазином готового платья на соседней улице.

— Да, сэр, — спокойно ответил молодой человек, изо всех сил стараясь не выразить своего удовольствия от происходящего. А то с хозяина станется придумать какую-нибудь пакость.

Как оказалось, сэру Бенедикту и придумывать ничего не надо — он сам был ходячей пакостью. Стоило Луту с доктором через час войти в магазин платья, как Брут тут же свернул к углу, в котором висели пиджаки траурно-черной расцветки. Молодой человек аж похолодел, представив, как они с хозяином будут кружить по городу, словно два кладбищенских ворона. А тут еще продавец-зараза завел свою лисью песню.

— Ай, смотрите, господин, у нас вчера только завоз был: лучшие ткани, модный покрой. Отдам по себестоимости, как первому покупателю. Мы, торговцы, люди суеверные, даже себе в убыток.

Брут уже собирался осадить нахала, сказав, что в таком унылом заведении он купит одежду разве что для слуги. Пристало ли сэру Бенедикту носить готовое платье? Но тут Лутфи выбрал удачный момент, чтобы вмешаться. Паренек деликатно кашлянул.

— Что еще? — недовольно спросил криптозоолог, поворачившись в его сторону всем корпусом.

— Я тут подумал, сэр... — Брови доктора саркастически приподнялись в немом «неужели?». — Хорошо ли будет мне так же, как и вам, носить черное?

Брут нахмурился, ибо в этот момент подключилось и его воображение. Две черные фигуры (одна высокая, вторая низкая) тоже не представлялись ему чем-то импозантным. Не всякий же станет разбирать, где копеечное сукно, а где лучший английский твид.

— Вот, Кусаев, и на вас иногда снисходит озарение. Не зря я руковожу вашим чтением. Какой же цвет вам подойдет?

— Коричневый, сэр, — с замиранием сердца пискнул Лутфи. — Серый — это для рабочих, а я же на службе у благородного господина.

Криптозоолог молчал, выдерживая театральную паузу. А ну как сейчас ему опять вожжа под хвост попадет и обрядит он своего камердинера, к примеру, в лиловый? Насмешек потом не оберешься. Только прозвища «слива» и не хватало для счастья. Но то ли сэр Бенедикт был в хорошем настроении, то ли судьба под конец этого дня решила повернуться к молодому человеку лицом, хозяин махнул рукой в знак одобрения, и из магазина Кусаев вышел одетым с иголки в тройку шоколадного цвета.

V

Тем же вечером сэр Бенедикт приказал Лутфи развести в саду костер. Молодой человек подумал, что это очередная издевка, но нет: руки уже поджили настолько, что он был в состоянии выполнить задание. Когда пламя начало потрескивать, пришла Глаша, пыхтя, поставила рядом сначала стол, а затем самовар.

— Хозяйка сказала, вечерять будем, — пояснила она.

Затевалось нечто особенное.

Когда стемнело, стол был уже уставлен вареньем и пирогами. Звякнул колокольчик на калитке, и на дорожке появился бравый пристав. Окинув картину пристальным взглядом, Бесогонов сдвинул свою шляпу на затылок и спросил:

— Брут, вас никак выгнали из дома? Собираетесь ночевать на улице, греясь у костра?

Криптозоолог как раз нес ящик с саламандрой, причем с не меньшей гордостью, чем Глаша несла свои коронные сочники.

— Пока нет, но дело к тому идет, — сказала подошедшая с медовым бальзамом в руках домовладелица. — Анфиса Ксаверьевна.

Женщина с легким кокетством протянула гостю руку.

— Бесогонов, Порфирий Аверьянович, — тут же поклонился и поцеловал тонкое запястье пристав. — Не женат.

— Забавно: три холостяка, вдова и незамужняя девица собрались вечером, чтобы понаблюдать за родами какой-то ящерицы.

Брови Бесогонова, который до этого самого момента пребывал в полном неведении относительно мотивов полученного приглашения и цели своего визита, поползли вверх.

— Анфиса Ксаверьевна, это не какая-то ящерица! Это саламандра! — вскочил на ноги задетый за живое сэр Бенедикт. — Многие люди готовы заплатить кругленькую сумму за такое редкое зрелище, нам же оно досталось бесплатно из-за полного невежества ее владельца!

Лутфи посмотрел на хозяина с осуждением, но не стал уточнять, что введенный в заблуждение клиент еще и приплатил ушлому криптозоологу.

— Брут, так я отказался от игры в винт ради того, чтобы понаблюдать, как рождает один из ваших монстров? — с неподдельной обидой спросил пристав. Видимо, подобной каверзы от доктора он все же не ожидал.

— Бросьте, какой из вас картежник?

— Господа, давайте продолжим пререкаться за столом, — остановила назревающую ссору Анфиса Ксаверьевна, иначе криптозоолог мог бы отстаивать честь своей ящерицы до последней капли крови (не своей, конечно же).

Пока гость усаживался, сэр Бенедикт открыл заслонку ящика, и саламандра голубой искоркой скользнула в потрескивающий костер.

— Всегда думал, что саламандры огненно-красные, — заметил пристав, погружая зубы в мясной пирог.

— Вот результат того, что большинство людей предпочитают разглядывать картинки, вместо того чтобы читать книги, в которых они

нарисованы, — отозвался криптозоолог, вернувшийся к столу. По случаю неформальности трапезы к совместному ужину были допущены Лут и Глаша, смущенно сидевшие на краешках своих табуреток. — Саламандр чаще всего изображают в языках пламени — и правда зрелище впечатляющее. Но мало кому известно, что находиться в огне, а иногда и тушить его полностью этим существам позволяет способность понижать температуру своего тела до невероятных пределов.

— Так шо ж она рожать в огонь-то лезет? — выразила общую мысль Глафира, пытавшаяся деликатно, двумя пальцами, держать ватрушку.

— А этого, Глаша, пока выяснить не удалось, потому как саламандра — существо малоудобное для изучения. Было бы интересно измерить температуру новорожденных, но нашей науке и магии до этого пока далеко.

Костер вдруг затрещал, запыхтел, а затем выбросил столб пламени так, что слегка опалились нижние ветки яблони, под которой происходило чаепитие. Лица присутствующих окрасились алым, самовар на столе засветился, словно какое-то диковинное украшение. Все тихонько охнули, и только: дамы обладали крепкими нервами, криптозоолог и пристав были готовы ко всему в силу своих профессий. Один Лутфи недоверчиво покосился на хозяина, словно пытаясь удостовериться, что этот фанатичный любитель монстров и впрямь советовал своему клиенту выпустить саламандру в разожженный камин гостиной.

— Молодая попалась особь, еще не рожавшая, — как ни в чем не бывало поделился сэр Бенедикт. — Господа, давайте немного отодвинем стол, я слегка ошибся с радиусом.

Лутфи с Бесогоновым дружно взяли за столешницу, Глафира подхватила самовар. Криптозоолог оставил себе самую сложную работу — руководителя. Стоило им поставить стол и снова рассестись по местам, как из костра на манер фейерверка посыпались искры и в глубине оранжевых языков пламени вдруг проступила отчетливая голубая фигурка ящерицы.

Огонь взревел и, завернувшись жгутом, стал похож на бутон невиданного цветка. Это страшное неживое растение будто бы покачивалось, вводя наблюдателей в некоторое подобие транса.

Бесогонов замер, не донеся до рта кусок очередного пирога, Анфиса Ксаверьевна с горничной синхронно прижали руки к груди, Лутфи попытался отодвинуться подальше, но лишь бессмысленно ковырял носком ботинка землю, не в силах скоординировать движения и переставить табурет. Только Брут удовлетворенно прилебывал чай, будто находился на каком-нибудь домашнем концерте.

Огненный бутон раскачивался недолго: спустя пять минут его лепестки стали осторожно приоткрываться, и чем шире они распускались, тем сильнее становился жар. Нарастал тяжелый низкий гул — так гудят гигантские доменные печи.

Зрители забеспокоились, бросая испуганные взгляды на криптозоолога.

— Прикройте ладонью глаза, — посоветовал доктор, — мы приближаемся к кульминации.

Огненный цветок вспыхнул ослепительным белым светом, так и не успев раскрыться до конца. Когда наблюдатели проморгались, то оказалось, что в значительно поутихшем пламени уже не одна синяя искра, а несколько. Эти маленькие светящиеся точки вдруг резко ожили, задвигались и кинулись врассыпную из костра.

Никто не пошевелился. Только Глаша взвизгнула, всплеснула руками и кинулась ловить юркие искры в подол.

— Глаша, осторожней, не трогай их руками! — проявил неожиданную заботу криптозоолог.

— Та нешто я дура непролазная, голыми руками саламандр хватать, — обиделась домработница, ловко подхватывая краем фартука очередную искру.

Сэр Бенедикт многозначительно покосился на Кусаева.

— Завидую я вам, Брут, — вдруг задумчиво изрек пристав, когда они с доктором остались в саду одни, потягивая виски.

— Многие мне завидуют, — усмехнулся сэр Бенедикт, но интонацию его можно было трактовать по-разному. — Таков удел всех харизматичных талантливых личностей.

— Работе вашей завидую. — Порфирий Аверьянович будто пропустил мимо ушей половину реплик собеседника.

— Отчего же?

— Вот вы заранее знаете, что будете работать с монстрами, а потом вдруг они вам преподносят прекрасные сюрпризы. Как сегодня.

А я вот работаю с людьми...

— Которые на поверку оказываются хуже любого монстра, — продолжил за него криптозоолог.

Мужчины чокнулись, глядя на звездное небо над оградой сада.

Сэр Бенедикт достал сигару. Закурил.

— И мне одну, если позволите, — попросил Бесогонов.

— Вы же не курите.

— Я не курю точно так же, как вы не занимаетесь расследованиями. К слову, о расследованиях... Чем так ценен этот ховала, что вы захотели забрать животное к себе?

— Ничем.

— Неужели? Хорошо. Чем тогда ценен я, что вы пригласили меня на этот дружеский ужин?

— Не обольщайтесь, Бесогонов, я пригласил не вас, а ваш револьвер.

— Снова интригуете? Вот посажу разок под арест за препятствие следствию — будете знать.

— Сажайте, сажайте, чего не сделаешь для удовлетворения чувства собственной значимости. Раскрываемость от этого все равно не повысится.

— А от чего повысится?

— От сосредоточенной работы мозга.

— Каковую вы мне сейчас, несомненно, продемонстрируете.

— Бесогонов, я все время удивляюсь, как с вашим сломанным носом можно было сохранить такую наивность? Зачем, вы думаете, тот управляющий дал мне экипаж фирмы?

— Надеялся задобрить, чтобы вы вернулись и оставили-таки у него свои деньги.

— Еще столь же гениальные версии будут?

— Не играйте со мной, Брут. Когда я сыт и пьян, я за себя не ручаюсь. Стальная выдержка может стать чуть менее стальной.

— Чтобы узнать, где я живу.

— И?

Брут удрученно, жестом сердобольной кумушки прижал ладонь к щеке.

— И это лучшие кадры... Бесогонов, сколько человек в Князьгороде могут идентифицировать по внешнему виду ховалу?

— Хотите сказать, у них есть заказ на чучело вашего глазастого чудища?

— Наконец-то! К утру в лесу сдохнет что-то очень большое.

— То есть сегодня я здесь только ради того, чтобы сторожить монстра?

— А вы будто против? Мы вас накормили, напоили, — криптозоолог приподнял свой бокал, — развлекли, в конце концов! Сейчас еще и спать уложим. Правда, спать придется на диванчике в кабинете... Когда вы в последний раз боролись с организованной преступностью с такими удобствами?

Как и обещал сэръ Бенедикт, организованная преступность не дремала этой ночью, но почему-то не дремала она совершенно в другом месте. Бесогонова разбудил городской Клопцов, ворвавшийся в кабинет криптозоолога вместе с уже далеко не первыми солнечными лучами. Как нашел начальника? Бог весть.

— Беда, господин пристав! — не по уставу закричал городской. — Беда!

Бесогонов, даром что спросонья и после вечерних возлияний, первым делом схватился за револьвер, а уже потом за штаны. Увидев Клопцова, пристав все же отдал предпочтение штанам: негоже начальству представлять перед подчиненным в неглиже — уменьшает служебное рвение и губит в зачатке субординацию. Порфирий Аверьянович оделся быстро, четко, что красноречиво свидетельствовало о его военном прошлом. Пока одевался, не забыл и приструнить впавшего в ажиотаж толстяка.

— Но-но, Клопцов, смирно! Докладывайте! И не частите! — Пристав провел рукой по волосам, а затем с удивлением посмотрел на мокрую от какой-то прозрачной слизи ладонь. — Что за черт?

— Ваш благородь, зверство очередное в зоосаде. Загрызли насмерть, сволочи, хоть и Бессмертный — одна туша да мослы остались!

— Тьфу! Кого загрызли? Кто загрыз? Почему бессмертный?

Через пять минут наводящих вопросов и обещаний отдать на гауптвахту выяснилось следующее: в зоосаде в клетке одного из хищников был обнаружен изуродованный до неузнаваемости труп, и вместе с этим без вести пропал заведующий криптозоологическим отделением господин Бессмертный. Оба происшествия, совпавшие по

времени, навели персонал на совершенно логичный вывод, и зоосад мигом опустел. По городу начинали распространяться слухи о чудовищном людоеде, поселившемся за витой оградой с милыми зверушками.

К счастью, Бесогонов находился в доме именно того единственного человека, который мог разрешить данную ситуацию.

Сэр Бенедикт не заставил себя искать. Полностью одетый, он сидел в гостиной и, оттопырив белый мизинец со сверкающим бриллиантом, неторопливо потягивал свой утренний кофе. На столе перед ним лежала раскрытая газета, и криптозоолог даже умудрялся ее читать, несмотря на то что на другом конце стола примостился ховала и очень педантично маленькими лапками превращал свой край свежей прессы в гофрированную гармошку.

— Готовит себе гнездо, — пояснил доктор, зачислив волнение, читавшееся на лицах пристава и городского, на счет глазастого монстра.

VI

На этот раз группа встречающих перед зоосадам была гораздо внушительнее и вполне уже могла носить гордое звание «толпы». Только вот атмосфера над людьми витала такая, что даже сэру Бенедикту не хватило духу на фирменное самолюбование. Удивительно деловым шагом криптозоолог прошел сквозь собравшихся прямо к директору, безошибочно выделив его игуаноподобный профиль среди множества встревоженных и алчущих скандала лиц. Даже сопровождавший его шепот не смог поколебать серьезного настроения доктора, тот держал себя в руках как никогда.

— Хороший был человек, — едва завидев Брута, всхлипнул господин Меховой и шумно высморкался в носовой платок, испещренный черепашками. — Белочек кормил. А вон как оно вышло.

— Белочек, говорите... Вот и кого-то покрупнее, видимо, тоже накормил.

Директор зоосада завсхлипывал громче и яростнее, но сэр Бенедикт явно не испытывал к чужому горю не то что сострадания, но и малейшего уважения.

— Что, опять дрекаваки лиходействуют, Калистрат Вильгельминович? Ведите на место происшествия, думаю, кроме вас, никто не осмелится.

— Куда там... На этот раз вольер лламиги-и-дора. Закроют нас, ей-богу, закроют.

При упоминании загадочного животного сэр Бенедикт резко спал с лица и, утратив настроение злорадствовать, подхватил директора под локоть и потащил к воротам. Пристав, городской и Лутфи едва поспевали за ними.

Около вольера с чудовищем кристально ясной стала причина массового оттока служащих из зоосада. Середину огороженного пространства занимало искусственное озеро, самого чудовища нигде не было видно, зато на берегу лежала окровавленная туша.

При виде этой туши городской согнулся пополам и, быстро-быстро семеня, отбежал под ближайший кленок, чтобы оставить там свой нехитрый завтрак. Господин Меховой плотно прижимал платочек с черепашками к губам, Бесогонов двигал челюстями и сжимал кулаки, Лутфи прислонился к фонарному столбу и застыл, так что никто, кроме его всеведущего хозяина, не смог бы догадаться, что у молодого человека очередной приступ нарколепсии.

Сэр Бенедикт тем временем вскарабкался по решетке, не пожалев новых лакированных штиблет, перегнулся через зубцы и, сдвинув на нос круглые очки с сиреневыми стеклами, прицокнул языком.

— Господин Меховой, какое образование у ваших сотрудников, да и у вас самого, если уж на то пошло?

Директор недоуменно моргнул своими рептильными глазами поверх платка.

— Ай как стыдно. Небось, все зоологические факультеты позаканчивали, а отличить человеческие останки от свиной туши до сих пор не в состоянии. Вот что значит «у страха глаза велики».

— Как свиной туши?

— А так. Кто-то из ваших подопечных сегодня точно остался некормленным. В ваших же интересах выяснить кто. Во избежание...

— То есть господин Бессмертный жив? — перестал всхлипывать директор.

— К сожалению, утверждать это я смогу, только зайдя в вольер. У вас есть сейчас в наличии какой-нибудь живой корм: коза там, ну, не знаю, или та же свинья, что-нибудь, чтобы бегало и отвлекало внимание?

— Нет-нет-нет, привезут только завтра.

Брут растерянно огляделся вокруг.

— Или вот хоть собака подойдет, — показал он на безродную по виду шавку, беспечно спящую под скамейкой.

— Что вы, господин доктор, это ж живое существо, да и года три, почитай, тут при нас уже обретается, возьмите лучше с собой господина пристава.

Сэр Бенедикт покосился на полицейского чиновника.

— То есть господин пристав как бы не совсем живой и его не жалко?

— А то ж... Он при исполнении, а Тузик наш — гражданское население, — пояснил Меховой.

Бесогонов заразительно расхохотался и сдвинул котелок на затылок.

— Так и быть, господа животноводы, погеройствую сегодня маленько!

— За таких героев пьют не чокаясь, — осадил его криптозоолог.

— Бросьте, Брут, если уж вы собираетесь в этот вольер, то мне опасаться нечего. К тому же револьвер всегда со мной, и в случае чего угрызениями совести я мучиться не стану.

— Боюсь, что лламиги-и-дор тоже... Ладно, раз уж вы решились... У этого животного очень длинный и гибкий хвост, он выстреливает им из-под воды, хватает жертву, а затем утягивает на дно, где держит до определенной стадии разложения, чтобы потом съесть. Поэтому, когда войдете в вольер, двигайтесь как можно более резко и беспорядочно. Не спускайте глаз с водоема. Мне понадобится некоторое время, чтобы рассмотреть, нет ли на дне трупа.

После такой инструкции пристав посерьезнел, а господин Меховой вернул платочек с черепашками к испуганно разинутому рту.

— Как он хоть выглядит, этот ваш дор? — спокойно спросил Бесогонов, педантично проверяя барабан. — Отсюда ничего не

разглядишь.

— Вон видите два зеленоватых холмика посреди озера? — с готовностью отозвался криптозоолог. — Это его надбровные дуги. А вообще ламиги-и-дор напоминает гигантскую лягушку без ног, но зато с крыльями и длинным хвостом.

— С крыльями?!

— Если повезет, увидите сами.

— Странные у вас понятия о везении...

— И то правда, — согласился сэр Бенедикт, чем нагнал на пристава страху больше, чем за весь предыдущий инструктаж. — Готовы?

Оказалось, что готовы все, кроме директора зоосада, который еще долго суетился, выясняя, как открыть клетку.

— Только после вас. — Брут распахнул дверь перед приставом.

Порфирий Аверьянович скинул пиджак на руки городовому, положил сверху котелок и бесстрашно вошел в вольер.

— Уже можно бежать? — спросил он полуобернувшись.

— Не можно, а нужно, — безжалостно сообщил криптозоолог, расставшийся только со своим щегольским цилиндром.

И Бесогонов побежал, вернее не побежал даже, а поскакал, будто по кочкам. Пристав был на удивление в хорошей форме и ничем не напоминал пузатых князьгородских чиновников, что из-за стола-то вставали с трудом, а уж бегали разве что в детстве.

Сэр Бенедикт одобрительно хмыкнул и зашел в вольер нарочито неспешным шагом, да еще замирал иногда, будто желая продлить мучения «приманки».

Первый раз длинный, покрытый склизкими наростами щуп выскочил из озерной глади до того неожиданно, что пристав едва успел отпрыгнуть, когда упругая петля хлестнула его по ногам. Над вольером полетела изощренная брань, припомнившая всех родственников ламиги-и-дора вплоть до жабьей прабабки с ее бородавками в самых непотребных местах.

— Брут, эта лягушка со слона будет, что ли? — спросил на бегу Бесогонов. Не из любопытства, а, скорее, чтобы себя ободрить.

До слона ламиги-и-дор, конечно, не дотягивал, но вот размеров откормленного бычка вполне мог достигнуть. Особенно на зоосадовых-то харчах. Сэр Бенедикт не соизволил сообщить эту

ценную информацию чиновнику и продолжил свою неспешную прогулку. К тому моменту, когда он добрался до кромки воды, длинное щупальце-хвост успело стегнуть по приставу еще раз. Но тот был уже во всеоружии и, отскочив, успел еще лихо пнуть тварь вдогонку.

Брут тем временем наклонился к воде и, смешно семеня вдоль кромки, стал вглядываться в мутную зелень.

— Ну что там? — не утерпел Порфирий Аверьянович, который, хоть и бравировал, не прочь был завершить сомнительную эскападу поскорее.

Криптозоолог многозначительно приложил палец к губам. И точно: словно среагировав на голос пристава, озеро сначала подернулось легкой рябью и вновь выпустило смертоносное щупальце. Бесогонов легко подпрыгнул, но вот приземлился крайне неудачно. Нога подвернулась, и дальше герой заковылял прихрамывая, хоть и пытался это скрыть.

Сэр Бенедикт процедил сквозь зубы что-то о том, куда отправляются все самонадеянные гомо сапиенсы, и с беспокойством посмотрел на озеро, пошедшее пузырями.

— Бесогонов, вон из вольера!

— Да все нормально, — продолжал бравировать пристав.

— Отставить пререкания! — перешел на военные команды криптозоолог, чтобы до упряма быстрее дошло. — Я сказал, вон!

Вода в озере забурлила сильнее. Две зеленоватые кочки, ранее утопленные почти по самые верхние наросты, стали медленно подниматься вверх, сверкнули желтым маленькими, полузатянутые слепой пленкой глазки.

Сэр Бенедикт бросил взгляд на ковыляющего пристава и ни с того ни с сего хлестнул зонтом по глади озера. В напряженной тишине раздался звучный плеск и посыпались щедрые брызги. Чудовище тут же изменило свою цель и метнуло хвост в сторону доктора. Бруту пришлось снова воспользоваться зонтом: он ударил им как палкой, не вынимая обоюдоострого лезвия, скрытого внутри. Щупальце отпрянуло. Из-под воды донесся возмущенный бульк.

Криптозоологу не надо было повторять дважды, он развернулся и, отбросив всю свою степенность, побежал в сторону выхода из вольера. Там уже застыл Порфирий Аверьянович, револьвер наизготовку.

— Несчастный кретин, зайдете ли вы наконец за решетку?! — вне себя от ярости выкрикнул Брут.

Но пристав и глазом не моргнул. Вернее, моргнул: прицелился и выстрелил в мишень позади криптозоолога. Промазал. Сэр Бенедикт полуобернулся, высоко подпрыгнул и пропустил под собой гибкое щупальце. После чего припустил еще быстрее, уже не оборачиваясь, но откуда-то точно зная, куда придется следующий удар восхитительного лламиги-и-дора. На бегу он схватил пристава за плечо и буквально вытолкнул вон из клетки. В этот момент хвост чудовища ударил в последний раз, выбил из рук Бесогонова оружие и потащил револьвер в озеро. Порфирий Аверьянович возмущенно закричал, попробовал отбиться от доктора и броситься на спасение любимой игрушки, но они уже были снаружи, и городской с Лутом помогли Бруту удержать сопротивляющегося вояку.

Поверхность озера меж тем закипела, раздалась и выпустила на свет божий нечто отвратительное, блестящее, болотно-зеленого цвета. Бугры грубой болезненной кожи находили друг на друга, рептильи глазки под сильно выступавшими надбровными дугами утопали в складках морды. Чудовище выпрыгнуло из воды и расправило нелепо маленькие для такой туши крылья. Надолго задержаться в воздухе ему не удалось, и последовал неминуемый всплеск, когда оно упало обратно.

— Вы видели! Он выпрыгнул! — повис на прутьях решетки сэр Бенедикт, не скрывавший своего мальчишеского восторга. — Даже раскрыл крылья! Пять перепонок! Вообразите себе!

Только истинный энтузиаст мог успеть пересчитать еще и перепонки, наблюдая за этим вовсе не изящным прыжком. Недавняя смертельная опасность и последующее позорное бегство будто начисто изгладились из памяти доктора. Пристав же не был склонен так легко прощать лламиги-и-дора.

— Пусть там застрелится, тварь проклятая! — ругался он, ощупывая руками лодыжку. — Утащил табельное оружие и хоть бы икнул! Брут, прекращайте изображать из себя довольного жизнью орангутанга! Что вы успели там высмотреть?

Задетый за живое криптозоолог слез с решетки и мстительно ответил:

— Ничего.

— Я рисковал жизнью и потерял револьвер, чтобы вы не увидели ничего?!

— Заметьте, я вас с собой не звал. И как говорится, отрицательный результат — тоже результат. Отсутствие трупа в озере оставляет нас при основной версии.

— Это уже совсем ни в какие ворота не лезет! — вышел из себя Бесогонов и захромал в сторону доктора с явным намерением взять того за грудки. — Нет у нас никакой версии, Брут. Вы что-то там себе скумекали, но не соизволили поделиться, а теперь рассуждаете с видом профессора консерватории. Может быть, в «клоповник» я вас и не посажу, но ничто не помешает мне грубо и по-плебейски дать вам в глаз. Посмотрим, как вам помогут уже набившие оскомину аристократизм и язвительность.

— Но-но, давайте обойдемся без насилия. — Сэр Бенедикт отошел назад, замаскировав свой маневр намерением забрать у слуги цилиндр. — Вы же и сами могли догадаться, что исчезновение Аристарха Бредихина напрямую связано с подменой редких животных и дальнейшей их перепродажей. В этом обязательно должен быть замешан сотрудник зоосада. Можно было бы заподозрить самого Бредихина, но теперь исчез и неуловимый господин Бессмертный. Все сходится к тому, что глава криптозоологического отделения инсценировал свое съедение лламиги-и-дором, чтобы получить денек форы, пока он пересекает границу, к примеру, с Пруссией.

— А рассказать раньше не позволял обет молчания?

— Да полно вам. Поймаете. Тем более что все улики остались здесь. При должной сноровке еще и вытянете рыбу покрупнее. Право слово, Бесогонов, это не моя работа.

— Пока мы роемся в бумажках, ваша рыба уйдет в другой пруд, — с досады плюнул пристав.

— На этот случай у вас остался важный свидетель.

Порфирий Аверьянович так хмуро и требовательно посмотрел на криптозоолога, что тот счел за благо пояснить свою мысль без проволочек.

— Надеюсь, вы не забыли, что сегодня мы приглашены на спиритический сеанс?

— Вы шутите?

— Отнюдь. *Нот ивэн э литл бит.* Вы просто поразитесь, сколько интересного иногда могут рассказать духи, — с легкой полуулыбкой заверил сэр Бенедикт.

VII

— Мы и так в двусмысленном положении, — бурчал под свой сломанный нос пристав, отбиваясь от протягивавшего к нему с плеча криптозоолога лапки ховалы. — Зачем вы еще с собой этого циклопа взяли?

Марусь не обиделся, но и отказываться от своих попыток добраться до Бесогонова не собирался, словно был взят для похода в спиритический клуб с единственной целью, чтобы доставать и без того взвинченного полицейского.

— Затем, что ваши держиморды работают медленно, а мой слуга имеет скверную привычку засыпать в самый неподходящий момент, и мне бы не хотелось, чтобы в мое отсутствие кто-то выкрал этого почтенного зверя. И потом, Порфирий Аверьянович, у вас в школе либо было плохо с литературой, либо совсем не преподавали математику: вы скверно считаете до одного.

— Не заговаривайте мне зубы.

— Я бы не посмел. Это, собственно, был ядовитый сарказм.

— Никак не могу взять в толк, что такого вы хотите там увидеть? Уж не надеетесь ли вы, что чучельники ходят по спиритическим сеансам?

— Я точно так же, как и все, намереваюсь увидеть Аристарха Бредихина.

— Но вы же рациональный человек, даже более меня. Какие призраки?

— Самые настоящие, Бесогонов. Бьюсь об заклад, в детстве вы находили рождественские подарки еще до Рождества.

— Угадали. А что?

— А то, что вы своим нетерпением лишаете себя очень многих впечатлений в жизни.

Как оказалось, клуб «Зов вечности» привечал публику самую разномастную. В преобразившемся при свете свечей зале собралось пять колоритных персонажей. Полный собственной значимости мужчина лет пятидесяти с сытым, лоснившимся от достатка лицом и повадками крупного чиновника сидел очень раскованно, но был в статском костюме, поэтому определить степень его сановности было сложно. Порой и канцелярские крысы на людях могут строить из себя птиц высокого полета. Чиновник держал веки полуприкрытыми и периодически всхрапывал — не понять, спит или бодрствует.

Рядом примостилась молоденькая барышня с брезгливой гримасой на лице, одетая дорого, но безвкусно, судя по всему, дочь какого-нибудь банкира или промышленника — купцы своих девиц на такие посиделки не пускают.

Далее словно молодой терьер, соскучившийся по охоте, не сидел даже, а как-то нетерпеливо подпрыгивал над стулом явный представитель журналистской братии. В одной руке у него был остро отточенный карандаш (еще один такой же лежал наготове под локтем), в другой — блокнот. Около правой ноги громоздилась переносная камера — последнее слово техники.

Сухонькая старушка в выцветшем капоте, но с брильянтовой брошью на платье вязала что-то со стремительностью, превосходящей некоторые ткацкие станки. Рядом с ней мечтательно покачивался хрупкий юноша, бледный до почти полнейшей прозрачности, так что его уже сейчас можно было принять за вызванного духа.

И полицейский, и криптозоолог мигом оценили собравшуюся публику. Легко внушаемые, подверженные массовым истериям натуры были подобраны мастерски. В такой компании любой чих мог быть воспринят как глас небес, какой уж тут зов вечности. Пристав было попятился назад к двери, но сэр Бенедикт толкнул его зонтиком в спину и едва ли не под конвоем провел к столу. Порфирий Аверьянович опомнился, по-военному быстро провел рекогносцировку и... обнаружил весьма недурственный объект. Подкрутил усы, вытянулся во фронт, щелкнул каблуками и браво представился:

— Порфирий Аверьянович Белоногов. Не женат.

Полицейский не забывался и намеренно опустил свой чин, а должность уж и подавно, да к тому же немного подправил фамилию.

Объект, ради которого был произведен весь спектакль, заход не оценил, посмотрел холодно и надменно. Пристав только удовлетворенно крикнул, свято уверенный, что порядочной девице положено глядеть на нового кавалера как на врага, развернувшего армию у ворот.

— Бенедикт Брут, криптозоолог, — неожиданно скромно сказал его спутник. Отчего-то он всегда жутко не любил представляться самостоятельно, предпочитая, чтобы кто-нибудь вместо него сказал: «А это сэр Бенедикт, выдающийся специалист по чудовищам, первейшая на весь Князьгород знаменитость...» — и так далее и тому подобное со множественными прилагательными в превосходной степени.

Неожиданно даже для самого себя пристав все же добился внимания, его оккупировала зажиточная помещица Варвара Ниловна Нежалеева.

— ...и проявился-таки родненький, Налимушка. В зеркале тоисть. Сам лицом темен, хмур, знать, не в райских кущах обретается на том свете. Я, конечно, слезу пустила, но не удивилась: покойничек-то, светлая ему, шельме, память, уж больно при жизни охоч до женского полу был, вот прям как вы, милсдарь.

Бесогонов, до того слушавший снисходительно, вдруг закашлялся.

— Ну я его и спрашиваю, значит: кому, мол, мне имение отписать? Яшке, этому стервецу языкатому, или Милке, распустехе недалекой, мож, с приданым хоть под конец жизни ее кто со двора-то и сведет.

— А он? — уже заинтересовался Порфирий Аверьянович.

Помещица выдержала паузу, возвела глаза к потолку, будто снова увидела призрак мужа, так что и пристав невольно взглянул вверх.

— А он... Аву-у-у-у-у...

— Что, простите?

— Завыл, говорю. Знать, и на том свете жаль ему имущества, сволочь прижимистая! Иной раз просишь-просишь у него шубу новую, соболью, а он смотрит так, будто я у него на глазах живую корову съела.

— Его б на каторгу, сразу бы перевоспитался! — рубанув рукой воздух прямо перед самым носом сэра Бенедикта, вмешался мужчина чиновничьего вида, некто Полуяров.

Молодой журналист что-то быстро строчил в своем блокноте и при этом ехидно ухмылялся. Бесогонов смотрел на него хмуро и отчего-то щупал несуществующие погоны на плечах, видно, представлял, как мерзко будет улыбаться этот тип, если узнает про его место службы.

— А что это у вас за чудища такая, позвольте полюбопытствовать? — борзописец, наконец, задал интересовавший всех вопрос.

Первым неожиданно ответил пристав:

— Это, господин Малякин, новая порода, английская охранная болонка.

— Да что вы говорите? — пришел в замешательство журналист, ибо ховала своим видом даже близко не напоминал собаку.

Брут молчал и загадочно улыбался, глядя на то, как полицейский прибегает к изощренным мерам безопасности.

— Как, вы еще не слышали? — картинно удивился Бесогонов. — Хотя, впрочем, наверное, и не слышали... Заводчики только недавно вышли на наш рынок. Можно сказать, сэр Бенедикт один из первых счастливых. Ну так вы запишите, запишите! Не для рекламы, а как интересную новость. Изумительная порода! Вы только посмотрите, сколько глаз! Круговой обзор, быстрая реакция — лучшей охранной собаки для города и не придумаешь.

Журналист начал послушно писать, и каждая новая строчка в его блокноте рождалась под довольным взглядом пристава. Теперь, даже если в этой статейке появится упоминание о некоем полицейском чиновнике, присутствовавшем на сеансе, рядом с сообщением о выдуманной породе собак с двенадцатью глазами никто не воспримет его всерьез.

— Чушь! — воскликнула надменная девица, от которой Брут сел как можно дальше. — Это не может быть собакой!

Бесогонов довольно подкрутил ус, готовясь к долгой осаде сей прелестницы, но его планы нарушила хозяйка клуба, вместе с бесшумным и, к слову, весьма эффектным появлением которой погасла добрая половина свечей в и так затемненной комнате.

— Тише, — произнесла каким-то утробным голосом госпожа Выдра-Душеприказчикова. — Духи не любят громких звуков. Приветствую вас, господа, на уникальном сеансе.

Женщина торжественно уселась на свободное место и обвела выпуклыми совиными глазами всех присутствующих. Ховала заинтересованно подался в ее сторону и даже несколько раз дернул Брута за лацкан, чтобы тот обратил внимание на это диво, но криптозоолог со скучающим видом продолжал рассматривать помещение.

— Сегодня мы попытаемся связаться с душой нашего друга и единомышленника, Аристарха Бредихина, несколько дней назад покинувшего этот мир. Уверена, что он непременно нам ответит... и, может быть, даже расскажет об обстоятельствах своей гибели...

— Еще бы, — хмыкнул Брут, нежно отнимая у ховалы свой лацкан.

Журналист строчил в своем блокноте с такой скоростью, что казалось, страницы под его карандашом сейчас загорятся.

Остальные адепты смотрели на медиума со смесью ужаса и восторга.

— Возьмитесь за руки, создайте круг силы, — приказала госпожа Выдра.

— С превеликим удовольствием, — довольно шевельнул усами Бесогонов и сцапал тоненькую ручку своей соседки. Той оставалось только корчить гримасы, но посметь не подчиниться «зову вечности» она не могла.

Брут тоже невозмутимо взял за руки хозяйку заведения и старушку-помещицу.

— Аристарх Бредихин, приди, Аристарх Бредихин, приди! — патетически начала вызов Выдра.

Вдруг потянуло сквозняком, да так, что у всех побежали мурашки по телу. Погасло еще несколько свечей, и помещение погрузилось почти в полный мрак.

В дальнем конце комнаты засветилось какое-то неясное пятно, которое постепенно начало приобретать очертания человеческого лица. По участникам сеанса покатила волна ахов и нервной дрожи. Равнодушными к сему знаменательному явлению остались, пожалуй, только трое: Брут, Выдра и ховала. Причем зверь игнорировал призрака наиболее показательным образом — пренебрежительно повернувшись хвостом в его сторону.

— Аристарх, ты откликнулся на наш зов! Благодарим тебя! — продолжала подвывать вещунья.

— Батюшки святы! — причитала старушка.

— Как живой, — удивился пристав.

— А с чего вы взяли, что он не живой? — неожиданно игриво подмигнул ему криптозоолог.

Бесогонов моргнул. Что бы ни говорил о нем сэр Бенедикт, который, как вы заметили, иногда для приятного разнообразия мог бы и помолчать, полицейский соображал довольно быстро. Вся проблема в том, что действовал он еще быстрее. Порфирий Аверьянович вскочил со своего места, напрочь позабыв о всех прелестных дамских ручках на свете, и ринулся в сторону призрака с явным намерением захватить того прямо на месте.

Брут попытался его остановить, но, конечно же, не успел.

Раздался звон стекла и грохот от падения какой-то тяжести. Тяжестей было две: рама, на которой крепилось невесть откуда взявшееся в гостиной стекло, и излишне резвый пристав, на которого эта рама упала.

Все, что смог сделать сэр Бенедикт, это наклониться к поверженному вояке и поискать признаки жизни. Пульс и дыхание наличествовали, а также в скором времени должна была появиться еще и выдающаяся во всех смыслах шишка на лбу.

Среди завсегдатаев «Зова вечности» в это время царили смятение, крики и паника. Взбудораженный происходящим ховала соскочил с плеча криптозоолога и поскакал в темную нишу с явным намерением укрыться там от обезумевших людей. Но ниша повела себя страннейшим образом — зашипела на и без того напуганного зверя:

— Кыш! Кыш! Иди отсюда!

— Ай-яй-яй, как нехорошо! — громогласно пристыдил темное пространство сэр Бенедикт. — Животное к вам со всей душой, а вы, господин Бредихин?

В нише что-то двинулось, а потом неясная тень стремительно мелькнула к выходу.

Криптозоолог выругался и помчался следом, на ходу перепрыгнув через расстроенного ховалу.

— Куда вы собрались бежать, несчастный идиот?!

Из коридора раздался настолько истошный ор, что читатели, знающие любопытное устройство зонта сэра Бенедикта, могли вообразить, будто сей резвый мизантроп метнул в убежавшего скрытое внутри лезвие. Но хочу вас клятвенно заверить: насильственных смертей в этих историях не было и точно не будет, а криптозоолог, хоть и вреден характером, использует памятный подарок исключительно для защиты. Поэтому презревший чувство самосохранения ради любопытства журналист, высунувшийся в коридор, увидел следующую картину: Аристарха Бредихина, напоровшегося в темноте на неправдоподобно раскидистый кактус, девушку Акулину, выбежавшую со второго этажа на помощь недотепе, и Бенедикта Брута, схватившего жертву комнатного растения за рукав.

— Ну что вы так напугались? Подумали, что я из шайки чучельников? Не надо на меня моргать, — увещевал ожившего духа криптозоолог. — Тоже мне разыграли представление, запутали нашу доблестную полицию так, что они бегают за вами, вместо того чтобы ловить преступников. Как дети, право слово. Да отпустите уже этот кактус! И пойдете, вы должны рассказать приставу все, что с вами случилось. А вы, д-душечка, ближе н-не подходите, н-не надо... поднимайтесь наверх и н-не высовывайтесь!

Увидев вернувшихся в разгромленную гостиную сэра Бенедикта и Бредихина, госпожа медиум не растерялась.

— Мы прорвали ткань потустороннего мира! — патетически возопила она. — И мертвый воскрес! Нам было даровано великое чудо, равного которому не было в истории!

— Насколько мне помнится, все же было, — скептически отметил Брут.

— Пошлите за городом, это чудо отправится в управление, — прокряхтел едва-едва пришедший в себя пристав, пытаясь отцепить от себя ховалу, серьезно намерившегося зализать его вспухающую шишку до полного исчезновения.

— Но как же так?! — возмутилась хозяйка клуба. — Он обязательно должен дать интервью журналисту, господину Малякину.

— Тогда вместо него туда отправитесь вы.

— За что?

— За шарлатанство.

Присутствующие ахнули. Причем многие неодобрительно. Но самое интересное, неодобрение было направлено в сторону пострадавшего Бесогонова, а вовсе не самоуверенной обманщицы.

Чувствуя поддержку своих впечатлительных адептов, мистификаторша вызывающе оправила платье.

— Бедный мальчик, неужели он недостаточно настрадался?! — Тон был трагический, но почему-то складывалось впечатление, что «бедный мальчик» уже обречен и принесен в жертву по соображениям целесообразности.

— Наина Самсоновна, — очень-очень вкрадчиво сказал сэр Бенедикт, деликатно беря так называемого медиума под локоток и даже вспомнив при этом ее мистический псевдоним, — позвольте два слова наедине. После сегодняшнего сеанса и демонстрации ваших поистине выдающихся способностей у меня к вам есть одно интересное предложение.

VIII

Со спиритического сеанса криптозоолог вернулся в приподнятом настроении, из чего Лутфи заключил, что все пошло именно так, как планировал завзятый интриган. С трудом разлепив сонные веки, Кусаев помог хозяину раздеться и принес домашний халат с тапочками. За что тут же получил щелчок по носу.

Больно не было, но от удивления и обиды слуга широко раскрыл глаза: в руках у него вместо мягких домашних туфель были остроносые ботинки, наполовину черные, наполовину белые.

— Не хотел вас будить, но пришлось, — совершенно невозмутимо пояснил доктор.

Лутфи покорно развернулся и пошлепал за нужной обувью, бормоча себе под нос:

— Настоящий джентльмен даже прислуге делает замечания в тактичной форме. Настоящий джентльмен прибегает к насилию только в случае крайней необходимости, чтобы защитить свою честь или честь своей спутницы.

— Кусаев, что такое вы там бормочете? — Шипящий, полный угрозы голос Брута не хуже ведра холодной воды вывел Лута из дремотного состояния, в которое тот снова стал впадать. И дернула же нелегкая за язык!

— Выдержки из кодекса английского джентльмена, сэра. — Молодой человек осторожно поставил домашние туфли перед криптозоологом.

— И где же вы взяли этот кодекс? — еще более опасным тоном спросил хозяин.

— Его мне дали вы, сэра, — как ни старался, Лутфи не мог скрыть некоторой издевки в голосе.

— Что?!

— Это приложение к «Настольной книге дворецкого», сэра.

Сказать по правде, Лутфи никак не мог взять в толк, почему указания для дворецкого занимают почти триста страниц, тогда как правила поведения для джентльменов умещаются на двадцати, да еще с иллюстрациями.

— И почему вы вечно суете свой крючковатый нос туда, куда не следует? Сейчас же принесите мне книгу!

— Да, сэра. Но предписания дворецкому я еще не выучил.

— А предписания для джентльменов, значит, у вас отскакивают от зубов?! — вконец раздражился доктор. — А что будет, если я начну штрафовать вас за каждое нарушение правил?!

«Сначала вам придется их запомнить», — не без удовлетворения подумал Кусаев, прикинувшись образцом смирения.

От расправы его спасла появившаяся в дверях Анфиса Ксаверьевна. Вид у нее был самый что ни на есть грозный, несмотря на розовый чепец с двойной обороной рюш.

— Выселю, — лаконично сказала она.

— За что? — присмирел Брут.

— За нарушение ночного покоя. Или в «клоповник» сдам, Порфирий Аверьянович вас с удовольствием примет.

И это было сущей правдой, особенно после событий в спиритическом клубе.

Лутфи вернулся с книгой, и едва она попала в руки к сэру Бенедикту, как тут же подверглась акту вандализма. Чопорный иностранец со зверским выражением на лице выдрал из нее последние

страницы, содержавшие кодекс джентльмена, свернул в трубочку и сунул в карман домашнего халата. После чего поруганное сочинение вернулось в руки Кусаева.

Слуга только пожал плечами: кодекс джентльмена он и так запомнил наизусть.

Заметив это движение, криптозоолог стремительно вышел и со значением хлопнул дверью своей спальни.

«Всю ночь будет изучать, — с удовлетворением подумал Лутфи. — А это значит, завтра барин встанет поздно — можно и самому как следует выспаться».

Но не тут-то было. Сэр Бенедикт вернулся минуты через две, держа в руках удивленного ховалу.

— Вот. — Доктор сунул в руки молодому человеку животное и связку незнакомых ключей. — Сейчас возьмете Маруся и выгуляете его перед сном, а то он что-то перевозбудился.

— И долго гулять? — разочарованно спросил слуга.

— Пока не распугаете всех привидений, — загадочно ответил хозяин и самодовольно улыбнулся.

Мы с вами уже довольно хорошо знаем Бенедикта Брута и поэтому понимаем, что под выгулом ховалы криптозоолог подразумевал нечто совсем иное, нежели Лутфи. Во-первых, в понимании чудовищного доктора и не менее чудовищного хозяина прогулка должна была состояться никак не ранее полуночи. Во-вторых, гулять слуге пришлось не в саду и даже не в ближайшей аллее, а почему-то на чердаке большого дома, принадлежавшего Анфисе Ксаверьевне.

Маруся, взбудораженный новой непривычной обстановкой, живенько спрыгнул с плеча Кусаева и стал скакать по всем углам, поднимая тучи пыли, отчего тут же звонко расчихался.

После особенно громкого чиха где-то на нижних этажах послышалось не менее пронзительное «ой!». И слуга с ховалой замерли, прислушиваясь.

Может, зря сэр Бенедикт пенял своей домовладелице на то, что она пускала в дом божьих людей? Может, по дому действительно бродит призрак купца?

Словно в подтверждение этих мыслей внизу раздался скрип половиц и обрывок приглушенного разговора. Маруся, только что

вернувшийся со спиритического сеанса и чувствительный ко всему инфернальному, мелко задрожал, моргнул пару раз и вдруг засветил всеми двенадцатью глазами, будто в каждом было по лампе. Лутфи перекрестился (уж больно их светящийся венчик был похож на нимб), поймал лупоглазого монстра и полез вон с чердака. А то мало ли чего — объясняйся потом с хозяином.

На втором этаже было тихо, по крайней мере пока молодой человек оглядывался, но стоило ему сделать несколько шагов по направлению к лестнице, как на повороте он столкнулся с каким-то телом...

Тело было материальным, что не могло не радовать, и помянуло всех святых, прежде чем пообещало сослать Лута на каторгу. Повинуясь инстинкту, Кусаев оттолкнул ругающегося незнакомца и скорее услышал, чем увидел в темноте, как тот полетел вниз по лестнице. Вряд ли убился — пролет был недлинным, но вот шишек набил навверняка. Ховала провозгласил свою победу восторженным клекотом и будто прибавил свечения во всех двенадцати глазницах — они перестали казаться нимбом и уже напоминали обмотанные вокруг коалы елочные гирлянды.

Лутфи не стал геройствовать (вспомнил, как в самом начале своей службы безуспешно пытался обезвредить вора), а прижал звереныша к себе покрепче и поскакал вниз по лестнице звать подмогу, пока ночной тать не очнулся. Но вот неожиданность: на втором пролете он столкнулся с еще одним субъектом, помельче. Тот жалобно вскрикнул: «Мамочка!» — и, судя по звуку, упал в обморок.

Кусаев припустил еще быстрее на первый этаж — там, к счастью, никого не было. Вернее, молодой человек думал, что никого, пока ховала не высветил своими замечательными глазами тонкую фигуру с нечеловечески белым лицом. Лутфи заорал во всю силу своих легких и рванул к выходу, краем сознания отметив, что привидение заорало в ответ.

Выход загораживало еще одно существо, его большие круглые глаза светились не хуже, чем у ховалы. Когда этот ужасающий монстр поднял руки, словно покрытые пыльной паутиной, годами хранившейся в доме, и низким голосом, от которого сердце уходило в пятки, возвестил: «Духи этого дома, призываю вас!», сознание Лутфи наконец не выдержало и покинуло его.

Поутру к флигелю на Пекарском примчался взлохмаченный участковый пристав. Он долго звонил и барабанил во входную дверь, пока ему не открыла заспанная Глаша. Бесогонов обогнул испуганную девку и ринулся напрямиком в комнату к криптозоологу. Прибежавшая вслед за непрошеным гостем домработница стала свидетельницей весьма странной сцены. Чиновник сидел на кровати сэра Бенедикта, ерошил себе волосы, дергал за них как сумасшедший и в полнейшей ажитации тыкал себе в лоб, над которым колосилась густая пшенично-рыжая шевелюра.

— Вот-вот-вот! Бенедикт, посмотрите! Еще вчера ничего не было! А теперь пучками! И ни залысины!

Брут с помятым лицом, отросшей щетиной и в сетке для волос сердито и изумленно приподнялся на локтях, будто не совсем еще успел разобраться, снится ему Бесогонов или нет. Но вот удивительное дело, по мере того как доктор слушал пристава, лицо его все прояснялось и прояснялось. Наконец на взволнованной фразе Порфирия Аверьяновича: «Вы же говорили, что оно ничего не умеет» — сэр Бенедикт откинулся на подушки и захохотал в голос, а как отсмеялся, вылез из постели и велел Глафире подавать завтрак.

— На что же вы жалуетесь, господин пристав? — миролюбиво вопрошал криптозоолог, уже сидя за столом и удовлетворенно постукивая ножом по яйцу всмятку. — И по службе отличились, и шевелюру вон себе как подправили. Все невесты теперь ваши. Вот сейчас доедим и сходим в зоосад, чтобы и я получил свою долю трофеев.

— Брут, неужели вы действительно не понимаете, почему я злюсь? Вы можете притворяться идиотом перед кем угодно, только не передо мной! — Порфирий Аверьянович яростно терзал свою яичницу. — Вы намеренно скрыли информацию от следствия!

— Информация эта была следствию совершенно ни к чему, оно и так заплутало в трех соснах.

— Что за трофеи вы хотите получить с зоосада? — вдруг опомнился пристав.

— Им срочно нужен внешний консультант и аудитор.

— А что внешнему консультанту нужно от них?

Сэр Бенедикт мечтательно поднял глаза к потолку.

— Вам не понять...

— И все же, Брут, вы порядочная сволочь.

— А разве вам был бы интересен румяный и добродушный Айболит? Я ведь, в сущности, как отрицательный книжный герой: читатели надеются, что к концу книги он исправится, но будут крайне разочарованы, если это все же произойдет на самом деле.

— Доброе утро, господа. — На пороге столовой возникла чем-то явно обескураженная домовладелица. — Бенедикт, там пришла какая-то странная женщина, говорит, что готова снять дом за любые деньги. Признавайтесь, это ваших рук дело?

— Соглашайтесь, Анфиса Ксаверьевна. Такого выгодного предложения у вас точно больше не будет, — ответил коварный криптозоолог, делая многозначительный упор на слове «точно».

Боттом третьего теста

Вы уже, наверное, догадались, что многие криптиды вовсе не такие, какими их себе представляют люди, а уж представления самих криптид о людях и упоминать не стоит.

Не будем далеко ходить за примером, возьмем знакомого нам ховалу, который благодаря славной, но небогатой на фантазию девушке Глаше получил странное имя Марусь. Доктор был, конечно, прав насчет пола животного, и Марусь никак не мог быть Марусей, но вот кое-что очень важное многомудрый криптозоолог все же недосказал. А именно то, что несчастному обитателю князьгородского зоосада вот-вот должно было стукнуть никак не менее ста тридцати лет. Если бы Глаша узнала сей интересный факт, то уж наверняка стала бы величать нового подопечного гораздо уважительнее... Марусь Бенедиктович, не иначе.

Определить возраст ховалы довольно легко — достаточно посмотреть ему в глаза. Вернее, посчитать их количество. Детеныши этих чудных зверей рождаются всего с одним глазом, а затем каждые десять лет на их черепе проклевывается по дополнительному. Дело в том, что данные криптиды, очень шустрые в молодости, по мере старения начинают сильно терять в скорости движения и реакциях, так что природная компенсация в виде увеличения обзора им весьма кстати.

Итак, сосчитав глаза Маруся, коих было двенадцать, и обнаружив зачатки тринадцатой глазницы, сэр Бенедикт сразу понял, что перед ним один из патриархов рода, ведь ни в одном литературном источнике не было свидетельства существования ховалы более чем с шестнадцатью глазами. Но даже многоопытный криптозоолог не мог прочесть мысли и историю этого зверя, а жаль — там было много любопытного.

Да, Марусь был стар, неповоротлив и на ухо туговат, а то бы ни за что не поймать его болотным охотникам. Повезло еще, что угодил в зоосад, а не на стену к какому-нибудь любителю редкостей. Счастья он своего, конечно, ведать не ведал и лишь поначалу гадал, что это за племя такое чудное вокруг. Особи человек — и большие, и малые —

все были о двух глазах, молодые, жизни не ведавшие. Неужто никто из этих крупных животных не доживает более чем до двадцати лет? Бедные одинокие дети, некому за вами посмотреть, некому поучить и направить.

И решил тогда Марусь усыновить себе человечка, одного для начала, силы-то и проворство уже совсем не те. Долго приглядывался, выбирал: то к одному на плечо сядет, то к другому — ишь вымахали, малолетки. Наконец определился. Ходил по зоосаду парнишка — худенький, нескладный, видно, что слабый в стае, за таким особый присмотр нужен.

Вот и повадился Марусь выбираться из клетки (благо решетка была широкая, а почти вся толщина старичка состояла в богатой шкуре) и забираться на плечо к еще одному нашему знакомцу, Аристарху Бредихину. Паренек звал ховалу Глазастиком, а ховала Бредихина малахольным, потому что где это видано, чтобы разумное существо по доброй воле лезло в клетки к таким опасным тварям, как ламиги-и-дор и йорогумо. Этот же не просто лез, так еще их и подкармливал.

После сего странного «усыновления» смена Бредихина проходила следующим образом: едва молодой человек заходил за ограду зоосада, как ему на плечо откуда ни возьмись валился круглый и теплый со сна ховала, вцеплялся хваткими пальцами в одежду и открывал все свои двенадцать оранжевых глаз.

Обзор у ховалы был таков, что человеку и представить невозможно. Пространство раскидывалось над ним полным куполом — в любую сторону далеко видать. Лезет, к примеру, малахольный в клетку к грифону, а тот в самый неожиданный момент клюв в его сторону разевает. Старичок-ховала лапки на плече Аристарха сожмет, на ухо заклеочет — гляди, дескать, в оба, сынок, а то эдак и своего короткого века не доживешь. В общем, хлопотный оказался подопечный, но забавный — песенки все Марусю пел да в ладушки играть учил.

Вот только однажды случилась неведомая беда, от которой ховала никак не мог уберечь: поссорился сынок с одним из своих соплеменников, да не с кем-нибудь — с вождем.

Начиналось-то все безобидно: прибежал Аристарх в зоосад во время неурочное, хорошо, Марусь бодрствовал, а то бы упустил

недотепу. Ховала на плечо ему прыг, да чуть не свалился — так летел неумный торопыга.

— Вы не представляете, что я вчера видел! Чучело настоящей арыси! Наша точно странная! — с такими словами возбужденный Аристарх ворвался в здание администрации.

— Что-что? — сонно переспросил ночной сторож.

— Где видел? — лениво поинтересовался один из зрителей.

Ответить молодой человек не успел, из кабинета высунулась раздраженная физиономия заведующего криптозоологической частью и процедила:

— Бредихин, ко мне.

— Завтракать изволят, — тихо, в сторону, пробормотал сторож и подмигнул Аристарху из-под кустистых бровей. — Молодой кровушки с утра пораньше захотелось.

Господина Бессмертного в зоосаде не любили, оттого и сочиняли различные байки о происхождении фамилии начальника. То у него игла в сейфе хранится, то он на полную луну воет. Да чего уж там, сам Аристарх не далее третьего дня собственноручно подкинул на стол гонителю связку чеснока. Сие бесчинство было проделано с полного одобрения почтенного Маруся, ибо, как известно, едой с соплеменниками надо делиться, а уж делать подарки вожаку и подавно.

Так что в кабинет Бессмертного ховалин подопечный проскользнул с тяжелым сердцем — не иначе прознал бес про чесночное подношение — и тут же затараторил скороговоркой, чтобы сбить строгое начальство и ускользнуть от кары.

— Обманули нас, господин заведующий, с арысью-то! Кошку лесную подсунули. Я вчера у знакомых чучело настоящей видел. Так у нее шерсть зеленая, глаза во, уши во!

— Да тихо ты! — вдруг испуганно прошипел начальник. — Не ори так, не на базаре. И дверь прикрой. Где, говоришь, чучело видел?

Тут уже Аристарх стушевался.

— В клубе...

— Дорогой небось клуб-то? — спросил неожиданное заведующий.

— Не дешевый, — осторожно ответил молодой человек.

— Вы, Бредихин, вот что, про чучело помалкивайте. Не вашего ума это дело. Тут интересы таких людей замешаны, что, коли сунетесь, недолго и самому на стене оказаться вместе с той арысью. Вам ясно? — Бессмертный посмотрел на подчиненного таким немигающим взглядом, будто и впрямь в полнолуние нет-нет да попивал кровушку невинных душ.

— Я-асно, — протянул, заикаясь, Аристарх.

— А ежели ясно, так подработку я вам подкину. Рук замарать не побоитесь, будете при деньгах — и на клуб хватит, и на ресторацию... Этот зверь, кстати, как бишь его?

— Ховала.

— Почему не в клетке?

— Так выбирается, к-как ни запирай, — все еще заикался молодой человек, — но из зоосада не уходит.

— И в клетки к другим криптидам лазит? — оживился Бессмертный.

— Бывает...

— И к ламиги-и-дору?

Аристарх кивнул.

— Отлично, — кровожадно потер руки начальник. — Вы идите и помните о моем предупреждении, а я все организую.

Аристарх вышел из кабинета сам не свой.

— Эх с лица-то спал! — посочувствовал сторож. — Молочка не хочешь для кроветворения?

Бредихин только отмахнулся.

Марусь обеспокоенно заерзал на плече паренька. Что за лихо приключилось с подопечным? Чем помочь?

— Тихо сиди, не высовывайся, — положил ему руку на седую голову названный сынок, — а то тоже на чучело пойдешь.

И так приуныл малахольный, что в первом же вольере едва не угодил в лапы к буньипу. Впервые Марусь не смог докричаться до приемыша, чтобы предупредить, — пока за ухо не прикусил, ни за что этот беспечный отрок отрываться от своих мыслей не хотел.

Думал ховала, поест болезный, и лучше ему станет. Куда там! К обеду все только еще больше запуталось, ибо объявился другой соплеменник сынка — опасный, с такими не шути!

Как определил болотный зверь эту опасность — бог весть. Посторонний глаз ни за что бы не углядел никаких странностей в неприметном субчике, что подошел к Бредихину, взял его за плечо и всего-то секунд двадцать продержал. Ведь не мог же Марусь и в самом деле понять смысл слов, продавленных сквозь желтые от табака зубы:

— Слышь, паря, ты роток-то на замок закрой. У тишайших жизнь долгая, у громких короткая. Смекаешь? Завтра в это же время к тебе подойдет человек, ты ему эту тварь пучеглазую передай. Не бойсь, после отблагодарим, уж не обойдем.

Как похолодел приемыш от этих слов, Марусь почувствовал даже сквозь его рабочую куртку, но ободрить никак не успел.

— День добрый, Аристарх, как там ваша поддельная арысь поживает? — К сыночку подошла знакомая девушка, и ховала приветственно закурлыкал: само собой, самочки за малахольным не бегали, так что эту единственную надо было привечать. — Ты почему такой бледный? Тебе плохо? Аристаша, а что это за странный господин сейчас подходил?

А Бредихину действительно стало нехорошо: парень он был хоть и невидный, но сообразительный.

— Пропал я, Акулина Никифоровна! — с чувством вскричал он, хватаясь за голову. — Не бывать мне больше у вас на вечерах!

— Да что ты говоришь такое? — испугалась девушка.

И парень уступил настойчивости темных вопрошающих глаз, рассказал все, что с ним приключилось с самого начала дня.

— В полицию надо! — решительно заявила Акулина.

— Прирежут, ей-богу, прирежут, — убивался несчастный.

Девушка задумалась лишь на секунду, в силу своеобразной профессии ум ее был гибок, скор и заточен на поиски неординарных решений для неординарных проблем.

— Тогда пускай полиция придет сама, но по другому вопросу, — улыбнулась чаровница, поглаживая довольного ховалу по серебристой шерстке.

Задумка Акулины отличалась детской простотой и легкостью исполнения. Требовалось лишь выбрать клетку с достаточно опасным хищником, да желательно еще с тем, которого ушлый Бессмертный уже успел продать и подменить. На худой конец могла сгодиться та же арысь. В клетку бросить немного мяса, завернутого в одежду

незадачливого зрителя Аристарха Бредихина, а затем спрятаться и ждать, пока кто-то не поднимет панику и не вызовет полицию.

Молодого человека смущал только один момент:

— А вдруг полиция не разгадает махинаций Бессмертного?

— Так мы им подскажем! — не смутилась Акулина и протянула сообщнику прямоугольную карточку. — Вот!

Карточка оказалась фотографией, да не чьей-нибудь, а самой милой заговорщицы. Аристарх перевернул ее: «Каждый вечер с нетерпением жду вас в клубе. Акулина».

— Господа полицейские обязательно к нам нагрянут, а уж мы ваш мнимый дух призовем честь по чести. Сами все им и расскажете!

— Акулина Никифоровна!

— Что? Вам не нравится? — вдруг растерянно забеспокоилась девушка.

— Не в этом дело! — тут же уверил ее Аристарх. — Фотография! Вы заранее ее принесли и подписали!

Милая обманщица зарделась, словно школьница. А пылкий юноша уже схватил ее тоненькую ручку и притянул к своему сердцу.

— Смею ли я надеяться, Акулина Никифоровна?

Ах, молодость! Даже не разумеющему человеческую речь ховале было понятно, что смеет, и еще как.

Афера была осуществлена той же ночью. Вот только пожалел Аристарх зоосадовых криптид, не стал вешать ни на кого свое мнимое убийство. А ну как полиция застрелит бессловесную тварь с перепугу? Выбрал пустую клетку, где вместо несуществующего животного были установлены одни свистелки. Теперь, зная о деятельности начальства, Бредихин не сомневался, что деньги на эти свистелки были взяты из бюджета в таком количестве, будто покупалось одно из самых редкостных чудовищ. Про подлог знали не все, только зрители, занимавшиеся уборкой. А завтра с утра как раз смена новенького Булкина — вот уж лучшего человека для наведения паники не придумаешь.

Беспокоил только ховала...

А ховалу беспокоил малахольный приемыш. Мало того, что появился посреди ночи, так еще и какие-то кровавые ошметки в пустую клетку таскает. Марусь ворчал и неодобрительно перебирал лапами на плече у сына.

— Ты, вот что, спрячься и к людям не вылезай, пока я за тобой не приду. Еды я тебе оставил.

Ховала заворчал сильнее, прикрыл веки, а когда открыл, из глазниц ударил такой яркий оранжевый свет, будто за каждой было по лампе.

— Тише-тише-тише, не сердись, — тут же засуетился Аристарх, не зная, как прикрыть все двенадцать глаз зверя всего двумя человеческими ладонями. — Ты меня так сейчас с головой выдашь!

Марусь, может быть, и послушался бы приема — вылезать к людям он ой как не любил, — вот только на следующий день случилось знаменательное событие. В зоосад наконец-то пожаловал человек старше двадцати лет, с четырьмя глазами, одна пара которых (о диво!) была совсем такая же оранжевая и круглая, как у ховалы. Человек шел в окружении остальных двуглазых, и Марусь сразу проникся к нему уважением: следить за такой толпой молодняка было не просто. Зверь скакал по веткам, кустам и оградам, неприметно следуя за чудом, но, когда четырехглазый зашел в вольер, где приемщик оставил окровавленное тряпье, не утерпел — шмыгнул следом.

— Это ты тут у нас, что ли, в роли ужасного дрекавака? — только и спросил сэр Бенедикт (ибо четырехглазым человеком мог быть только он), когда любопытная мордочка ховалы показалась из-за скалы. — Ну-ка, посвисти.

Марусь ничего не понял, но выглянул смелее.

Криптозоолог, отметив, что зверь к нему явно расположен, решил показать пример и тихонечко посвистел. Ховала понятливо закурлыкал в ответ, очевидно приняв звуки, издаваемые доктором, за вполне определенный вопрос, скрылся в ближайшей расщелине искусственных скал и тут же вынырнул обратно, держа в цепкой лапке какую-то трубочку.

— Так-так-так... — протянул Брут.

— Так-так-так, — застрекотал Марусь и, прибавив характерное посвистывание, протянул находку четырехглазому.

— Вот спасибо, сам бы я еще минут двадцать тут лазал. Ну что, помощник, со мной пойдешь? — Криптозоолог похлопал себя по плечу.

Два раза Марусю приглашать не надо было — стар-то он стар, а любопытства растерять еще не успел.

Когда дивное четырехглазое создание вылезло за пределы вольера, ховала получил возможность как следует разглядеть его спутников.

Ай-яй! У маленького и узкоглазого поранены руки — непорядок. Почему старший не лечит? А у высокого шерсть на голове вылезает — причем странно, двумя бороздами. Никто-то за вами, молодшенькими, не посмотрит, никто не направит. Вот третий был хорош: кругл, упитан и с глазами, что утиное яйцо, — сразу видно, у матки первое дитя.

Все выказали Марусю должное уважение — рассматривали его внимательно и пристально, с почтительного расстояния. Потом долго спорили, перебирали какие-то вещи приемыша и наконец забрали ховалу в странный дом, в котором сильно пахло плесенью и пылью.

Почтенный зверь не сразу понял, зачем его сюда принесли. А потом принюхался повнимательнее и сразу догадался. Сынок-то — вот он, здесь, в соседней комнате! Хотел было добраться до малахольного, да не успел. Встретил, старая дурья башка, по дороге тщедушное растение в кадке — жалко стало, решил помочь.

Пока облизывал, весь язык исколол. А этот узкоглазенький тут как тут — накинул на Марусю тряпку, и стало ховале темно и тесно.

Больше ничего интересного в тот день не произошло. Гуляли долго, говорили много. Затем приехали в нору четырехглазого — славная норка, большая, с двумя женщинами — хорошо живет старейший из человек.

От знатного гостеприимства — фруктов, ягод, орехов и баранок (особенно баранок!), расчесывания шерсти и щекотания под брюшком — Марусь разомлел, но при первой же возможности в долгу не остался. Стоило вновь попасть в руки к узкоглазенькому, сразу эти руки подлечил — облизал на славу. И малыш еще смышленный попался — конечности тряпочкой замотал, чтобы быстрее подействовало.

А на следующий день, проснувшись рано, добрался ховала до того бедного человечка с проплешинами, сел потихоньку на подушку около головы спящего — и ну ему лоб нализовать. Дело сделал мастерски, не всякому дано, вот только не хватало листьев или бересты — приложить, чтобы лучше заживало.

Марусь спрыгнул с подушки и отправился в соседнюю комнату на поиски. Там сидел сам четырехглазый... Или нет... Погодите-ка! От представшей перед ним картины ховала опешил. Потом решил

подобраться поближе, запрыгнул сначала на стул, а потом на стол, но яснее не стало. Куда подевались третий и четвертый глаз?! Те, что были самими красивыми, оранжевыми...

Ховала смотрел на сэра Бенедикта, а сэр Бенедикт на ховалу — молчание затягивалось.

— Ну так доброе утро, что ли? — неуверенно сказал доктор, не зная, чем объяснить странное поведение этой редкой криптиды.

Марусь угукнул и стал задумчиво комкать большую бумагу, странно пахнувшую краской — кусочек для лба плешивого будет в самый раз, — а сам при этом размышлял... Может быть, перед ним сынок четырехглазого? Леший разберет этих людей — все на одно лицо!

Дособрать газетку и долечить плешивого ховала так и не успел. Люди забегали, зашумели, собрались — и вон из дома.

Тьфу, заполошные! Свяжешься с молодняком — ни мгновения покоя не будет.

«Все же какое-то непонятное строение у этих людей», — подумал зверь, когда к вечеру был разбужен вернувшимся хозяином норы. Странное дело: третий и четвертый глаз снова были на месте, но из красивых оранжевых превратились в странно-сиреневые.

Сэр Бенедикт с ховалой на плече вышел из дома и почти сразу встретился со своим товарищем с проплешинами. При виде Бесогонова Марусь расстроился — не подействовало лечение. Надо было утром изловчиться и бумажечку или тряпочку все же приложить. Но куда там, когда все так бегает и суетятся.

Ничего, решил Марусь и стал тянуть лапки, чтобы перебраться на плечо к неподатливому пациенту. Пристав возмущенно отбивался, и ховала на некоторое время оставил свои попытки, чтобы потом возобновить их, когда лысо-бороздчатый отвлечется, а еще лучше заснет.

Меж тем направлялись они в тот самый странный дом, где еще вчера Марусь почувствовал запах приемыша. На этот раз там собрались и другие люди, они много и долго разговаривали. Но ховала не проявлял нетерпения — его ноздри щекотал знакомый запах. Если приемыш и правда здесь, то скоро придет и заберет его. А если нет, так что суетиться?

Свет погас, и все замолкли, кроме одной красивой круглоглазой женщины. Та начала жалостливо подвывать. Марусь искренне пожелал, чтобы все ее тяготы разрешились поскорее — а то невозможно слушать.

Тут-то приемыш и пришел — появился в темной нише. Вот только все остальные почему-то смотрели в противоположном направлении, на его светящееся отражение. Ховала и раньше подозревал, что у людей отвратительное обоняние, но никогда не думал, что настолько. А человек с проплешинами и вовсе учудил: рванулся к отражению, да и разбил его на мелкие кусочки.

Ховала тяжело вздохнул — мелочь бестолковая, — передернул плечами и поскакал в сторону приемыша, а то ведь так не покажешь, где он находится, эти двуглазые еще и не додумаются...

«Глупые-глупые люди», — обиженно думал ховала, вылизывая лоб человека с проплешинами, благо тот не сопротивлялся, ибо потерял сознание после столкновения с балкой. И еще неблагодарные. Он-то обрадовался, кинулся к малохольному, а тот, бродяга эдакий, испугался, да еще шикать на него начал. Если бы Марусь мог говорить, то непременно бы возопил: «Да как ты можешь?! Я на целых сто лет тебя старше!» — и был бы абсолютно прав.

Объект лечения заворочался. Ховала на секунду прекратил слюнявить ему залысины и задумчиво оценил свою работу. Так, ежик вроде бы уже пробивается — дальше продолжать не стоит, а то ведь по самые глаза зарастет.

К счастью для пристава, мудрый Марусь уже понял, что шерсть на лице у человеков может быть только снизу — иначе на следующее утро Бесогонова ждал бы совсем иной сюрприз.

На этом я, пожалуй, прекращу перечислять события, молчаливым свидетелем которых стал ховала, — это не так-то легко, да и достопочтенный Марусь устал, а оставшиеся сцены имеют отношение скорее к человеческим чувствам и событиям, нежели к животным. Уверена, что вы уже догадались, о чем пойдет речь, но не хотите ли послушать, какое предложение сделал сэр Бенедикт хозяйке клуба «Зов вечности»?

Давайте вернемся к тому моменту, когда оба этих крайне странных персонажа вышли из разоренной гостиной, оставив пристава и мнимое привидение решать свои проблемы без чужой помощи.

— Что же у вас за предложение? — Все еще возмущенная «душеприказчица» встала в закрытую позу, скрестив руки на груди.

— Не желаете ли нанять дом с привидениями? — светским тоном предложил Брут, помогая ховале забраться с пола к нему на плечо.

Госпожа Выдра аккуратно оглянулась и, убедившись, что в коридоре никого, кроме монструозного кактуса, наклонилась поближе к криптозоологу и тихо сказала:

— Но привидений не бывает.

Сэр Бенедикт тоже наклонился к ней и даже прикрыл рот ладонью, будто сообщая что-то до крайности секретное.

— Я знаю.

— ?

— Зато бывает заслуженная репутация. Как у вашего клуба... так и у нашего дома. Приходите сегодня после полуночи на осмотр и своих гостей захватите — будет им бесплатное развлечение. А уж как минимум одного призрака я вам обеспечу, — многозначительно сказал Брут и вложил в руку хозяйки клуба заранее приготовленную записку с адресом дома в Пекарском переулке.

И как мы уже знаем, чудовищный доктор действительно нашел для спиритов привидение... даже двух. Чего мы еще не знаем, так это того, что помимо привидений он нашел еще и некоторые человеческие качества, о наличии которых в самом себе ранее не подозревал, а потому маялся бессонницей в ожидании, когда вернутся его слуга и ховала.

Да-да, нам, обычным людям, это странное чувство известно под именем «беспокойство».

Сэр Бенедикт переживал... И поэтому едва не схватил инфаркт, когда за окном его спальни вдруг появились круглые глаза. Глаз было семь: пять принадлежали ховале, а еще два — госпоже Выдре-Душеприказчиковой.

Едва оправившись от шока, криптозоолог распахнул окно, и оттуда вместе с холодным ночным воздухом пополз шипящий голос хозяйки спиритического клуба:

— Вы не предупредили меня, что надо будет прятать труп...

— Какой труп? Пойдите... вы о моем слуге? — с облегчением догадался Брут.

— Да. Я отволокла его в кусты, чтобы наши не заметили, но дальше просто не знаю, что делать...

— Ждите, я сейчас.

Сэр Бенедикт обернулся в комнату, скинул халат, и оказалось, что этот гениальный агент по недвижимости еще не переодевался, будто заранее ожидал, что возникнет необходимость снова выйти из дома. Доктор не стал утруждать себя походом к двери, а без тени колебаний вскочил на подоконник, с мимолетным сожалением взглянув на светлые домашние туфли. Ну ничего — камердинер почистит, в конце концов, это именно он виноват в том, что криптозоологу сейчас придется не только бродить по саду, но и таскать на плечах изрядную тяжесть — и все ради того, чтобы его величество Лутфи Кусаев имел удовольствие очнуться в собственной постели.

«Это все хорошо, но что же случилось с Марусем?» — спросите вы и будете совершенно правы, потому что история считается завершенной только тогда, когда каждый герой оказался на своем месте. Где же самое подходящее место для сострадательного и почтенного летами ховалы, как не в зоосаде?

— Ну что, Глазастик, давай мириться? — смущенно предложил Бредихин, осторожно приближаясь к Марусю, затеявшему прятаться на книжной полке в кабинете сэра Бенедикта.

Никогда ранее молодому зрителю еще не приходилось разговаривать со своими криптидами в присутствии других людей. А ну как назовут сумасшедшим? Но вряд ли этот важный криптозоолог приехал в полицейское управление забрать только что освобожденного свидетеля ради сомнительного удовольствия над ним посмеяться.

Вот только ховала идти к Аристарху не хотел — надулся и даже попытался отвернуться, хоть обладателю целых двенадцати глаз это было сделать не так уж легко.

— Вы неправильно просите прощения, господин Бредихин, — надменно сказал Брут. — Надо поклониться так, чтобы ваши глаза были по уровню ниже, чем его.

— Получается? — Аристарх наклонился к Марусю. — А дальше что?

— А дальше если он простил, то положит вам лапу на голову... а если нет, то ткнет пальцем в глаз.

— Что?! — Смотритель зоосада попытался отшатнуться, потому что в отличие от ховалы не был склонен обращаться с собственными глазами столь беспечно: новые не отрастут ни через десять лет, ни через двадцать.

— Так вы хотите вернуть зверя на место или нет? — уточнил доктор.

Бредихин секунду поразмышлял и снова согнулся в поклоне перед сидящим Марусем, очень хотелось зажмуриться, но он не смел.

Прошли две долгие томительные минуты, но вот легкая рука редкого и мудрого зверя поднялась и легла на взлохмаченную голову юноши.

— Если что, то про пальцем в глаз я пошутил, — сказал удовлетворенный криптозоолог.

Тест четвертый. Игра со сфингой

Иннинг четвертого теста

*«Целеустремленный человек находит средства,
а когда не может найти, создает их.*

Уильям Эллери Ченнинг»

*— изречение, написанное на обложке ежедневника
сэра Бенедикта*

Тест четвертый. Игра со сфингой

I

У всех бывают свои катастрофы — большие и маленькие, трагические и смешные. Кто-то теряет состояния, обнаруживает новые морщины на лице, опрокидывает дорогой экипаж в канаву или проливает пунш на сюртук великого князя, а то и находит любовника в шкафу жены. Среди всего этого множества катастроф, конечно, существовали и личные катастрофы Бенедикта Брута.

Как водится, ничто не предвещало беды: день был пасмурный, словно по заказу, и прекрасно соответствовал что наряду, что обычному настроению криптозоолога. Сэр Бенедикт сидел в одном из новомодных кафе на Дубовой аллее и попивал кофе с заварными пирожными в ожидании, когда его слуга съездит на Пекарский переулочек за неожиданно понадобившейся экипировкой. Доктор прекрасно отдавал себе отчет, что, учитывая особенности организма Лутфи Кусаева, поездка могла затянуться надолго, и потому, предусмотрительно заказав себе два пирожных, мысленно заготавливал

пропитанную праведным возмущением и едким сарказмом речь. Именно в этот мирный момент и случилась катастрофа...

— Венька! Брюшков, неужели ты? — Тяжелая рука с размаху опустилась на плечо доктора, заставив последнего поперхнуться.

Все еще не веря в такую неблагоприятность судьбы, криптозоолог обернулся, чтобы встретить беду как подобает рыцарю Британской империи, лицом к лицу.

Субъект, позволивший себе столь невероятное панибратство, был румян, крепко сложен, украшен гривой золотых волос и продолжал усердно рыть себе яму, не замечая сгустившейся вокруг атмосферы.

— Послушай, приятель, я бы так и не узнал тебя, если бы не твои замечательные уши. Ни у кого не видел таких маленьких ушей. Сижу сзади и думаю: если это не Венька, то как минимум его родной брат! — При этих словах Брут побледнел, дернулся потрогать уши, но тут же, опомнившись, вернул руки к чашке. — А ты чего так похудел, осунулся? Чем занимаешься? Уж не в зоосад ли устроился ветеринаром? Да, дружище, с этого ремесла не разжируешь.

Светловолосый красавец все хлопал и хлопал беднягу доктора по спине, словно желая выбить из того съеденное пирожное.

— А что весь в черном? Ясно, не говори. Тетка, наверное, померла. Соболезную. Ну ничего, наследство-то, конечно же, тебе оставила, заживешь теперь.

Во время непрекращающегося потока слов блондина сэр Бенедикт сидел на удивление смирно и даже не пытался ответить. Если бы в этот момент его увидел пристав Бесогонов, то наверняка предположил бы, будто заклятого друга держат на месте под дулом пистолета. Что было не так уж далеко от истины, если считать пистолет метафорой для угрозы иного рода.

— Ну что ты как неродной? Ведь лучшие студенческие годы вместе провели! Или не узнаешь? — Золотоволосый атлет еще разок для верности толкнул доктора в бок.

Постороннему наблюдателю могло показаться, что от этого толчка застывший криптозоолог сейчас покачнется, упадет и со звоном фарфоровой вазы разобьется об узорчатую плитку пола в кафе. Вместо этого сэр Бенедикт вдруг ожил. Потер бок. Скривился.

— Почему же? Узнал. Только кто-то лучшие годы провел, а кто-то пережил, — слегка растягивая слова, ответил Брут, явно с трудом

восстановив былое равновесие. — Садись, Аполлоша.

— Вот сразу бы так! — Блондин уселся на противоположный стул. — А кто старое помянет, тому глаз вон.

— А кто старое забудет, тому вон оба глаза, — почти что про себя произнес сэр Бенедикт.

— Ну совсем не изменился! Вот если бы не твои эти... — Аполлон жестом показал на жесткие манжеты своего собеседника. — У австрияков шил?

— В Англии.

— Ты этим не увлекайся, а то, знаешь ли, у тебя и раньше вкус был не ахти. Сейчас все достойные люди одеваются в Париже. — Он оглядел свой идеально скроенный кремовый пиджак, который выглядел так, словно не был сшит, а вырос прямо на своем хозяине. — Ну, угадаешь, где я теперь служу?

Брут поморщился и многозначительно указал на крохотный золотой значок Императорского банка на лацкане собеседника.

— Вот совсем не изменился! Тебя не проведешь! Согласись, это гораздо престижней, чем лечить попугайчиков от мигрени... Человек, кофе и бисквит! А ведь точно, ты же тогда в Англию укатил, бросил учебу. Не жалеешь?

— Нисколько, — процедил криптозоолог. Теперь, когда оба собеседника сидели друг напротив друга, еще больше бросался в глаза контраст между ними. Бенедикт Брут выглядел черной тенью на фоне белоснежных скатертей кафе, а его знакомый под стать имени казался греческим богом, только что сошедшим с Олимпа в полном сиянии.

— Хотя оно и правильно, — снисходительно протянул банкир-небожитель. — При твоей-то горстке таланта не приходилось даже мечтать о выпускных экзаменах.

— Мои таланты более разнообразны, чем тебе кажется.

— Ах да, точно! — неожиданно и немного невпопад согласился Аполлон, и лицо доктора самую чуточку вытянулось от удивления. — Ты же в Англии был! Ты, случайно, в крикет играть не умеешь? Ну знаешь, игра такая, где палками по мячу лупят.

— Битами, — поправил Брут.

— Так ты играешь?

— Я, конечно, не Уильям Грейс, но пару его подач в свое время отбил. — Криптозоолог внезапно обрел почву под ногами. — Зачем

интересуешься?

— Мы с приятелями договорились через пару дней на дружеский матч, а Гореслав плечо вывихнул. Помнишь Гору? Он теперь здесь в охране не последний человек...

Судя по гримасе, некоего Гору сэра Бенедикт помнил отчетливо. И воспоминания были не из приятных.

— Ну так вот, меня вдруг осенило, может, ты его и заменишь? Не зря же мы так внезапно встретились!

— Я? — Всего одной буквой доктор умудрился выразить и изумление, и недоверие одновременно.

— Однокашники как-никак. — Аполлон растянул губы в обезоруживающей улыбке.

— С каких это пор?

— Да брось ты, мы взрослые люди, пора уже оставить юношеские обиды, — с легкостью человека, никогда не имевшего никаких обид, отмахнулся банкир.

Сэр Бенедикт прищурился, поразмыслил пару секунд и согласился:

— Да, ты прав, пора уже покончить со старыми обидами.

Чтобы хоть немного разъяснить смысл состоявшейся встречи, придется уже признаться, что Бенедикт Брут был человеком без прошлого. У него не было детства и, уж конечно, не было юности...

«Как же так?» — спросите вы.

Все очень просто. Если существует человек без прошлого, то где-то и когда-то должен был существовать человек без будущего. Им и был некто Венедикт Брюшков — сын мелкопоместного дворянина, сирота, воспитанный теткой, бесталанный студент Царской академии магических искусств, бросивший учебу только для того, чтобы кануть в небытие где-то за границами своей родины.

Жизнь периодически пыталась свести Бенедикта Брута и Венедикта Брюшкова в единое целое, дабы они не нарушали установленного ею порядка. Но гордый криптозоолог упорно не желал ничего помнить о своей прошлой ипостаси. И вот именно сейчас хилый голос неуклюжего и стеснительного студента Венечки Брюшкова оказался сильнее мнения сэра Бенедикта, потому что, во-первых, такого случая утереть нос бывшему однокашнику могло не

представиться еще долго, а во-вторых (и с этим «во-вторых» был согласен даже Брут), кто же отказывается от игры в крикет?

Лутфи разминутся с блистательным Аполлоном всего на несколько минут, чем в кои-то веки несказанно осчастливил своего хозяина. Сложно представить, как бы сэр Бенедикт сумел объяснить своему бывшему сокурснику, зачем его слуга принес в приличное заведение две пары резиновых сапог и сачки, очень похожие на те, которыми деревенские мальчишки ловят в пруду жаб.

Удача криптозоолога вообще обладала странным чувством юмора: к примеру, когда Брут в сопровождении двух уланов ехал осматривать царского пегаса во дворец, его не видел никто. Но стоило какому-нибудь бармаглоту выплюнуть свой обед на костюм доктора, то уж тут будьте уверены, на пути ему встречались все знакомые. Но сэр Бенедикт, вопреки едкому характеру, а может, и благодаря ему, не думал унывать. Так как давным-давно уяснил, что удачливый криптозоолог — это живой криптозоолог, сохранивший в целостности и сохранности все конечности.

— Садитесь, Кусаев. — Брут жестом показал слуге свободный стул напротив себя.

Лут в очередной раз перебрал в уме недлинный список предметов, которые ему было приказано доставить, пытаясь заранее предположить, за что его сейчас будут отчитывать. Но все казалось на месте. Трудно ошибиться, когда наименований в списке всего четыре: сапоги, сачки, мешки и черный перец.

— Угощайтесь. — Сэр Бенедикт пододвинул камердинеру тарелку с пирожным, к которому так и не успел притронуться.

Лутфи даже оторопел от такой невиданной щедрости.

— А как же вы, сэр?

— Мне не хочется.

Заявление еще больше встревожило паренька. Сэр Бенедикт предпочитал не афишировать это (видимо, сей факт не вписывался в созданный им образ), но, находясь у человека в услужении почти полгода, нельзя не заметить, что он равнодушен к сладкому.

Как сказали бы англичане — и что за ними ни при каких условиях не повторил бы криптозоолог, — у доктора был «сладкий зуб».

Видя, что хозяин пребывает в смешанных чувствах, и не находя этому причины, Лут тем не менее не собирался упускать момента.

Слуга со всей возможной деликатностью и поспешностью придвинул к себе пирожное, одним движением хитроватых раскосых глаз (не дай бог потревожить сокровенные мысли хозяина) заказал официанту чашку кофе и для себя. Так что к моменту, когда криптозоолог отвлекся от беспокоящих дум, его счет мистическим образом увеличился в полтора раза.

— Надо отказываться от сладкого, — ворчал сэр Бенедикт, вытаскивая из портмоне рубль, чтобы расплатиться, — опий и то будет дешевле.

Лут согласно кивал, облизывая испачканные в сахарной пудре губы, он был совсем не против, если его хозяин станет отказываться от сладкого, особенно если это, как сегодня, будет происходить в его пользу.

II

Если вы попробуете угадать, куда направлялись сэр Бенедикт и его слуга, экипированные резиновыми сапогами и сачками, то, скорее всего, ошибетесь. Ведь пусть даже на территории дворянского лицея в Князьгороде и были водоемы, то в них точно не водилось ничего хоть сколько-нибудь представлявшего интерес для криптозоолога.

Когда Брут приблизился к ораде прославленного учебного заведения, на ней уже гроздьями висели юные воспитанники — такая встреча немного приободрила доктора. Сэра Бенедикта здесь знали и, что еще более отрадно, по достоинству ценили его профессиональные навыки, причем не только сами лицеисты, но и их директора, с которыми редкому специалисту приходилось знакомиться каждый раз заново — настолько часто сменялись люди на ответственном посту. И этот визит был не исключением.

— Ратибор Богданович Бронев, — представился криптозоологу глава лицея, судя по всему, еще совсем новехонький, не успевший растерять своих педагогических прожектов и планов, не начавший озираться на каждом шагу и пытаться пригнуться поближе к земле, как почти каждый из его предшественников. Наоборот, Ратибор Богданович щеголял военной выправкой и черной повязкой на глазу,

как бы заявляя миру и подвластному ему учреждению, что он хоть и в отставке, но не из штабных и прятаться в окопах не имеет ни малейшего желания. — Благодарю, что откликнулись на мое письмо.

— Видите ли, здесь я довольно частый гость и знаком как минимум с четырьмя вашими предшественниками *ин персон*. Лицеисты проявляют похвальный интерес к криптозоологии, особенно к экспериментальной ее части...

Новость явно не обрадовала директора, его единственный глаз, только что пристально обзревавший окрестности, наконец-то зафиксировался на Бруте.

— Что вы имеете в виду?

— Последний раз, когда я здесь был, чей-то неокрепший, но очень пытливый ум пытался выяснить, что будет, если запереть в кабинете химии мантикору и трех резвых мышей. — Сэр Бенедикт с удовольствием приподнял шляпу, отвечая на приветствия трех лицеистов, явно не по собственной доброй воле, а в качестве наказания подметавших подъездную дорожку.

— Но в лицее запрещено держать крупных животных! — возмутился Бронев, гипнотизируя подступы к главному зданию с таким тщанием, словно ожидал атаку кавалерии.

— Юным джентльменам пришлось изрядно постараться, чтобы сманить животное от хозяйки во время прогулки у ворот вашего заведения. Это, знаете ли, требует серьезных теоретических изысканий и определенной смелости, — продолжал восхищаться криптозоолог, не обращая внимания на мрачающего с каждым словом директора. — Кстати, как давно вы приняли эту должность?

— Две недели назад.

Сэр Бенедикт прикинул что-то в уме.

— Думаю, нас ждет еще как минимум одна встреча, если, конечно, вы не решитесь ликвидировать и живой уголок, и зверинец. Как там поживает ваша горгулья?

— У нас есть горгулья? — опешил директор.

— Насколько я помню, в последний раз была, — протянул криптозоолог, приподнимая цветные стекла очков, чтобы подробнее разглядеть собеседника. — Правда, очень пожилая, так что, если заметите на какой-нибудь стене каменно-серое изваяние с небольшими

крылышками и четырьмя парами рожек, не забудьте послать кого-то из лицеистов ее покормить, а то без питания они окукливаются.

Лицо Бронева отобразило сложную гамму чувств. Похоже, что где-то в здании школы он уже ловил краем глаза древнюю корявую фигуру Юноны и сейчас панически пытался вспомнить где.

— О, да вот, кажется, и она! — лучезарно возвестил доктор, указывая на небольшой выступ прямо напротив двери в кабинет директора лицея. — *Кам ту ми, май прешес лэди.*

Сэр Бенедикт привстал на цыпочки, протянул к существу, которое казалось всего лишь каменным горельефом, кончик своего зонта и замысловато поцокал языком. Сверху посыпалась пыль и каменная крошка — скульптура неожиданно пришла в движение, открыла один желтый глаз с вертикальным зрачком и протянула когтистую птичью лапу к зонту.

— Но она сидит тут с того самого момента, как я впервые зашел в свой кабинет! — вскричал пораженный Ратибор Богданович.

— Ну что ж, бывает, — философски ответил Брут. — Горгульи — идеальные питомцы для забывчивых и часто путешествующих людей, особенно если заняться их дрессировкой и научить охранять дом.

Горгулья перебралась на зонт криптозоолога целиком и благосклонно позволила спустить себя вниз. Потом чудовище пристально посмотрело на Бронева и раззявило клювоподобный рот с рядом мелких идеально острых зубок.

— Она голодная? — несколько настороженно спросил директор, но без того ужаса, какого можно было бы ожидать от человека, обнаружившего, что вот уже две недели входит в свой кабинет под неусыпным оком некормленного древнего монстра.

— Она зевает, — пояснил сэр Бенедикт, — но принести ей мышку-другую было бы неплохо.

Со знанием дела доктор схватил за плечо одного из вертевшихся вокруг них лицеистов и обратился к нему непривычно приятным тоном:

— Молодой джентльмен, не могли бы вы и ваши друзья оказать нам услугу и принести в кабинет директора пару мышей? Талисман вашего лицея давно не кормлен.

— Это талисман лицея? — недоверчиво протянул Ратибор Богданович.

— Насколько я знаю, да. Возможно, эта важная информация затерялась где-то в процессе смены директоров, но еще пару лет назад профиль Юноны совершенно определенно был выгравирован золотом на дипломах об окончании вашего учебного заведения.

— Бардак, — покачал головой директор и толкнул одной рукой дверь своего кабинета, а второй остановил пытавшегося войти Брута. В кабинете что-то упало с жестяным грохотом, и под ноги Броневу плеснуло водой. — Аккуратно, не поскользнитесь, когда будете заходить.

— Как вы поняли, что в вашем кабинете кто-то был? — невозмутимо поинтересовался криптозоолог, передавая зонт Кусаеву, чтобы снять с него небольшую по размеру, но очень тяжелую горгулью. Старушка была, очевидно, не против и немного жмурила подслеповатые совиные глаза, когда доктор касался чешуек у нее на холке. — Оставили волосок или нитку?

— Хватило полоски бумаги, зажатой между косяком и дверью, — в первый раз за всю их встречу улыбнулся директор. — К сожалению, лицеисты не так внимательны, как мне хотелось бы, не только на занятиях, но и в своих проказах.

Сэр Бенедикт удовлетворенно кивнул и, очевидно, переменял свое мнение о новом знакомце на более лестное.

— Знаете, пожалуй, я был неправ, и мы с вами еще встретимся... и не раз, — проговорил он, как бы признавая свою ошибку. — Я бы вам посоветовал переселить Юнону в свой кабинет. Сделайте ей что-то вроде насеста около своего стола или гнездо, дайте понять, что это ее место и делали его вы. Она хоть и старая, но, насколько мне помнится, прекрасно обучена.

— Не думаю, что этих сорванцов можно напугать видом горгульи, — с сомнением покачал головой Ратибор Богданович. — А если с ними что-то случится, меня их родители самого потом горгулье скормят.

— Ну что вы, что вы, горгульи вовсе не для устрашения, нападения и поедания директоров. Вон какая красавица. — Брут почесал за рожками чудовище, которым не стыдно было украсить любой готический водосток. — Но они очень специфично защищают свое гнездо от посторонних. Думаю, если у нас все получится, об очередном проникновении в свой кабинет вы услышите в любом месте

на территории лица, а уж взломщиков даже вычислять не придется — легкая контузия без серьезных последствий им обеспечена.

— Я вижу, что лицей не зря так щедро оплачивает ваши услуги.

— Хм, — иронично поднял бровь Брут, совесть которого была не вполне чиста на этот счет.

Бронев не обратил на странное «хм» внимания и неожиданно замаялся, как всякий серьезный человек, подозревающий, что вот-вот скажет глупость.

— Я не очень в это верю, но мне порекомендовали обратиться к вам. Понимаете ли, мы недавно вытаскивали со склада спортивный инвентарь и... как бы это лучше сказать... лицейсты утверждают, что там... буки... — на последнем слове директор совсем смутился и произнес его полупшепотом.

— Очень даже понимаю, — с готовностью откликнулся криптозоолог. — А скажите, бука, что жил у вас в живом уголке, все еще на месте?

— А у нас там жил бука? — в очередной раз с недоверчивым интересом переспросил директор.

— Хотите, в качестве бонуса я пришлю вам список всех криптид, которых когда-либо видел на территории лица? — проникся жалостью Брут.

— Да-да-да, это было бы очень любезно с вашей стороны. Так что же с буками?

Сэр Бенедикт поморщился — это был первый раз за долгий период времени, когда кто-то заподозрил его в намерении оказать любезность. Доктору было жаль вовсе не директора, а бедных бесприютных чудовищ, о которых все позабыли в этой странной чехарде во время смены глав лица.

— Пойдемте для начала осмотрим ваш живой уголок и решим, с чем имеем дело.

В живом уголке, представлявшем собой небольшой кабинет, призванный возвращать в лицейстах чувство ответственности, обретались два грустных кролика и хомячок. Живые, но источавшие такое амбре, что и без взгляда на многочисленные пустые клетки становилось ясно: посеянные семена ответственности взошли из рук вон плохо.

— Ну так что? — уточнил директор, его голос непроизвольно дрогнул, перед тем как продолжить нелепую фразу. — Есть здесь этот бука?

Брови криптозоолога поднялись высоко-высоко над очками с зелеными стеклами и едва не скрылись под зачесанной волосок к волоску шевелюрой. Он почувствовал, что более не может терпеть этого зоологического невежества, и принялся искоренять оное.

— Да будет вам известно, что бука — это не просто детская страшилка, но и реально существующий вид домашнего паразита, не слишком, правда, распространенного в Великороссии. За границей их знают под названием богманы. У нас же иногда держат в клетках, так же как крыс или мышей. Надо признать, что буки довольно милы на вид: пушистая шерстка цветом от черной до дымчатой, округлое тельце, короткие лапки, а эти маленькие блестящие глазки... — тут по сошедшимся на переносице бровям директора Брут понял, что слишком увлекается, и поспешно свернул свою лекцию. — В общем, все хорошо, если не оставлять бук в темноте и тишине. В таких условиях они размножаются, а размножившись, начинают наглеть и кусаться...

— Вот-вот-вот! — Палец Бронева торжествующе затрясся, указуя на доктора. — Лицеисты хотели вынести со склада маты, а на них напали какие-то черные зверьки и покусали за ноги. Если об этом станет известно санитарно-эпидемиологической комиссии — нас закроют, не говоря уже о том, что сделается с репутацией учебного заведения!

— Видимо, ваш лицейский бука умудрился сбежать из клетки...

— Постойте, вы хотите сказать, что он был один? — удивился Бронев и поспешил пояснить свою мысль: — То есть я хочу сказать, как же он размножился?

— Они гермафродиты! — бодро и громко сообщил криптозоолог, будто предлагая собеседнику восхититься таким неожиданно хитрым ходом природы.

— О... — сказал директор, а потом по нарастающей со все большим чувством по мере открывающихся перед ним нерадостных перспектив: — О-о-о!

— Вам повезло, что вы вовремя ко мне обратились. Выловить всех бук будет, конечно, непросто, но думаю, с небольшой помощью я

справлюсь.

— Ваш адрес мне подсказал один очень смысленный мальчик...

— Я даже догадываюсь какой. В вашем лицее учится сын моей домовладелицы, который во время школьных каникул частенько коротал время в моей личной библиотеке. Вот, кстати, пусть он мне и поможет — мальчик действительно оборотистый и крайне смысленный.

Дальнейший рассказ следует предварить тремя очень важными оговорками. Во-первых, догадливость сэра Бенедикта относительно происхождения подвальных лицейских бук объяснялась вовсе не его феноменальной прозорливостью. Вместе с письмом от директора, содержащим довольно неопределенный характер описания материй, беспокоивших автора, криптозоолог получил еще и короткую записку, выведенную поставленным ученическим почерком. Записка гласила: «Дорогой сэр Бенедикт, если вас интересует колония бук, которую уже можно реализовать по хорошей цене, приезжайте ко мне в лицей. Ваша доля — плата от лицея и треть стоимости выловленного. С наилучшими намерениями, Матвей».

Конечно, вряд ли кто-то другой, кроме Брута, посчитал бы намерения писавшего наилучшими, но оба корреспондента крайне осторожно относились к сведениям, имеющим коммерческую ценность, и никому подобных записок не показывали.

Во-вторых, разумеется, не стоит и пытаться разводить бук, опираясь лишь на те скудные сведения, которые сэр Бенедикт посчитал возможным сообщить директору лицея. Если вы запрете буку в ограниченном пространстве и забудете о нем на пару месяцев, не следует надеяться, что за это время внутри образуется колония вашего имени. Для размножения букам нужны не только темнота и приватность, но еще и регулярное питание. Лучше всего подходят объедки с человеческого стола, которые, согласитесь, трудно найти на складе спортивного инвентаря, где самая съедобная вещь — это кожаные мячи.

И в-третьих, надо также отметить, что Анфиса Ксаверьевна не зря возлагала такие надежды на своего сына. Это был как раз тот редкий случай, когда мать, превознося свое дитя, не преувеличивала, а, скорее, преуменьшала. Вот только таланты Матвея Любчика лежали вовсе не в области государственного управления, как чаяла его родительница,

определяя мальчика в дворянский лицей. В ребенке ярко проявилась коммерческая жилка, которой славился его дед, причем ярко настолько, что даже не менее хватистый в финансовых вопросах сэр Бенедикт изредка позволял себе быть втянутым в предпринимательские аферы юного лицеиста.

— Отличное состояние шерсти, прекрасно развитая мускулатура и на редкость удачный окрас! — Криптозоолог с удовлетворением разглядывал маленькое дымчатое существо, пищащее у него в руке. Брут стоял посреди лицейского склада без сюртука и шляпы, с закатанными до локтя рукавами рубашки (отчего ее белоснежные манжеты, без сомнения, уже утратили остроту граней), обутый в резиновые сапоги и, о чудо, нисколько не переживал по поводу своего внешнего вида. — Вы прекрасно поработали, мой мальчик, и, видимо, скрупулезно следовали полученным указаниям.

Его собеседник, подросток лет тринадцати, щуплый, невысокого роста, с выгоревшими льняными вихрами, приложил указательный палец к виску в знак того, что голова в его нетривиальном бизнесе на первом месте.

— Мне даже за кухаркиной помощницей приударить пришлось, — поделился перенесенными тяготами Матвей. — Обед или ужин пройдет, а я тут как тут с букетом полевой флоры и бессмысленным взором, траву ей в руки, а сам ведро с объедками забираю — вроде как галантный кавалер, рыцарь недоеденных корочек — и на склад бегу.

Сэр Бенедикт только качал головой, сам бы он вряд ли смог пойти на такие жертвы и изобразить пылкого воздыхателя. Юный предприниматель же не терял зря времени и с той же ловкостью, с которой сразил повариху, подсекал все новых и новых обнаруженных бук и складывал мягкие пушистые комочки в мешок, который держал Лутфи. Лицеист был без сапог, но, видно, животные настолько привыкли к приносившему еду человеческому существу, что уже не пытались на него нападать, кусая за щиколотки.

— И все же затея рискованная, что, если бы вас за нее отчислили? — Криптозоолог взял из мешочка в кармане очередную щепотку перца и щедро приправил ей ближайший полутемный угол. Оттуда раздался писклявый чих, и под ноги доктору выкатился очередной пушистый зверек. Брут молниеносно накрыл его сачком,

дождался, пока добыча свернется в защитный клубочек, а затем вынул из-под сачка и тоже отправил в мешок к Луту.

— Пошел бы в коммерческое училище — хоть счетоводство освою, а то здесь одни танцы да поклоны. Из полезного разве что экономические учения и языки.

Когда сэр Бенедикт и Кусаев выходили из лица с тремя мешками свеженаловленных бук, позади раздался далекий нечеловеческий крик, от которого вздрогнули оба. Это Юнона приступила к исполнению охранных обязанностей.

— Вот, каждый должен быть на своем месте, — неожиданно изрек доктор и наверняка назидательно поднял бы палец кверху, если бы не шевелящийся мешок у него в руках.

По договору с Матвеем реализация «живого товара» входила в обязанности криптозоолога. Не далее как десять минут назад сэр Бенедикт с нервной усмешкой выслушал наставления своего молодого компаньона о том, по какой цене надо торговать бук и в каком зоомагазине, а также как распорядиться долей выручки самого Матвея. Деньги следовало положить на открытый им (втайне от матушки, естественно) сберегательный счет в Императорском банке. Таким образом мальчик откладывал начальный капитал для своего будущего коммерческого предприятия. А уж какого, там будет видно — до выпуска из лица оставалось еще пять лет.

III

Вопреки всему, что можно было бы предположить, криптозоолог оказался не таким уж плохим соседом, по крайней мере внимательным, это уж точно. Вы знаете, как хорошие хозяйки, вытащив из печи румяные пирожки, не преминут угостить товарку через забор? Брут тоже был не чужд идее делиться с ближними своими, поэтому, вернувшись во флигель на Пекарском, первым делом вручил единственного буку, так и не проданного в зоомагазин, в руки умиленной Глаше.

— На-ка, отнеси Авдотье Зосимовне.

— Какой хорошенький, а может, себе оставим? — заворковала девушка.

— Нам такого счастья не надо, а вот покусывать спиритов в темноте за ляжки он вполне сгодится.

Брут считал своим долгом поддерживать бизнес вторых квартиросъемщиков Анфисы Ксаверьевны — а ну как разорятся да съедут, плати потом повышенную ренту.

— Барин, ну дозвольте хоть его назвать? — взмолилась Глафира.

— Это, Глаша, сколько угодно, — со знанием дела разрешил криптозоолог, очень уважавший подобные чудачества не только по отношению к зверям. — Можешь хоть фамилию и дворянское звание ему присвоить, была бы фантазия.

Так с легкой руки горничной в спиритическом клубе «Зов вечности» поселился Пых, князь Пекарского и сопредельных переулков, кавалер ордена зубастой подвязки, который, несмотря на длину своих титулов, являлся на зов медиума гораздо чаще, чем иные менее родовитые духи, и исправно кусал гостей за ляжки.

Исполнив свой добрососедский долг, сэр Бенедикт скинул дневной костюм и, встав среди спальни в неглиже, не торопился облачаться в вечерний наряд. Вместо этого он повернулся боком к зеркалу и зачем-то попытался выпятить впалый живот.

— Кусаев, вам не кажется, что я немного раздобрел?

— Вы правы, сэр, — польстил Лут, долго и безуспешно старавшийся нарастить хоть сантиметр жирка на собственном теле — для солидности.

Однако доктор отчего-то помрачнел.

— Придется вновь отказаться от сладкого.

— Зачем идти на такие жертвы... сэр? — Слово «жертвы» в вопросе камердинера относилось вовсе не к криптозоологу, а ко всем тем, кто будет иметь несчастье общаться с доктором во время диеты.

— Зачем, зачем... Лутфи, а вас не расстраивает собственный рост?

Кусаев не испытал никакого потрясения от вопроса — сэр Бенедикт не слыл мастером светской беседы, поэтому от его реплик можно было ожидать чего угодно, но не такта.

— Нет, сэр, я невысокий, но зато очень крепкий.

Криптозоолог недовольно пожевал губами.

— И разрез глаз не смущает, здесь, в западной части Великороссии?

— Нет, сэр, зрение у меня получше, чем у многих, вряд ли мне когда-нибудь придется носить очки.

Сэр Бенедикт сморщился, будто проглотил воображаемый лимон, и инстинктивно посмотрел на очки, оставленные на комод.

— Должен же у вас быть какой-то комплекс! — наконец не выдержал он.

— Зачем, сэр? — невозмутимо спросил Лутфи, наслаждаясь явным смятением хозяина.

— Что значит «зачем», Кусаев? Комплексы — это не то, что мы выбираем, они... просто есть, и все тут! — всегдашнее красноречие явно покинуло Брута.

— Простите, но вы неправы, сэр. Пока вы не спросили про мой рост и глаза, я бы не подумал, что с ними что-то не так, сэр.

— Ага! — возликовал хозяин. — А теперь будете думать!

— Не буду, сэр, — возразил камердинер и тут же продемонстрировал то, чему научился за месяцы службы: — Вы были неубедительны.

Криптозоолог сдулся, и на несколько минут вокруг него образовалась почти осязаемая стена гнетущего молчания.

— Нарколепсия! — наконец победоносно воскликнул он. — Вот ваш комплекс! И не вздумайте отпираться!

Глядя на восстановленное душевное равновесие хозяина, Лутфи некоторое время поколебался, стоит ли отвечать, но потом не выдержал.

— Я бы ее так не назвал, сэр. Вы же не назовете комплексом аллергию.

— В последнее время с вами абсолютно невозможно нормально поговорить, Кусаев, — заворчал сэр Бенедикт и зачем-то полез в самое дальнее отделение гардероба.

На некоторое время он почти целиком скрылся из виду, а затем появился из-за створки, держа в руках стопку одежды белого цвета, и торжественно вручил ее Лутфи.

— Эту форму надо привести в порядок к завтрашнему дню.

— Вы собираетесь надеть ее, сэр? — спросил Кусаев, скептически ощупывая ткань. С самого первого момента своего появления в этом

доме ему не приходилось держать в руках костюм хозяина, который по оттенку был бы светлее угля.

— Нет, я буду бегать по полю в смокинге, а формой размахивать. Конечно, я собираюсь ее надеть!

Следующее утро выдалось и вовсе удивительным. Сэр Бенедикт вышел к завтраку в белых свободных брюках, белой рубашке и положил рядом с собой на стол щеголеватое белое кепи. Единственным черным элементом его поразительного костюма оказался лихо повязанный шейный платок.

Вызвав с кухни горничную, криптозоолог непререкаемым тоном потребовал более не подавать к столу сладкой сдобы.

— В доме английского джентльмена и *спортсмэна* это совершенно недопустимо! — сказал он, как и в первое утро своего вселения в дом на Пекарском. С тех пор много воды утекло, и Глашин талант в выпечке, казалось, смягчил криптозоолога в этом вопросе, но вот вдруг снова что-то пошло не так.

— У барина голодный бред, — шепотом сказала Анфисе Ксаверьевне обиженная горничная, убирая со стола грушевый пирог. — Опять вожжа под хвост попала...

Дождавшись, когда оглушенные видом белых одежд Глафира и Лут выйдут, Анфиса Ксаверьевна протянула сэру Бенедикту запечатанный конверт.

— Пришло с утренней почтой.

Брут стремительно побледнел, потом порозовел и бросил взгляд на лицо своей домовладелицы, пытаюсь понять, заметила ли та, что на конверте значится имя некоего Венедикта Брюшкова, проживающего в Пекарском переулке, 21б.

— Бенедикт, неужели вы думаете, что я отвернусь от вас всего лишь из-за одной буквы в имени? — разрушила его хрупкие надежды Анфиса Ксаверьевна. — До сегодняшнего дня у меня были причины гораздо весомее. К тому же я знала об этом и без письма, вы весьма прометливо познакомили меня с Порфирием Аверьяновичем...

— ...а полицейские приставы не менее любознательны, чем одинокие квартирные хозяйки... — продолжил за нее Брут, уже обретший почву под ногами, но все еще досадующий на себя за то, что необдуманно выдал свой адрес бывшему сокурснику.

Чтобы не продолжать щекотливый разговор, доктор быстро вскрыл конверт и обнаружил в нем следующее лаконичное послание: «Игра завтра в одиннадцать, я заеду за тобой в девять на разминку. И похвастаюсь своим моторвагеном. Аполлон».

«С чего бы такая услужливость? Не проще ли было написать место встречи?» — раздраженно подумал про себя сэр Бенедикт, а вслух заорал так, что оглушил не успевшую вовремя скрыться из комнаты Анфису Ксаверьевну: — Кусаев, несите биту и мяч!

— Кусаев, вы что, третий день как с пальмы слезли? Не бананы палкой сшибаете! — Сэр Бенедикт вот уже полчаса орал на своего слугу в эдаком роде, сначала заставив того кидать мяч, а затем его отбивать. — Еще!

Лут замахнулся битой и снова не попал по мячу, в этот раз тоже специально. Он выжидал, когда хозяину надоест. И если этого не случится в ближайшие пятнадцать минут, у смышленного парня была припасена отрететированная сценка с очередным приступом нарколепсии.

— Ладно, ладно, передохните немного, — поспешно сказал криптозоолог, видя, что слуга начал показательно позевывать. — Такой темп не для новичка. А я вам пока расскажу о правилах игры.

Сэр Бенедикт принялся с энтузиазмом чертить веточкой на земле продолговатую схему.

— Это поле для крикета. Оно называется питчем. Вот здесь и здесь кризы — линии разметки. За ними калитки. Про игроков вы уже знаете... что еще... Количество иннингов, подач, определяется командами перед игрой. Самый сложный вид матчей в крикете — это тестовый. Он состоит из целых четырех иннингов! Только представьте себе! И может длиться... Кусаев! Кусаев, вы слушаете? Ну что же вы, Кусаев...

Разочарованию криптозоолога не было предела. Он пару раз толкнул в плечо прислонившегося к дереву слугу и обиженно вздохнул.

Если вы думаете, что после добровольного выпадения из строя своего неспортивного камердинера сэр Бенедикт успокоился, то напрасно. Криптозоолог оттащил Кусаева на садовую скамеечку, а сам выбежал на улицу и, с немалым трудом поймав за фартук дворника

Сильвестра, за двадцать копеек уговорил его покидать в «демона проклятого, тьфу, изыди», то есть в себя, кожаный мяч.

Уже через пять минут и столько же надбавленных копеек Сильвестр покорно кидал мяч и раз от разу все чаще сбивался с «демона» на «ваше благородие» — тоже невесть какая птица, но несомненное повышение. Хотя надо признать, что снаряд дворник бросал истово, со всем пониманием спортивного интереса, так что сэру Бенедикту все труднее становилось посылать его в импровизированный викет и все реже удавалось пробежаться.

К тому моменту, когда Лутфи счел возможным очнуться, компанию криптозоологу составлял не только Сильвестр, но и Аристарх Бредихин, который частенько захаживал к их соседям, в клуб «Зов вечности», но не по спиритическим, а по сердечным делам. Все трое кричали и азартно вытапывали лужайку по-за домом, пока обеспокоенная сохранностью своего цветника Анфиса Ксаверьевна не вынесла уставшим спортсменам молока — что и послужило причиной счастливого «воскрешения» хитрого камердинера.

IV

В день матча Аполлон умудрился опоздать на целых пятнадцать минут. К моменту его появления сэр Бенедикт уже дежурил за портьерой кабинета и даже один раз выгнал Лутфи проверить, не видно ли с улицы спортивной фигуры хозяина, истонченного злокозненной диетой.

Но вот в воздухе раздалось характерное тарахтение и поскрипывание, и в Пекарском переулке впервые за всю его долгую и бурную историю появился тот самый загадочный моторваген, упомянутый в записке банкира.

Чудо техники обладало тремя велосипедными колесами, кожаным сиденьем на пружинах и хромированными рычагами, поблескивавшими на солнце. Правил сей колесницей, конечно же, Аполлон, облаченный в белый спортивный костюм, необыкновенно ему шедший, белый же длинный шарф и фантастические окуляры, прибавившие бы значительности и менее импозантной личности. Кепи

на молодом мужчине не было, головной убор явно входил в противоречие со стремлением продемонстрировать окружающим свою замечательную шевелюру.

При появлении моторвагена сэра Бенедикт отпрянул от окна, хотел было досчитать до двадцати, прежде чем выйти из дома, но уже на трех его прервал противный звук клаксона, дескать, выходи, Венечка, нечего кочевряжиться!

Брут сердито фыркнул, скрестил руки на груди, прекратив не только считать, но и собирать по комнате спортивный инвентарь. Где это видано, чтобы рыцарь Британской империи словно пес выбежал по свистку?

Клаксон нетерпеливо крикнул еще пару раз, после чего солнечный бог ступил со своей колесницы на бrenную землю и важно пошел по направлению к флигелю. Вот шаги дробно застучали по лестнице, прокатились по крыльцу, и раздался более мелодичный звон дверного колокольчика. На него Брут также не собирался спешить.

Дверь открыла Глаша.

— Ой... — изумилась девушка. И было отчего: не так уж часто горничной удавалось посмотреть гостю прямо в глаза, не опуская свои вниз. Да и какие то были глаза! Суровая Глафира даже чуть порозовела. — Здрасьте...

— Хозяин дома?

— И хозяин, и хозяйка... — невпопад ответила девка, откровенно пялясь на посетителя.

— Хозяйка, значит? — удивился Аполлон и слегка разочарованным голосом продолжил: — Ну так зови.

Глаша скрылась в доме, но до крыльца из коридора все же долетело мечтательное восклицание:

— Хорошенький какой...

Банкир не успел даже улыбнуться, как вместо девушки в проеме появилась любопытная морда кроленя.

Солнечный бог немного потускнел и попятился, а затем эдак несолидно, не поворачиваясь к рогатому тылом, сошел с крыльца.

— Ты чего? — настороженно спросил нарисовавшийся следом за рогатым Брут.

— Форму испачкает! — махнул на кроленя рукой Аполлон.

— Я уж думал, не приедешь, — равнодушно бросил криптозоолог.

— Ну как это не приеду, Венька! Когда это я тебя бросал?

У Венечки Брюшкова на подкорке все было записано, когда и где, но сэр Бенедикт не стал козырять такими деталями.

— Лигроин закончился, вот пришлось в аптеку завернуть. — Банкир указал на железного монстра, оставленного у калитки.

— Это... что? И зачем тебе понадобился пятновыводитель? — холодно уточнил Брут. — Мне послать за коляской?

— Это моторваген! Новейшее изобретение — самоходная повозка. Ездит без лошадей!

— Но как же без лошадей?

— Прекрасно! Вот что все к ним привязались? Пахнут, ржут, да еще и кусаются!

— Тебя лошадь, что ли, недавно лягнула? — не без удовольствия поинтересовался криптозоолог, но ответа так и не получил.

Повозка и впрямь оказалась самоходная, тряслась, стрекотала, но ехала. Пару раз сэр Бенедикт пытался задать вопросы об организации матча, но Аполлон то ли не слышал, то ли не хотел отвлекаться от управления моторвагеном.

— Приехали! — торжественно объявил банкир буквально через пять минут и лихо причалил к тротуару напротив изящных, увитых цветочной ковкой ворот, пространство за которыми было надежно упрятано в густой зелени кустов. Табличка над аркой выглядела настолько вычурно, что сэру Бенедикту понадобилось несколько секунд, чтобы разобрать надпись. И она ему не понравилась.

— Женский лицей святой Мальвины! Что мы здесь забыли?!

— Как что? — отозвался Аполлон, уверенно соскакивая на дорогу. — Здесь состоится матч!

— Но почему здесь? — возмутился криптозоолог, инстинктивно вцепившийся в сиденье.

— Что, мадам Брюшкова ревновать будет? — усмехнулся банкир. — Я ведь сначала, грешным делом, разыграть тебя надумал, но потом услышал от горничной про хозяйку...

— К-какая еще мадам Брюшкова?

— Ну жена твоя...

— Да с чего ты взял? Я не женат!

— Ясно, у любовницы квартируешь... Так даже лучше... Неужели не читал про матч? Напечатано во всех вчерашних газетах!

Криптозоолог, прошедший предыдущий день в тренировках и самоистязании, обреченно помотал головой.

— Мы играем против женской команды! Наш генерал-губернатор решил убить двух зайцев одним выстрелом. Сделать реверанс в сторону феминистического движения, которому, кстати, благоволит его жена, а заодно пристроить десяток холостых чиновников. Ибо феминистки феминистками, а семейственность на первом месте. Ну и кто в здравом уме будет всерьез играть с женщинами в крикет? Так, по питчу погоняем прогрессивных барышень. Ты только вообрази, если они выйдут на поле в штанах! Вот будет скандал!

Волевым усилием, достойным титанов, Брут взял себя в руки (в трясущиеся руки) и стал вылезать из моторвагена.

— Скандал разразится, если мы проиграем, — сухо отрезал он. Пути назад не было, хотя при мысли о том, что половину трибуны на этом матче займут девицы разных возрастов, у доктора сводило желудок.

К счастью, спортивная площадка, предназначенная под игру, пока пустовала: несколько игроков мужчин с одного края и парочка перетянутых в талии фигурок на другом конце поля, рядом с шатрами, предназначенными для отдыха женской команды. Сэр Бенедикт немного выдохнул, ибо расстояние до источников предположительного беспокойства было вполне приемлемым.

Но вот острый глаз криптозоолога выцепил на краю питча знакомые усы и их хозяина в незнакомой полосатой рубашке. Встреча была настолько поразительной, что Брут без зазрения совести бросил своего спутника и припустил вперед.

— Бесогонов, откуда вы здесь? Как умудрились стать судьей? — в полнейшем удивлении воскликнул сэр Бенедикт, на секунду даже позабыв о головокружении и собственных страданиях. — Вы же ничего не смыслите в крикете!

— Чего только люди не сделают, чтобы угодить приставу. Не удивлюсь, если однажды мне доверят крестить младенцев и сочетать узами брака, — усмехнулся Порфирий Аверьянович в пшеничные усы, которые в этот раз были подстрижены с особой тщательностью. — Ну и еще, конечно, неофициальная просьба генерал-губернатора помогла. Призван надзирать для предупреждения всякого рода nepотребств...

— Черт с ними, с nepотребствами, но это же крикет!

— О, я обещаю судить честно, если только какой-то прелестнице не вздумается строить мне глазки. Боже, Брут, вы только поглядите, какой дерьер! — Пристав беззастенчиво указал на женскую фигуру, повернувшуюся к ним спиной и делавшую наклоны, чтобы разогреться перед матчем. То, чем восхитился любвеобильный полицейский чиновник, действительно было размеров впечатляющих, особенно для юной девушки... Спортсменка разогнулась, повернулась к наблюдателям профилем и оказалась девушкой в летах, да к тому же в ранге судьи.

— Кхм, — крикнул Бесогонов, дернул шрамированной бровью, но затем опомнился, галантно приподнял кепи, отсалютовал даме и с неистребимым оптимизмом сообщил своему другу: — А ведь в молодости, пожалуй, была ой как недурна. Ловите, Брут, мгновение, пока ваш характер окончательно не испортился и вы все еще в силах найти себе жену.

При упоминании о том, что они находятся на территории, где безраздельно властвуют исключительно будущие жены, Брут снова начал зеленеть, но все же нашел в себе силы выдавить:

— А что не так с моим характером?

— Любой здравомыслящий человек, послушав ваши речи хотя бы пять минут, удивится, как вы при своем ядовитом языке умудряетесь сохранять целостность физиономии. Другого и за половину произнесенных гадостей били бы через каждый десяток шагов. Подозреваю, что в детстве многие дети не хотели с вами играть и бежали к своим нянькам с криками: «А он обзывается!»

— Неправда, я был ангельским ребенком!

— Пока вас не выкрала и не воспитала стая волкодлаков?

— Между прочим, я здесь по приглашению своего однокурсника.

— Если он знает о вашем отношении к женскому полу, то это доказательство скорее в мою пользу, нежели в вашу. Ну-ну, не стоит так стремительно бледнеть... А вот и наши прекрасные спортсменки! Ох уж эти курсисточки и прогрессивные барышни!

Из большого белого здания, находившегося за полем, действительно парами стали выходить девушки в длинных белых платьях.

— Можно я постою с вами рядом? — взмолился бедный криптозоолог.

Барышни все выходили и выходили. Похоже, посетить разминку собиралась не только женская крикетная команда, но и все старшие классы лица в полном составе. Каких девиц тут только не было: и худые, и пышечки, и румяные блондинки, и томные брюнетки, даже одна огненно-рыжая вся в золотистых веснушках.

— Бросьте, Брут, не могу же я весь матч держать вас за руку! Я же судья, в конце концов!

Сэр Бенедикт не внимал увещаниям и выказывал твердое намерение простоять за сильным плечом пристава хоть до конца дня, если понадобится.

— Хорошо, вспомните упражнение для тех, кто боится выступать перед публикой.

— Какое? — обнадеженно пролепетал доктор.

— Представьте их всех голыми! — гаркнул Бесогонов и загоготал, чем вызвал не только катастрофическое изменение цвета лица своего приятеля, но и красноречиво угрюмый взгляд второго судьи.

— Ну же, Брут, пойдёмте знакомиться, — тянул криптозоолога за рукав Порфирий Аверьянович. — Зря, что ли, вы сегодня такой красивый, весь в белом? Вон ваш однокурсник не теряет, словно соловей в цветнике.

И действительно, пока женская крикетная команда дисциплинированно вышла на поле разминаться, в рядах мужской, не зная снисхождения и жалости, орудовала диверсионная группа. Выпускной класс лица на правах хозяек поля решил поприветствовать гостей. И приветствие начинало выходить из-под контроля, становясь все оживленнее и заинтересованнее. Аполлон был окружен аж тремя лицейками, словно тремя грациями в легких и светлых (по случаю теплой погоды) нарядах.

Пристав завистливо застонал, бросил рукав сэра Бенедикта как обузу и решительным шагом направился в сторону барышень. Именно в этот момент из-за подола рыжей грации вдруг высунулась крупная кошачья морда с миндалевидными зелеными глазами и душераздирающе зевнула, показав клыки размером с перочинный ножик.

Кто-то из гостей вскрикнул от неожиданности, кто-то угрожающе перехватил биты, Аполлон и вовсе отпрыгнул на три шага, оставив своих новых поклонниц на растерзание неведомому зверю. Зверь,

впрочем, никого терзать не спешил, уселся на землю, и впрямь оказавшись гигантской кошкой, и стал приглаживать медную проволоку усов.

— Мадемуазель Локоткова, вы и сюда притащили это чудовище! — завопила вторая судья, оттирая Бесогонова с дороги так поразившим его дерьером. — Сил моих нет!

— Варвара Силовна страсть как не любит мою Дусю, — пояснила рыжая барышня и хозяйским жестом погладила кошку.

— Это же сфинга! — вскричал за спиной Порфирия Аверьяновича пораженный криптозоолог.

— Что? — переспросил пристав, профессиональное ухо которого услышало «финка».

— По-вашему сфинкс, — пояснил сэр Бенедикт. — Вернее, андросфинкс! Подумать только!

— Это то существо, которое загадывает загадки?

Порфирию Аверьяновичу в кои-то веки удалось блеснуть своими познаниями в криптозоологии, но, как назло, доктор его не слушал, а смотрел на чудовище таким взглядом, что не всякий влюбленный изобразит.

— Лучше бы вы на его хозяйку так смотрели, — проворчал пристав.

— Мадам, не подскажите, а откуда у вашей воспитанницы такое диво? — Криптозоолог подкрался к женщине-судье и задал интересующий его вопрос вежливым голосом самого примерного ученика в классе.

— Батюшка мадемуазель Локотковой в Египет с посольством езживали, так вот привезла после каникул на нашу голову. Помяните мое слово, однажды чудище искушает пол-лица!

— Это вряд ли, — сказал сэр Бенедикт, глядя на то, как образовавшееся вокруг рыжей барышни пустое пространство вновь наполняется заинтересованными кавалерами. Один только Аполлон отчего-то мешкал в сторонке.

В темной же душе криптозоолога боролись два желания: быть поближе к сфинксу и подальше от мадемуазель Локотковой. Пока хозяйка столь ненасытного, по мнению гранд-дамы, чудовища щебетала перед командой соперников, пытаюсь при этом оборотиться выгодным ракурсом сразу ко всем десяти игрокам, криптозоолог

подкрадывался к монстру. Он уже почти добрался до этого златошерстного красавца, вернее красавицы, что явствовало из деликатного абриса морды и ушей, когда откуда ни возмись сбоку вынырнул неумный Аполлон и схватил доктора за плечо.

— А вот и наш Венечка! Вы только, Эвлалия Витальевна, осторожнее, не будьте с ним слишком обходительны!

— Это отчего же? — вскинула медные бровки заинтересовавшаяся кокетка.

— Он не терпит женского общества, прямо весь цепенеет и способен даже лишиться чувств, такой впечатлительный наш Венечка. Зато свою чудищу можете доверить ему безбоязненно, всех четвероногих тварей он просто обожает.

Если таким образом банкир хотел одним махом вывести из игры под названием флирт нежелательного соперника, то сильно промахнулся, ибо, хоть и мнил себя сердцеedom, в женской психологии разбирался слабо. Какой же охотнице не захочется заполучить в свою коллекцию такой сложный, можно сказать ускользающий, трофей?

Мадемуазель Локоткова вся прямо встрепенулась от внезапного сообщения, тем более (пора уже это признать) облаченный в светлую спортивную форму сэра Бенедикт оказался хорошо сложен и весьма недурен собой.

— И чем же вас так пугают дамы? Мы вас вмиг излечим! — проворковала она, настигая бедного доктора с той решительностью, с какой пума настигает лань. Вот только пума не берет лань под локоток. А сэра Бенедикт скорее предпочел бы, чтобы его начали есть, чем прижиматься к нему мерно вздымающимся бюстом.

Как оказалось, лицеистки имели обыкновение охотиться стаями, потому что с другого локтя медленно теряющего сознание Брута появились вторая и третья грации, бросившие остальных гостей, едва почуяв интерес товарки.

— А вы по какому ведомству служите? — заворковала брюнетка в голубых лентах.

— А за границей бываете? — не отставала от нее блондинка со вздернутым носиком.

— А по батюшке вас как величать?

— А фамилия какая?

— Брюшков у него фамилия, Брюшков! — закричал торжествующий Аполлон, уже горько пожалевший, что так неосмотрительно перенаправил внимание граций.

— И-и-и, какая досада, — протянула разочарованная мадемуазель Локоткова и перекинула копну рыжих локонов за спину.

Ее пренебрежительный тон пронял даже Брута, потому что он стряхнул с себя все три маленькие ручки и резко сказал:

— Не припомню, чтобы я предлагал вам взять свою фамилию, мисс.

— Обиделся, — досадливо передернула плечами другая грация, глядя в спину удаляющемуся криптозоологу.

— Ну пусть его чудище ваше утешит, — усмехнулся Аполлон, удовлетворенно глядя на то, как по следам обиженного доктора крадется сфинга. — Не впервой.

V

— Она точно не опасна? — спросил пристав, провожая глазами пушистую кисточку на конце хвоста сфинги, которой та кокетливо махнула на прощанье, скрывшись за углом шатра для отдыха мужской команды.

— Моя Дуся и мышки не обидит! — капризно поджала губки мадемуазель Локоткова и даже ножкой топнула в подтверждение своих слов.

— По крайней мере, пока на ней ошейник, — подтвердил Аполлон, несмотря на свои слова, осмелившийся приблизиться к рыжей грации, только когда ее саблезубая охранница скрылась из виду. — Это я вам как специалист по магическим замкам говорю.

Солнечный бог словно невзначай поправил значок Императорского банка, на этот раз прицепленный к карману рубашки, и глаза мадемуазель Локотковой вновь зажглись неподдельным интересом.

Как, впрочем, и глаза пристава...

— Погодите-погодите, а не вы ли Аполлон Макарыч Светлов из службы безопасности главного отделения Императорского банка в

Князьгороде?

— Он самый, — выпятил грудь банкир и скосил глаза на Эвлалию Витальевну, оценила ли.

— Помню-помню, мне при вашем переводе предупредительная записочка приходила-с из столичного управления... — удовлетворенно отметил Порфирий Аверьянович и тоже не удержался, посмотрел-таки на грацию, не удалось ли перетянуть интерес на свою сторону. Но барышня, видно, была ума не особо острого и пока лишь бойко хлопала ресницами, соображая, что за разговор затеяли мужчины.

— Это по какому же поводу, позвольте спросить?

— А по поводу вашей бурной студенческой молодости-с.

— Да полно вам, — немного натянуто рассмеялся Аполлон, — кто помнит те юношеские забавы!

— Ну, у кого забавы, а у кого наклонности, — многозначительным «хе-хе» поддержал веселье пристав. — На то и служба наша, чтоб помнить...

Неизвестно, чем бы кончился этот до крайности странный разговор, если бы из-за шатра вновь не показалась довольно облизывающаяся сфинга.

— Так... а доктор где? — тут же забеспокоился Бесогонов и наверняка полез бы осматривать гигантской кошке пасть, если бы через несколько секунд с другой стороны шатра не явился не менее довольный Брут.

— Никогда не видел такого оригинального строения черепа! — бодро воскликнул он, в восторге первооткрывателя позабыв, в каком месте находится, и даже вид удивленной рыжей грации, казалось, ему об этом нисколько не напоминал. — Кто бы мог подумать, что древние египтяне не приукрашивали! А эта пасть!

Пристав, который только что готов был сам совершить экскурсию в отрекламированную пасть, сконфуженно провел руками по усам.

— Да что ему будет-то, нашему Венечке? — радостно резюмировал Аполлон. — Вот тоже был участником моих студенческих забав, а обиды не держит! Не так ли? Веня, скажи своему блюстителю закона!

— Не держу, — так же добродушно и радостно откликнулся сэр Бенедикт и отчего-то пошел навстречу банкиру, не забыв обогнуть по

большой дуге мадемуазель Локоткову. — Обнимемся, в знак примирения?

Аполлон на секунду опешил, но противиться дружеским объятиям не посмел, с минуту растроганно хлопал криптозоолога по спине, а потом проворчал:

— Ну полно, полно, приятель. Что о нас подумает дама?

Лучше бы банкир поинтересовался, что о них подумает пристав, потому как если дама смотрела на сценку с благосклонной улыбкой, то лицо Порфирия Аверьяновича вытянулось от удивления, словно при виде того, как первый на весь Князьгород душегуб остригся в монахи.

— Начнем тренировку? — с еще более подозрительным энтузиазмом вскричал Брут, вконец испугав полицейского.

— погоди минуту, я освежусь и представлю тебя команде. Простите, Эвлалия Витальевна, но долг зовет, — с этими словами Аполлон скрылся в шатре.

— Обнимемся? — изумленно переспросил Бесогонов, все еще не в силах поверить своим ушам. — Обнимемся?! Вы не заболели, часом? В таком состоянии нельзя играть!

— А по мне, чувствительные мужчины так романтичны, — выразительно прижала руки к груди рыжая барышня.

— Вы знаете, Эвлалия Витальевна, — тут же обернулся к ней пристав, — я никому этого не говорил, но иногда плачу, читая признательные показания закоренелых преступников.

— И я тому свидетель, — подтвердил Брут и добавил, уже удалившись на приличное расстояние от этой парочки: — От счастья! Премия за раскрытое дело в нашей полиции немаленькая!

Одними объятиями странности в поведении криптозоолога на этот день не ограничились. Не дожидаясь возвращения Аполлона, он самостоятельно перезнакомился с командой, в составе которой ему предстояло играть. Причем без лишней скромности представлялся всем «сэр Бенедикт Брут» и с большим энтузиазмом жал протянутые руки, чем в кои-то веки снискал всеобщее расположение. А уж когда речь зашла о спортивном опыте доктора и британских игроках, которых ему посчастливилось встретить, тут уж популярность нового члена команды и вовсе взлетела до небес.

Таким образом за те пять-десять минут, что понадобились Аполлону, чтобы снять с шеи белый шарф и наново расчесать волосы,

сэру Бенедикту удалось серьезно потеснить его с крикетного пьедестала в Князьгородском спортивном обществе.

Еще не зная о перемене своего положения, банкир вышел из шатра, как бы заигрывая с ветром, откинул назад шевелюру, продемонстрировал крепкие загорелые предплечья и только собирался бодрой рысцой появиться на питче, как из-за края шатра раздался рык...

И поскольку это был не самый распространенный звук на поле, особенно когда игра еще не началась, все головы мгновенно повернулись не к Аполлону, а к источнику звука.

— Дуся! — воскликнула мадемуазель Локоткова.

Только хозяйка могла назвать ощерившуюся морду уменьшительно-ласкательным именем. В исторгшей тот самый рык сфинге не осталось ничего от спокойной и ласковой Дуси: шерсть вздыблена, клыки оскалены, лапы выпустили когти, которые были готовы разделать любое живое существо быстрее, чем справился бы самый опытный мясник на рынке.

— Спрячьтесь, Эвлалия Витальевна. — Пристав с непререкаемым авторитетом задвинул девушку за спину.

— Но это же Дуся...

— Тихо!

Лицеистка обиженно затихла, но вместо грации истерический возглас подала ее воспитательница:

— На ней же нет ошейника! Мы все погибли!

Послышался громкий звук упавшего тела, но никто не посмел оглянуться на потерявшую сознание судью и выпустить из виду оскалившуюся криптоиду.

Обморок не самый разумный поступок в опасной ситуации, и, к счастью, ни одна молодая леди не последовала примеру своей наставницы, но в одном гранд-дама была, несомненно, права: ошейника, матово поблескивающего заговоренными камнями, на Дусе больше не было.

От мужской крикетной команды отделился сэра Бенедикт.

— Полечка, не шевелись, замри, — мягко, как несмышленому бутузу, приказал криптозоолог Аполлону, имевшему несчастье оказаться ближе всего к зверю. — И все замрите, ни звука.

Вопреки здравому смыслу доктор отбросил битую прочь и, оставив в руках только мяч, сделал в сторону сфинги осторожный шаг.

— А посмотри, что у меня есть... — Он легко перебросил спортивный снаряд из одной руки в другую.

Кошка, будто бы против воли, повела мордой из стороны в сторону, не отрывая глаз от мяча.

— Умница, и еще раз, — все так же ровно говорил криптозоолог, вновь и вновь повторяя это незамысловатое движение и одновременно делая пару шагов. — И еще, смотри сюда, смотри на меня... Бесогонов, вы мне очень поможете, если найдете и принесете ошейник.

Последняя фраза была сказана в том же тоне и в том же ритме, что и предыдущие, поэтому уже слегка загипнотизированная сфинга не насторожилась.

К счастью, ошейник валялся недалеко, тут же за шатром. Пристав, скрытно описавший дугу вокруг, пока кошка была увлечена «игрой в мяч», поднял с земли тонкий, всего в два пальца, ремешок. Артефакт оказался расстегнут... Не разорван, не разгрызен... а расстегнут.

Порфирий Аверьянович на секунду нахмурился, но тут же встрепенулся и поспешил обратно.

На пяточке перед шатром ничего не изменилось, лишь свидетели укрощения опасной крипиды отчего-то осмелели и стали по полшага отодвигаться от криптозоолога и его хвостатой соперницы.

Пристав медленно, чтобы краем глаза увидел только сэр Бенедикт, продемонстрировал свою находку.

— Полли, понадобится твоя помощь, — спокойно проговорил Брут, обращаясь к не смевшему и пальцем шевельнуть банкиру. — Ты же знаешь, мне не справиться с магическим замком.

Аполлон не только не возмутился фамильярному обращению, но и отчаянно замотал головой в знак протеста против своего участия в этой игре.

Пристава такой ответ явно не удовлетворил, поэтому Бесогонов сделал шаг к банкиру, безапелляционно сграбастал за рубашку, как бы намекая, что, если понадобится, приволочет специалиста по замкам силой, и, всучив будущему герою ошейник, кивком показал криптозоологу, что все схвачено.

— У нас будет всего минута, чтобы застегнуть ошейник. По моему сигналу, — пропел сэр Бенедикт, не отрывая взгляда от глаз кошки.

Мячик в его руках летал все медленнее, все ниже, пока не остановился на одной ладони. Убедившись, что сфинга замерла, доктор плавно и осторожно положил спортивный снаряд прямо перед ее носом и поманил то ли Аполлона, то ли пристава, а по факту обоих, потому что без внушительного тычка в спину банкир так бы и не двинулся с места.

Порфирию Аверьяновичу пришлось самому надеть на кошку ошейник, а криптозоологу еще и слегка придержать животное за холку, только тогда специалист по безопасности соблаговолил коснуться камней на нем подрагивающей рукой. Под темной матовой поверхностью проскользнули приглушенные блики, и язычок ошейника будто бы сам нырнул в зажим.

Раздался тихий щелчок...

Дуся несколько раз моргнула, затем мурлыкнула и загребла когтистой лапой мяч себе — перекатывать.

Последовал шелестящий звук — это выдохнули присутствовавшие, наконец-то превратившись из заложников в зрителей.

— Если в городе начнет орудовать банда гипнотизеров, я буду держать на подозрении и вас тоже, — усмехнувшись, сказал пристав, тут же вытащил из кармана платок и утер им поблескивающий капельками пота лоб. — Это ж надо, какого льва усмирили!

— Кстати, о подозрениях... — Сэр Бенедикт выразительно указал глазами на ошейник на шее Дуси, которая с игривостью котенка катала мяч, пока не загнала его под одну из скамеек трибуны, и теперь жалобно мяукала, не в силах дотянуться. — Вам не кажется, что он не сам собой расстегнулся?

Реакция чиновника последовала незамедлительно и, возможно, даже более бурная, чем та, на которую рассчитывал криптозоолог.

Порфирий Аверьянович убрал платок и достал из кармана карточку полицейского.

— Господа, никому не расходиться! Среди нас есть достаточно значительные персоны, чтобы это могло оказаться покушением.

А пока господа косились друг на друга, пытаюсь разобраться, кто же из них настолько значителен, чтобы опасаться обезумевших кошек, мадемуазель Локоткова осторожно приблизилась к своей питомице.

— Дусечка? Дульсинея?

— Мря-а-ав! — Сфинга подняла взгляд на девушку, вильнула хвостом и снова уткнулась носом под лавку, пытаюсь выудить закатившийся мяч.

— Подожди, я тебе сейчас помогу... — Барышня встала на колени, не побоявшись испачкать платье, и пошарила рукой под скамьей. — Вот, держи, милая. Испугалась?

Кошка, казалось, не только не испугалась, но вообще не помнила произошедшего. Она деликатно взяла мяч клыками из рук хозяйки и лишь удивленно выпучила глаза, когда мадемуазель Локоткова обняла ее за шею и зарылась носом в шерсть.

— Ой, что это у тебя, Дуся? — Девушка отпрянула и вытащила из меха кошки крохотную поблескивающую вещицу.

Это была золотая булавка с изображением орла, держащего в когтях монету.

На следующий день взбудораженный пристав прибежал аккурат к утреннему кофе сэра Бенедикта. В этот раз перед криптозоологом лежали и сахарные плюшки, и кусок пирога с малиной, чему завтракающий, позабыв о стройности фигуры, с видимым наслаждением воздавал должное. Утренний номер «Князьгородского вестника» на столе был раскрыт на третьей странице.

«Беспрецедентный случай! В Крикетную ассоциацию Князьгорода подано прошение о признании результатов матча с участием женской команды недействительным в связи с тем, что матч проводился в отсутствие второго судьи и капитана команды соперников...» Продолжение статьи закрывала чашка кофе и распечатанный конверт с гербом зоосада.

— Брут, вы просто представить не можете, какая приключилась оказия! — начал запыхавшийся Порфирий Аверьянович, хватая прямо из-под руки своего приятеля плюшку. — Напрасно мы вчера обвинили этого злосчастливого банкира!

— Не мы обвинили, а вы обвинили, — благодушно отвечал сэр Бенедикт, без сожаления расставшись с приглянувшейся завитушкой и переводя внимание на пирог. — Кто утверждал, что он раскрыл

ошейник, чтобы покрасоваться перед барышнями и самолично спасти всех от неминуемой гибели? И видели бы те горожане, что вечно жалуются на медлительность полиции, стремительность, с которой вы произвели арест...

— Монстра-то эта, оказывается, сама научилась ошейник расстегивать!

— Да что вы говорите? Это со львиными-то лапами! — с преувеличенным удивлением воскликнул доктор.

— Вот-вот! И сегодня ночью сбежала от хозяйки! Я поставил на ноги всех околоточных, постовых и дворников! И вы собирайтесь!

— Боюсь, не смогу. У меня сегодня плановый визит в зоосад, к тому же наш старый знакомец господин Меховой утверждает, что к ним привезли единорога... по накладным... Не вляпался бы куда... Но вы, как найдете, непременно пошлите за мной.

Стоило удрученному приставу покинуть дом криптозоолога, как из кабинета сэра Бенедикта высунулась рыжая усатая морда Дуси.

— Ушел, — сообщил Брут, как ни в чем не бывало переворачивая газетный лист. — Я послал своего камердинера купить вам место в грузовом вагоне до Константинополя, оттуда через два дня уходит пароход до Каира. Контейнер мы оборудуем всем необходимым и пошлем на имя Сайба в русское посольство. Не беспокойтесь, транспортные компании в наши дни отлично справляются с перевозками живых грузов. К сожалению, не имею возможности вас сопроводить, история с так называемым единорогом — чистая правда.

Боттом четвертого теста

Что люди знают о сфинксах?

Не так уж много. Да и то, что знают, надо сильно подвергать сомнению. К примеру, сфинксы не едят разумных существ. Другое дело, что не всех людей они могут посчитать разумными.

А что сфинксы знают о людях?

Все. Или практически все — зависит от конкретного сфинкса, сферы его интересов и времени, уделенного для изучения обычаев и нравов человечества.

В этом плане Дуся вполне могла претендовать на звание квалифицированного антрополога среди своих сородичей. Так что, если учесть разницу в развитии двух существ, скорее мадемуазель Локоткова должна была ходить на поводке у своей питомицы, а не наоборот.

Всего пару лет назад удивительная криптида решила покинуть свою стаю, чтобы поближе познакомиться с бытом и нравами людей.

В первые же сутки исследовательской экспедиции ей пришлось изрядно побегать, скрытно нарежая круги по ночному Каиру, в поисках нужного человека. Ведь, как и обычным путешественникам, сфинге нельзя было и шагу ступить без проводника.

Существует легенда, что сфинксы оставляют в живых только тех, кто отгадает их загадку. На самом же деле даже сами сфинксы не могли объяснить, откуда взялся этот миф. Мнимые чудовища радовались уже тому, что какой-нибудь человек сможет воспринять их мысленный голос, правда, чаще всего эту способность проявляли именно люди с аналитическим складом ума.

К счастью, такой человек нашелся довольно быстро. Благородный юноша Саиб, служивший переводчиком при русском посольстве, оказалось, не только владел европейскими языками, но умел понять даже сфинкса. Именно этот не чуждый чтению молодой человек подарил кошке ее имя, которое она вскоре оценила по достоинству, самолично (не без проблем в виде когтистых лап) познакомившись с произведением Сервантеса.

Настоящее имя Дуси представило бы непреодолимые трудности даже для самого развитого человеческого речевого аппарата, поэтому звучное «Дульсинея» сфинге нравилось. Куда лучше, чем приторное «кисонька», произносимое с детским присюсюкиванием, как выяснилось позднее.

Быстро пресытившись Каиром и не такой уж богатой библиотекой посольства, Дуся попросила Саиба подарить ее...

В Египет как раз приехала великоросская делегация. Людей, умеющих слышать сфинксов, в ее составе не было, но криптида не чуралась авантюры.

Впоследствии счастливый получатель такого редкого усатого подарка, господин Локотков, весьма недурной дипломат, сам того не подозревая, помог Дусе познакомиться с величием Вены, древностью Афин и очарованием Парижа. Сопровождая его, сфинга забиралась в такие дебри человеческой цивилизации, в которые попасть самостоятельно для нее было бы невыносимо.

Но и в долгу криптида никогда не оставалась, чего только стоил тот случай на таможне, когда великоросскому посольству хотели инкриминировать провоз контрабанды. Человек, пытавшийся подбросить в багаж краденые драгоценности, быстро осознал свою неправоту, стоило Дусиным клыкам сомкнуться на его запястье.

В общем, исследовательская деятельность сфинги шла довольно бодро и продуктивно, пока однажды господин Локотков не выхлопотал отпуск и не вернулся на месяц в Князьгород, к семье.

А там дочка, любимая. Ну и как водится: «Папа, подари мне эту кисоньку». Тут уж клыками делу не поможешь.

В женском лице Дусе было невыносимо скучно, все барышни и их классные дамы как на подбор оказались глухи к ее языку. Поэтому на момент знаменательного матча криптида уже несколько дней подыскивала человеческое существо, которое не только услышит ее, но и поможет вернуться на родину, ведь, согласитесь, самостоятельно путешествующая сфинга в человеческом мире — это скандал почище самостоятельно путешествующей благородной барышни. Пожалуй, не будь Дуся кошкой, она и сама бы примкнула к феминисткам, модными идеями которых так восторгалась (не понимая их полной сути) ее новая простодушная хозяйка.

Именно на крикетном матче сфинге наконец-то улыбнулась удача. Новый проводник нашелся сам, и не просто нашелся, а вот уже целую минуту крался по ее следам в надежде пощупать череп...

Решив на этот раз не рисковать, Дульсинея постановила себе для начала проверить кандидата, уж больно странно он косился на мадемуазель Локоткову и ее подружек. За время своего путешествия кошка навидалась всякого, а потому не хуже любой барышни боялась «связаться с каким-нибудь извращенцем».

Просматривать всю человеческую жизнь слишком утомительно даже для такого сверхинтеллектуального магического существа, как сфинкс. Поэтому Дуся, следуя наставлениям своих старших сородичей, всегда ныряла только в ключевые моменты, особо важные для личности, их пережившей.

Душой крадущийся за ней, в общем-то, не такой уж глупый человек был до сих пор в одном-единственном событии. Сфинга чуть шевельнула усами, настраиваясь на нужную волну, и с головой окунулась в чужие воспоминания.

* * *

— Ну что, как думаете, сгодится для полугодового экзамена? — обеспокоенно спросил Викула Кириллович.

Профессор Телятников был невероятно толст, и, когда склонялся над своими учениками, тем казалось, что солнце заслонила гигантская туча. Вместе с тем он, как и многие полные люди, обладал если не добрым, то точно добродушным характером. Есть у еды такое особое свойство — приводить любое живое существо в умиротворенное состояние. Венедикт Брюшков, студент второго курса Царской академии магических искусств, от ответа которого сейчас зависела судьба многих его однокурсников, знал об этом не понаслышке.

— Вполне.

Перед лохматым пареньком лет восемнадцати лежал, положив приплюснутую морду на передние лапы, странного вида кот. Издали его можно было принять за пантеру, но стоило свету упасть на темную шерсть чуть под другим углом, как оказывалось, что это не шерсть вовсе, а плотная мелкая чешуя с зеленым отливом.

— Отлично! — Профессор накинул на шею чудовища ошейник с черными камнями и как незначительной игрушкой щелкнул магическим замком. — Спасибо за помощь! Естественно, на теоретический экзамен можете даже не приходить. Ведомость я и без вашего присутствия оформлю.

Студент завистливо закусил губу. Он был готов хоть десять раз сдать этот треклятый экзамен лишь за толику магии, позволяющей справляться с артефактами.

Викула Кириллович гримасу отметил и, казалось, раздумал покидать экзаменационную аудиторию. Толстяк тяжело вздохнул и оперся о кафедру, которая тут же жалобно скрипнула, едва выдерживая оказанное ей доверие.

— Господин Брюшков, я, конечно, не ваш куратор, но позвольте на правах старика дать совет. Уходите отсюда, не тратьте в академии свое время и свой талант.

Венедикт задиристо вскинул голову, на секунду вообразив, что преподаватель издевается. Какой талант? Это у него-то, не сумевшего найти в себе и крохи магии? У него, получившего предупреждение от деканата, что иначе как со справкой о прослушанном теоретическом курсе выпуститься не сможет?

— Подумайте, молодой человек, есть зоологический факультет в Петерградском университете, Ветеринарное училище, в конце-то концов! Если вы не слишком щепетильны по поводу своего общественного статуса...

Веня лишь упрямо мотнул головой и погладил по чешуе животное, лежащее перед ним.

— А я смогу увидеть в ветеринарном училище серпопарда?

Такого вопроса Телятников не ожидал. Впервые в его практике ему попался столь странный студент, способный ввести в транс криптиду без всякой магии. Ни один из преподавателей не знал, что делать с упрямым. И гнать из академии не выгонишь, Венедикт Брюшков занимал свое место совершенно законно, на правах сына магически одаренного отца.

— Ну как знаете...

— Можно я отведу его в вольер и покормлю? — с энтузиазмом воскликнул юноша. Не дожидаясь ответа, он прицепил к ошейнику серпопарда тонюсенький поводок и потянул животное к выходу.

Профессор Телятников проводил студента и чешуйчатого кота взглядом, вздохнул и покачал головой.

— Эй, господин Брюшков, далеко ли путь держите?

На улице уже смеркалось, и Венедикт не сразу понял, откуда доносится голос, но сразу узнал его хозяина — Аполлон Светлов, высокий стройный (на зависть) юноша, невесть за что взъевшийся на бесталанного сокурсника едва ли не с первого месяца учебы.

— Неужели чистить конюшни? — А это уже Гореслав, его зверообразный приспешник.

Венедикт опустил голову, подтащил парда ближе и пошел через двор академии, не обращая внимания на обидные выкрики.

— Брось, Гора, разве такой знатный специалист может чистить конюшни? Давайте мы вам поможем. — Аполлон вынырнул откуда-то сбоку и дернул за поводок.

— Не надо. — Веня успел отшатнуться, но тут же был схвачен железными ручищами за плечи.

— Ну как же не надо? — Светлов уже беспрепятственно перехватил поводок и с большими предосторожностями отстегнул его.

Предосторожности оказались излишни: несмотря на угрожающую внешность, серпопард был существом вполне безобидным даже без ошейника (не мантикору же брать для экзамена второкурсников?) и характером напоминал скорее ящерицу, из всех удовольствий у которой — возможность зарыться в песок или погреться на солнышке. Внушительные когти чудовища предназначались единственно для того, чтобы без особых усилий забираться по вертикальным поверхностям.

— Ну же, пошел отсюда! Пш-ш-ш! — топнул ногой на криптиду Аполлон. — Иди!

Серпопард припал к земле, замер и не двигался. Ошейник, посверкивавший на нем, был предназначен именно для того, чтобы животное не сбежало, а не для снижения агрессии, как у большинства других крупных монстров.

— Ах ты ж, зараза! — Светлов явно старался держаться на удалении от кота. — Гора, сними с него ошейник!

Гореслав легко отшвырнул Веню прочь и, не раздумывая, отправился выполнять приказ.

— Вас исключат из академии за срыв экзамена! — прибег к последнему аргументу Брюшков. — Тем более это не первая криптоида, которую ты...

— Твое слово против нашего! — перебил Аполлон. — Если не уследил за зверем, зачем оговаривать товарищей? Так ведь, Гора?

Гора кивнул и щелкнул замком артефакта на шее парда.

Чешуйчатый кот на секунду растерялся, а потом, осознав, что наконец-то свободен, со змеиной изворотливостью прополз между ножищами Гореслава, встал на лапы, в два прыжка преодолел половину двора и юркнул в первую же приоткрытую дверь.

Веня, не кинув даже злого взгляда в сторону своих обидчиков (не до того было), бросился вслед за криптоидой — догонять.

— Знаешь, куда эта дверь? — усмехнулся и сам немного опешивший от стремительности произошедшего Аполлон.

— Куда? — тупо спросил медлительный Гора.

Его друг вместо ответа прыснул в кулак и потащил недотепу прочь со двора, пока не начались крики.

Венечка Брюшков и так был юношей сообразительным, но после этого происшествия стал крайне внимателен к деталям. Дверь, в которую протиснулся серпопард, вела в длинный коридор, заканчивавшийся обложенной кафелем постирочной. Но в постирочной не было никого, включая кота, поэтому студент продолжил свои поиски и вывалился в следующее продолговатое помещение со множеством шкафчиков и длинными скамьями.

Как раз в этот момент черный чешуйчатый хвост скрылся за створкой в противоположном конце. Времени размышлять не было, и Веня рванул вдогонку. Если повезет, он зажмет парда в угол и вновь попытается его усмирить. В своей способности отвести чудовище в вольер и без всякого ошейника Брюшков был абсолютно уверен.

Распахнув очередную дверь, Венечка вдруг оказался окутан белым паром, нога наступила на что-то скользкое, и он, как ни старался удержаться в вертикальном положении, поехал вперед по мокрому кафельному полу, а затем и вовсе лег навзничь, неслабо приложившись затылком.

Темнота в глазах студента не успела еще до конца рассеяться, как вдруг раздался пронзительный женский визг... а затем еще один, и еще...

Венечка с ужасом стал догадываться, куда попал, когда вдруг испуганно зарычал серпопард.

От этого визгов только прибавилось.

Раздираемый между желанием поскорее выскочить вон и рыцарственным побуждением помочь дамам в затруднительной ситуации, юный Брюшков сделал самую глупую вещь, которую только можно сделать, по случайности попав в банное отделение при женском общежитии Царской академии магических искусств. Он шагнул вперед и громко, чтобы его было слышно, сказал:

— Барышни, не волнуйтесь, это всего лишь серпопард. Он никому не причинит вреда. Если позволите, я его сейчас уведу.

Визги утихли, повисла секундная тишина...

А затем...

Ох, вы не представляете, как могут царапаться взбешенные голые юные леди. Девушки, позабыв, что они магички, обрушили на несчастных вторженцев все отпущенные им природой и баней средства. В ход пошли ногти, пятки и коленки, тазики, веники и кипяток.

Кончилось тем, что несчастный пард, не зная, куда скрыться, запрыгнул на руки к такому же несчастному и обескураженному Венедикту, обнял студента лапами словно родного отца и защитника и стал громко подвывать. Через пять минут и чешуйчатый кот, и его спаситель вывалились из дверей банного отделения, гораздо менее чешуйчатые и целые, чем туда попали.

* * *

Увидев эту последнюю сценку, особенно выпученные глаза серпопарда, Дуся закашлялась от сдерживаемого смеха и со стороны стала напоминать кошку, которая вот-вот выплюнет клок собственной шерсти.

Криптозоолог, крадущийся следом, мотнул головой, будто против воли, вдруг задумался дольше обычного, а потом с сомнением посмотрел на сфингу.

— Я читал, что вы разумные. Похоже, это не так.

Дульсинея усмехнулась в усы и грациозно села напротив, сложив лапы в такой строгой симметрии, что стала напоминать каменные изваяния, посвященные ее сородичам в Египте.

«РАЗУМНЫЕ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ТЫ МОЖЕШЬ СЕБЕ ВООБРАЗИТЬ, ЧЕЛОВЕК». Слова отпечатались в голове сэра Бенедикта так четко, словно кто-то вдруг вырезал их на внутренней стороне его черепа. Доктор раскрыл глаза и схватился за виски.

«Извини. — Сфинга убавила громкость своего посыла. — Не ожидала, что ты окажешься настолько восприимчив... У меня к тебе просьба...»

— К-какая? — Криптозоолог опустил на колени, сел на пятки, как любили проделывать узкоглазые жители страны Ниппон, и стал разглядывать сфингу.

«Во-первых, соблюдать приличия. Разве тебе не говорили, что такое пристальное внимание — дурной тон? — Дуся лизнула лапу и провела ею по шерсти, признаваясь себе, что восхищение для разнообразия приятно. — А во-вторых, мне нужно попасть обратно в Каир. Великороссия уже порядком надоела».

— Хорошо, — легко согласился странный человек. Казалось, он был готов выполнить все, чего бы сфинга ни пожелала, но у кошки имелись свои понятия о чести.

«Что ты хочешь взамен?»

Сэр Бенедикт собрался раскрыть рот, чтобы сказать «ничего», но криптида вновь его опередила.

«Понятно... Это та проделка, ради которой ты за мной крался... Ну что ж, мне несложно. Иногда, чтобы решить проблему, надо создать проблему».

— Только вряд ли я смогу расстегнуть ошейник... Придется разрезать...

«Нет ничего проще. — Дуся дернула ушами, и артефакт свалился с нее сам собой, будто бесполезная безделушка. — Наша магия сильнее человеческой».

Криптозоолог раскрыл рот и просидел бы так еще долго, если бы сфинга не ткнула его лапой в колено.

«Надевай обратно, я застегну».

— Бенедикт! — Встревоженный голос Анфисы Ксаверьевны полетел через все перекрытия дома в Пекарском переулке. — Ваша

кошка отобрала у меня утреннюю газету разлеглась на ней и не отдает! Сделайте что-нибудь!

«Не разлеглась, а читаю, — подумала Дуся, подцепляя когтем кусочек сыра, которым она самовольно побаловала себя на кухне. Русская письменность казалась ей не в пример легче той же древнеегипетской или арабской. — Кто виноват, что ваши печатные издания не приспособлены для сфинксов?»

И кстати, ни слова о сфинксах в выпуске не было. Никакой сенсации о вышедшей из-под контроля криптоиде. Это было Дульсинее на руку, вернее на лапу, отъезд домой пройдет спокойнее.

— Анфиса Ксаверьевна, будьте гостеприимнее. Дочитает и отдаст, что вам, жалко, что ли?

Дуся, собственно, уже дочитала, поэтому, с пониманием глядя на начинающую закипать словно чайник домовладелицу, встала с газеты, с трудом цепляя с пола тонкую бумагу, сложила печатное издание и подвинула в сторону женщины в том виде, в котором его принес газетчик.

Анфиса Ксаверьевна тут же прекратила набирать в себя воздух, всплеснула руками и вновь воззвала к своему неугомонному постояльцу. На этот раз тон был виноватым.

— Бенедикт, а может, ей кофе налить? Вы не спросите?

Дуся фыркнула и смущенно махнула хвостом, дескать, не стоит утруждаться. Тем более что она уже самовольно отпила в леднике сливок, видимо и предназначенных для этого самого кофе.

Хорошие все-таки были люди. Неплохо бы оставить таким прощальный подарок. Тот розыгрыш на спортивном поле — лишь баловство и не в счет. Какая от него польза?

Сфинга секунду поразмыслила и заготовила в памяти воспоминание, которым она непременно поделится с сэром Бенедиктом в минуту прощания... Короткое чужое воспоминание...

* * *

Как это часто бывает, одно и то же событие для одного становится неожиданной радостью и удовольствием, а для другого сбывшимся кошмаром.

Лишь мельком увидев, кого профессор Телятников приготовил для полугодового экзамена, Аполлон покрылся холодным потом. При мысли о том, что придется на глазах у всех сокурсников пытаться ввести это жуткое чешуйчатое создание в транс, у Светлова начинали трястись руки.

С тех пор как его в детстве от души оцарапал (до сих пор шрамы остались) дворовый кот, юноша на дух не переносил любых животных, особенно когтистых, а уж криптид боялся до дрожи. Магические способности и дар мастера над замками в связи с этим казались усмешкой судьбы. От занятий по криптоартефакторике не отвертишься, как бы ни хотелось, — императорский указ.

А тут еще этот Брюшков вечно под носом со своими чудищами таскается...

— Гора, пойдем! — Аполлон толкнул в бок соседа по комнате.

— Куда?

— Решать проблему.

Тайм

Спустя день с того момента, как поезд на Константинополь отошел от Князьгородского железнодорожного вокзала, сэр Бенедикт с небольшой корзинкой, накрытой полотенцем, в руках появился на пороге полицейского управления.

Пристав встретил его более чем сурово:

— Что, завтрак мне принесли в качестве извинения, Брут? Думали, Бесогонов совсем идиот, не додумается, к чему были все эти объятия? А я, между прочим, из-за вас и вашего сбежавшего сфинкса на ковер к генерал-губернатору был вызван!

Разошедшийся Порфирий Аверьянович уже совсем было собрался сграбастать криптозоолога за грудки, как «завтрак», накрытый полотенцем, вдруг возьми да мякни...

Пристав притормозил, вместо лацканов доктора схватился за полотенце и аккуратно его приподнял.

Из-под ткани сначала показался крохотный розовый носик, а потом любопытная мордочка рыжего дворового котенка, впрочем, тут

же раззявившая такую пасть, что любой царь зверей позавидует.

— Мяу!

— А где мой завтрак? — почти обиженно протянул Порфирий Аверьянович и тут же пихнул приятеля в бок. — Признавайтесь, Брут, опять в лицей собрались? Утешать любезную Эввалию Витальевну? А меня для храбрости решили с собой взять?

— Нет, — мрачно ответил сэр Бенедикт, словно пристав уличил его в чем-то предосудительном. — Вы знаете, где живет Аполлон? Раз он провел в камере почти сутки, в деле должно быть записано.

Примечания

[1]

Простите, что встречаю, сэр, — ... — но я должен отметить, что для иностранца вы говорите по-русски слишком свободно.

[2]

Позвольте спросить у великого лингвиста, что за страна имеет честь быть его родиной?

[3]

Германия, сэр.

[4]

Хм, я бы сказал, что ваш английский чересчур хорош для бургера.

[5]

Жаль, что я не могу ответить вам тем же.